

63.3 (2Рос, Кзв)
X257

63.3.367

ИСЛАМ- БИЙ

КАРАЧАЕВСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Р.Т. Хатуев

ИСЛАМ-БИЙ

**ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
И.Х. КРЫМШАМХАЛОВА**

**ЧЕРКЕССК
ИКО «Аланский Эрмитаж» - 2009**

ББК 63.3(2РосКао)6

× 257

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

И.М. ШАМАНОВ

кандидат исторических наук, доцент

ISBN 5-86494-022-4

Рецензенты:

Р.М. Бегеулов, доктор исторических наук, профессор
(КЧГУ им. У.Д. Алиева)

Ш.Б. Батчаев, кандидат исторических наук (Черкесский ф-л
ЮФУ)

И.С. Кипкеев, кандидат исторических наук (КЧГУ
им. У.Д. Алиева)

Консультант:

И.А. Лайпанов, научный сотрудник (Карачаевский НИИ)

В знак признательности за вклад научных сотрудников Карачаевского НИИ в сохранение фамильного наследия издание осуществлено при финансовой поддержке рода Бекбулатовых.

ISBN 5-86494-022-4

653367-1

Содержание

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ	10
Глава I. ТРЕУГОЛЬНИК ДЕТСТВА	10
Глава II. ПЕТЕРБУРГ	18
Глава III. И ВНОВЬ В РОДНОМ АУЛЕ	24
Глава IV. ТЕБЕРДА, ТЕБЕРДА...	32
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В СЛУЖЕБНОМ ОБЩЕСТВЕ...	42
Глава V. ДОВЕРЕННЫЙ НАРОДА	42
Глава VI. ПЕРВЫЙ ПРОМЫШЛЕННИК	55
Глава VII. ХУДОЖНИК	60
Глава VIII. ЛИТЕРАТОР	70
Глава IX. МУЗЫКАНТ (первый скрипач Карачая)	70
Глава X. УЧЕНЫЙ	78
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	92
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ</i>	101
а) Поэзия	101
Бёрю бла киштик	
Альбомдан	
Пил бла аслан	
Эки шох	
«Мусосну пудлукъ батманы...»	
«Солтан...»	
«Ёзендеги озгъун джел...»	
<i>Переводы</i>	
Волк и кот	
Из альбома	
«Оживляя холодные камни...»	
«Шаловливый ветер гонит...»	
«Сон»	
«На берегу моря»	
Лев и слон	
б) Проза	113
Карачаевское горе (рассказ)	115
в) Публицистика	115
Из Карачая	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПИСЬМА	118
Письмо начальнику Хумаринского участка (1897)	118
Письмо в Редакцию журнала «Мусульманин» (1910)	181
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Некролог И.Х. Крымишамхалова	185
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Предки просветителя (генеалогическая схема)	187

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Сокровищница многонациональной культуры России вобрала в себя славные имена из разных поколений народов седого Кавказа. В их когорте – Ислам Хасанович (Пашаевич) Крымшамхалов, он же *Ислам Тебердичи* («Тебердинский»), который принадлежит к славной плеяде первого поколения национальной интеллигенции карачаево-балкарского народа. Художник и поэт, офицер и промышленник, мыслитель и общественный деятель. Многогранный талант нашего замечательного земляка был признан еще при жизни, а его творческая биография, войдя в учебники вузов и школ Карачаево-Черкесии, стала достойным примером подлинного служения своему народу.

Он был активным общественным деятелем, неоднократно избирался на высший представительский пост Карачая, получив право выступать от имени всего народа. Его поступательность и последовательность, его целеустремленность и принципиальность служат образцом подражания и нам, тем, которым народ – главный источник власти – доверяет ее на определенный срок.

Особого внимания заслуживает его взаимоотношения с представителями других народов и конфессий. Будучи верующим-мусульманином, он читал с детства Коран и всю жизнь исходил из установки священного писания: Всевышний создал «вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга» (49-я сура). Он показывал наглядный образец того, что истинно верующий человек является интернационалистом по определению.

Поэтому в числе тех, кто был наиболее близок к нему по духу, мы находим имена деятелей культуры православных народов – выдающегося русского художника Н.А.Ярошенко и основоположника современной осетинской литературы К.Л.Хетагурова. Здесь Ислам Хасанович также следовал духу и букве Корана, гласящего, что наиболее близки к мусульманам те, кто говорит: «Мы – христиане» (5-я сура).

Вся жизнь И.Х. Крымшамхалова показывает, что национальная и конфессиональная терпимость – показатель духовного здоровья общества, неотъемлемый признак настоящего интеллигента и подлинно верующего человека. Поэтому-то мы и говорим, что изучение таких знаковых фигур, как наш просветитель,

будет актуальным всегда. Значимость этой могучей – по определению нашего литературоведа Т.Ш.Биттировой – фигуры в истоках современной культуры горского народа осознана не сейчас. Она отмечена еще при его жизни отзывами современников (художника Н.Ярошенко, поэта-художника К.Хетагурова, ученого И.Мушкетова и др.).

Смена политического строя в России после 1917 года, в принципе, не изменила оценок роли Ислама Хасановича в культурном становлении карачаево-балкарцев. Более того, первая попытка сохранить творческое наследие просветителя была предпринята именно на заре советской власти. Это сделал Асхат Басиятович Биджиев, который в своей книге («Билим» - «Знание», изданной в Москве (1926 г.), впервые опубликовал стихотворную басню И.Х.Крымшамхалова («Волк и кот»)¹.

Это, конечно, выглядит удивительным в условиях, когда большевики объявляли врагами целые социальные классы и принадлежавшие к ним семьи и фамилии. Но «прорыву» 1920-х гг. способствовали объективные и субъективные условия. К первым относился режим «новой экономической политики» (НЭП), когда большевики пошли на временную либерализацию в стране, допустив легальное существование элементов ненавистного капитализма.

Субъективные условия заключались в нескольких моментах.

Во-первых, в том, что у руля власти в Карачае тогда встал К.-А.А. Курджиев, при котором был взят курс на национальное примирение, позволявший реабилитировать бывшую аристократию, которую большевики объявили «враждебным классом». Именно при Курджиеве представители древнего княжеского рода были приглашены на работу в советские государственные органы – в это время упоминается Крымшамхалов, работавший в Экономсовете Карачаево-Черкесской автономной области, упоминается Бекмурза Крымшамхалов ставший председателем (!) областного суда². Такого не допускали ни до, ни после К.Курджиева.

Почему советский правитель Карачая был так лоялен к этому княжескому роду? Известно два сообщения, позволяющие понять его мотивы. Одно – еще в 1896 г. К.Курджиеву помог поступить на учебу князь Туган Крымшамхалов³, что говорит о

давних, еще с юности хороших отношениях с Крымшамхаловыми. Другое – точно известно, что Курман-Али Алиевич был воспитанником Ахмата Байрамукова, ближайшего друга И.Х.Крымшамхалова⁴.

Второй субъективный момент – в самом Асхате Биджиеве. Он был связан родственными узами с просветителем Исмаилом Акбаевым (Чокуна-афенди) – еще одним другом И.Х.Крымшамхалова. Старшая сестра А.Биджиева, Гезам доводилась невесткой И.Акбаеву, чьи родные племянницы Ёлмесхан и Назифат были, в свою очередь, невестками Биджиевых. Известно, что Чокуна-афенди очень тепло относился Асхату⁵.

По мере ужесточения режима давались установки на политическую амнезию – всех представителей «враждебных классов», какими бы выдающимися они ни были, следовало «забыть». Последнее упоминание о просветителе, кажется, относится к 1932 году, когда в статье, посвященной изобразительному искусству горцев Северного Кавказа, первый директор Карачаевского НИИ И.Х.-Б.Тамбиев напишет: «В дореволюционное время мы мало знали горцев-художников. Вернее, знали хорошо, да и то больше как поэта Коста Хетагурова, очень мало Махарбека Туганова, и редко кто знал карачаевца И.Крымшамхалова, рано умершего одаренного живописца, также поэта, как Хетагуров». В соответствии с велением режима автор статьи, конечно, должен был написать и такие строки: «Здесь, кстати надо отметить, что названные художники принадлежали к верхушечным слоям горских народов»⁶.

После этого на имя просветителя надолго оказывается в забвении и вновь появляется в публикациях лишь во времена хрущевской «оттепели». Тогда начинают вновь выходить в свет его произведения, впервые после войны – в «Антологии карачаевской поэзии» (1965), составителями которой были М.О.Акбаев (до войны – директор Карачаевского НИИ), литераторы Х.Б.Байрамукова и Н.М.Кагиева⁷.

В последующие годы появилось немало публикаций, посвященных жизни и деятельности просветителя (см. *Библиографию*).

Образ просветителя получил отражение и в художественной литературе. Ислама Хасановича упоминает в своих стихах осно-

воположник современной осетинской литературы Коста Хетагуров. В качестве главного лирического героя И.Крымшамхалов выступает в художественно-документальном романе Зинхары Хабичевой-Боташевой.

Можно отметить и воплощение образа князя Ислама в изобразительном искусстве карачаево-балкарцев (в частности, портрет, выполненный членом Союза художников России Магометом Хабичевым).

Решением историко-культурного общества «Аланский Эрмитаж» 2004-й год – в 140-летний юбилей просветителя – бы объявлен «годом Ислам Крымшамхалова»⁸. В рамках этого почина Ученый совет Карачаевского НИИ принял решение проводить систематические «Крымшамхаловские чтения» по карачаево-балкарской культуре. Тем же решением учреждена медаль И.Х.Крымшамхалова по пяти номинациям, связанным с деятельностью самого просветителя (литература, искусство, наука, общественная деятельность, экономика). Надеемся, что этим закладывается основа доброй традиции «активного» увековечивания памяти наших замечательных людей.

Смею добавить, что именно в память И.Х.Крымшамхалова и других наших просветителей, публиковавшихся в парижском журнале с названием «Мусульманин», такое же название было дано духовно-просветительской газете, которая издаётся с 2000 г. автором этих строк вместе с Исламским институтом им. имама Абу-Ханифы.

Настоящий очерк, конечно, не претендует на эталон научно-публицистического совершенства. Не случайно нами обозначена дискуссионность многих моментов в публикациях о просветителе – зачастую именно в спорах рождается истина. Кроме того, мы преднамеренно допустили неравноценность разных разделов очерка, полагая, что некоторые аспекты, в них упомянутые (например, литературоведческий), станут предметом развернутого исследования специалистов. Надеемся, что данный очерк станет лишь началом специальной исследовательской работы, которая позволит воссоздать в монографии полноценную жизненную и творческую биографию просветителя. А это, в первую очередь,

кропотливая и многолетняя работа в архивных и библиотечных хранилищах.

Конечно же, следует отметить и подчеркнуть роль моих коллег, без помощи которых эта небольшая работа не появилась бы на свет. В это связи выражаю свою особую признательность И.М. Шаманову, директору Карачаевского НИИ, членам ученого совета Карачаевского НИИ И.Х. Атаеву, Ш.М. Батчаеву и А.А. Эбзееву, оказавшим большую помощь в сборе материалов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Глава I ТРЕУГОЛЬНИК ДЕТСТВА (КАРТ-ДЖУРТ – БАКСАН – СТАВРОПОЛЬ)

*Родительский дом. - *У дяди. - *Гимназист.

Родительский дом

Об этом периоде жизни Ислама сведения исключительно скупы. Точно известно, что он родился в ауле Карт-Джурт⁹, где находился родовой квартал (*тийре*) Крымшамхаловых. Дата его появления на свет – 31 марта 1864 года¹⁰.

Отец. До совсем недавнего времени в происхождении Ислама бесспорным оставалось лишь одно – его отцом был *Хасан Крымшамхалов* из фамильного клана *Ачахматлары*. У Хасана было и второе имя – *Паша*. Не только этнографы знают карачаево-балкарскую традицию имянаречения, когда человек всю жизнь носит два имени – своего рода официальное (как правило, мусульманское) и неофициальное (народное, семейное, домашнее).

Далее в генеалогии просветителя начинались дебри, где многие наши коллеги многократно спотыкались. Деда Ислама называли то «Машаем»¹¹, то «Магометом»¹², а его прадедом – известного олия Карачая Ислама А. Крымшамхалова¹³.

Между тем, выяснить ближайшее родословие не составляет особого труда – нужно лишь поехать на Тебердинское мусульманское кладбище и прочесть текст на надмогильном камне (*сын таш*) просветителя. Конечно, для этого нужно мало-мальски владеть познаниями в арабской графике, но, слава Аллаху, такие познания сейчас у тысяч людей в Карачае – включая выпускников Исламского института им. имама Абу-Ханифы и зарубежных мусульманских учебных заведений. Арабское правописание в мере, достаточной для чтения таких текстов, знает и ваш покорный слуга.

Краткая генеалогия Ислама дается в 5-ти верхних строках текста на упомянутом камне. В свое время (1990 г.) весьма не-

удачный его перевод был опубликован одним из любителей-краеведов, который дал такое чтение: «Умер Ислам сын Хасана, сына Машая, сына Хаджи-Ахмата, сына Крымшаухала»¹⁴.

На самом же деле интересующий нас текст выглядит так:

مات اسلام بن

حسن ای افشا

بن اسلام بن

اج احمد بن

قریم شمشال

Перевод выглядит так:

/1/ Умер Ислам, сын

/2/ Хасанай Паши (в арабском нет графемы «п», поэтому вместо него в имени Паши – графема «ф» без диакритической точки, видимо, стертой),

/3/ сына Ислама, сына

/4/ Адж-Ахмада (в арабском нет «ч», поэтому вместо него в имени Ачахмат поставлен «дж»), род

/5/ Кърым Шамхала.

Итак, краткое родословие просветителя достаточно ясно. Он родной внук верховного правителя (олия) Карачая князя Ислама Ачахматовича Крымшамхалова, который впервые упоминается еще академиком Г.-Ю.Клапротом (1807-1808 гг.)¹⁵. Женой последнего, как указывает М.И.Барзбиев – со ссылкой на материалы Хамзата Б. Крымшамхалова, племянника просветителя – являлась балкарская княжна Шакманова¹⁶.

Братья Хасана (Паши) – Даулет-Герий, поручики Магомет-хаджи и Бадра Крымшамхаловы упоминаются во многих документах того времени. В начале 1870-х гг. в семье Хасана фиксируется наличие трех лиц мужского пола (не считая самого главы семейства)¹⁷.

Имеются сообщение о том, что Хасан Исламович некоторое время являлся старшиной Картджуртского аульного общества¹⁸. Документальных свидетельств о его деятельности в таком качестве пока не обнаружено.

Мать. Хасан Исламович был женат первым браком на княжне Джюзек Урусбиевой, дочери Мырзакула Исмаиловича Урусбиева¹⁹.

Мырзакула можно особо не представлять – имя баксанского князя стало известно на Кавказе и далеко за его пределами еще с 1820-х гг., после знакомства с ним генералов (включая Г.А.Эмануэля), ученых, как российских (Купфер, Ленц, Мейер, Менетрие, ставшие академиками), так и зарубежных (венгр Янош Карой Бешш, он же Жан-Шарль де Бессе)²⁰.

Известно, что князья Урусбиевы по родовитости не уступали Крымшамхаловым и всем княжеским фамилиям адыгов, осетин, сванов и других соседей. Род их уходит корнями к легендарному Глын-хану, жившему – по генеалогическим расчетам – где-то в золотоордынское время.

Горское общество, которым управляли эти князья, и их главное селенье на Баксане, именовалось Урусбиевским, а сами представители этого общества – *урусбиевцами*. Еще на рубеже XVIII-XIX вв. они прямо назывались карачаевцами; документ того времени гласит: «к карачаевцам еще принадлежит... племя урусби»²¹.

От брака с Джюзек Мырзакуловной у Хасана Исламовича было трое детей – наш герой, Ислам, названный в честь знаменитого деда, и две дочери, Клычхан и Забитхан. Первая впоследствии вышла замуж за абазинского князя Лоова, а вторая – за балкарского князя Амирханова²².

Сирота. Известно, что мать просветителя ушла из жизни в молодом возрасте. Отец, впрочем, остался верен союзу с Урусбиевыми, сочетавшись вторым браком с другой дочерью Мырзакула – Гошаях²³.

Когда Ислам осиротел?

Мы можем получить ориентировочную дату путем некоторых расчетов по косвенным данным.

Первое. По материалам посемейной переписи карачаевских фамилий рубежа 1860-70-х гг. мы знаем, что тогда в семье Паши (Хасана) Крымшамхалова насчитывалось 3 лиц мужского пола²⁴. Так как в это число не входит глава семейства, речь, надо полагать, идет о сыновьях Хасана. Из них от первой жены – только Ислам, другие – от второй. Значит, к моменту подписания документа матери Ислама уже не было в живых.

Когда же была составлена перепись? Документ подписал Н.Г.Петрусеви́ч как начальник Баталпащинского уезда. Извест-

но, что вместо округов на Кубани уезды возникли в 1871 году. Проф. К. Т. Лайпанов датирует документ 1874-м годом²⁵. Это, видимо, ближе к истине, поскольку Мырзакул, первый ребенок Хасана от *второго* брака, по имеющимся данным, родился в 1873 г.²⁶

Второе. Поскольку Мырзакул родился в 1873 г., то, видимо, Хасан женился на его матери Гошаях как минимум за 9 месяцев (срок беременности) до этого, не так ли? А это – начало 1873 г. или предыдущий год.

Третье. Мог ли Хасан взять вторую жену ранее, чем через 1 год после смерти первой жены? Конечно, в обычных случаях это было бы нежелательно – ведь соблюдался годовой траур. Но, с другой стороны, ситуация была нестандартной – ведь у князя-вдовца на руках остались малолетние дети. А холопы, кои могли за ними ухаживать, получили волю еще в 1868-м. А у родичей своих забот хватает. Такая ситуация, конечно, была более всех понята родичами покойной. Этим, видимо, и объясняется женитьба Хасана на родной сестре умершей жены – к тому же, осиротевшим детям она приходилась отнюдь не чужим человеком. Поэтому он мог жениться через 2-3 месяца после смерти первой жены (после предусмотренных обычаем 52-х дней строго траура).

Четвертое. Если к 9 месяцам со дня зачатия Мырзакула прибавить указанные 2-3 месяца, то получаем примерно год.

Отсчитав этот год от даты рождения Мырзакула (1873 год) мы и мы получим ориентировочную (наиболее позднюю) дату смерти матери Ислама – 1872-й год.

У дяди

После смерти Джюзек ее брат Исмаил Урусбиев увез Ислама к себе в Баксанское ущелье²⁷. В документально-художественном романе «Озарение души» говорится о том, что Исмаил перевез на Баксан всех трех детей сестры еще во время ее болезни и по ее настоянию; после ее кончины у дяди остался Ислам²⁸.

Определяющим в формирование личности Ислама стало, конечно, воспитание в доме Урусбиевых. Оно во многом определяло его ценностные и творческие ориентиры. Огромное значение, безусловно, имела фигура Исмаила Мырзакуловича

Урусбиевича. О нем русский исследователь М.М.Ковалевский пишет:

«Измаилу Урусбиеву 54 года, но князь смотрелся гораздо моложе. Он не помнит, был ли он когда болен. Вся жизнь его прошла на Кавказе. Ни в какой школе князь не учился, читает только по-арабски и тем не менее имеет весьма обстоятельные сведения по истории. Книги читают ему сыновья, когда приезжают в аул. Князь отлично знает народные предания и легенды и голова его кишит гипотезами о заселении Кавказа и об его прошлых судьбах. Память князя феноменальна: однажды, беседуя с нами о русской литературе, он, в-доказательство своей мысли, цитировал несколько мест из Добролюбова...

У горских татар нет имени более популярного, как имя Измаила Урусбиева. «Кто может сделать лучше?» - выражение, которое мы обыкновенно слышали от татар, когда речь заходила о князе. Он первый джигит, первый танцор, первый музыкант, первый кузнец, первый сапожник, столяр, токарь и мн. др. Особенно же преклоняются татары перед его находчивостью и умом. Князь любит горских татар и несколько идеализирует их»²⁹.

У дяди и племянника было много общего и в чертах, и в судьбе. Примечательно, что современники называли Исмаила Урусбиева «горцем-самородком»³⁰ и указывали, что «геологию, археологию и историю Северного Кавказа он знает основательно и обладает замечательной археологической коллекцией, которую составил сам»³¹. «Карачаевским самородком» именовали поздние авторы и Ислама³², так называли его и родичи³³.

Фигуры И.М.Урусбиева касались многие авторы, к работам которых мы и отсылаем любознательного читателя³⁴. Добавим, что в среде, где рос Ислам, определенную роль играли и его сверстники — дети Исмаила Мырзакуловича. Они были весьма одаренными. У дореволюционных авторов приводится эпизод, иллюстрирующий качество одного из его князей. Когда в отсутствие Исмаила его старший сын (речь идет о Сафарали) услышал пожелание одного иностранного гостя пройти из селенья Урусбиевского в Учкулан, то, не растерявшись, сказал:

- Сударь, если бы мой отец был здесь, то он не только бы счел за честь принять вас в своем доме, но и проводил бы вас до Учкулана.

Приводя этот эпизод, автор отметил: сын Исмаила воспитывался в русской школе, но «в нем сохранились некоторые лучшие черты национального характера, и таким образом он был очаровательным представителем Урусбиевой /«деревни», т.е. селенья Урусбиевского, - Р.Х./, самым образованным и приветливым из жителей северо-западного Кавказа»³⁵. Северо-западного Кавказа – не меньше!

Вместе с сыновьями Исмаила – Сафарали (род. 1858 г.) и Наурузом (род. 1863 г.) – Ислам обучался «арабскому письму, основам Корана, русскому языку», получив тем самым «хорошее домашнее образование»³⁶. В его некрологе говорится, что «как мусульманин, он читал Коран и прекрасно знал по-арабски»³⁷.

Общее воспитание, общий дух во многом обусловили то, что занятия, увлечения Ислама и братьев Урусбиевых оказались во многом схожими. Например, Сафарали будет много лет служить лесничим³⁸; такую же службу лесничего будет вести и Ислам. Животноводством и растениеводством на Баксане займется Науруз³⁹. На Теберде тем и другим займется и Ислам.

Не меньшую роль, конечно, сыграли и российские таланты, часто гостившие в доме, где рос Ислам. Здесь бывали и по сей день именитые ученые (М.М.Ковалевский), художники (Н.А.Ярошенко), композиторы (С.И.Танеев)⁴⁰ и др. С некоторыми из них – как, например, с Ярошенко – Ислам свяжет впоследствии свою творческую судьбу.

Гимназист

Пробелы и противоречия сведений мы встречаем в отношении и этого периода его жизни. Известно, что в 1877 г. он поступил на учебу в Ставропольскую мужскую гимназию, точнее – в пансион для горцев при этой гимназии⁴¹.

В одной из его биографических статей говорится, что в гимназию его отдали «родственники отца»⁴². Но почему они? Предполагается, что отец Ислама к тому времени был уже мертв.

Так ли это?

Надпись на надмогильном камне младшего сына Хасана Исламовича, Басханука, указывает, что последний родился в 1879 году⁴³. Если это так – а пока у нас нет оснований сомневаться – то его отец, Хасан никак не мог умереть ранее 1878 года. В таком случае мы можем утверждать, что на учебу в Ставрополь Ислам поехал при жизни отца.

Почему в эту гимназию? Ну, хотя бы потому, что карачаевцы знали ее. За два года появления здесь нашего героя эту гимназию с серебряной медалью окончил его тезка – князь Ислам Дудов⁴⁴, ставший позднее первым карачаевцем с высшим инженерным образованием. В разные годы Ставропольскую гимназию окончили Ильяс Байрамуков (1878-1889)⁴⁵, Саид Халилов, Иммолат Хубиев и др.⁴⁶

Сообразительный отрок мог бы всеми силами впитывать получаемые знания, если бы... знал русский язык. Еще в дореволюционной биографии отмечается, что Ислам «самоучкой выучил русский язык и грамоту» лишь в годы военной службы в Петербурге⁴⁷.

А.А.Суюнчев утверждает, что Ислам «окончил (выделено мной, - Р.Х.) одно из известных на юге России учебных заведений – Ставропольскую гимназию»⁴⁸. Это далеко не так. Будущий просветитель проучился здесь лишь 2 года и ушел, не получив образования. (Как отмечалось в некрологе 1911 г., Ислам «специального образования не получил и нигде не учился» и «продолжал самообразование путем усиленного и постоянного чтения», лишь в годы военной службы в Петербурге «самоучкой выучил русский язык и грамоту»⁴⁹).

Почему?

К настоящему времени известна одна версия. Она в общих чертах выглядит так: «оторвавшись от родных гор, в обстановке закрытого учебного заведения он чувствовал себя «орлом, посаженным в клетку»⁵⁰. Только ли в этом причина его ухода из гимназии?

Да, конечно, языковой барьер мог обусловить неприятие гимназии. Но ведь он, помним родного, после домашней учебы на Баксане «прекрасно знал по-арабски»: давно подмечено, что тому, кто знает два языка, легче дается третий, четвертый... Может дело не языковом барьере?

Да, конечно, у него мог быть другой психологический барьер: его угнетал сам дух строгой гимназистской дисциплины, который был чужд подростку, привыкшему на Баксане к атмосфере «домашнего образования». Но ведь это не помешало ему пойти на службу не просто в русскую армию, а в царский конвой, где дисциплина несравнимо более строга. Может дело не в этом?

Тогда в чем же?

Давайте посмотрим как Ислам ушел из гимназии. В одной из биографий сказано, что Ислам «проучился два года и возвратился домой»⁵¹. Это мягко сказано. Ислам «сбежал домой»⁵².

Можно, конечно, сбежать из нелюбви к гимназии. Но могли Ислам при жизни отца, устроившего его в гимназию, сбежать оттуда по своему капризу? Попрать родительскую волю? Для горца это исключено. Поэтому-то первая версия нам не подходит.

Разберемся сами. Единственное вразумительное объяснение – когда в 1879 году Ислам вернулся в Карт-Джурт, отца уже не было в живых. *Он только что умер* (Басханук родился в том году). Что это значит?

Семья осталась без кормильца.

Четверо сирот: две девочки и два мальчика. Не считая самого Ислама.

И вдова, заменившая Исламу мать.

И хозяйство.

Разве для нормального подростка-горца всего этого недостаточно, чтобы бросить личные дела (включая и учебу) и рвануть до родного очага? Поддержать родных? Стать – на правах старшего мужчины в доме – опорой семьи?

В горах 15-летний возраст – не шутка. Это человек, хорошо подготовленный к нелегкому труду везде и всюду, по дому и в горах. Это без пяти минут воин. В княжеских семьях, где традиционны ранние браки, это завтрашний жених, муж, отец семейства, обученный основам семейной жизни.

Именно это побудило его оставить учебу в Ставрополе и вернуться домой.

В Карт-Джурте он прожил еще около года.

653367

Глава II ПЕТЕРБУРГ

**Сколько служил? – *Когда ушел? – *Почему ушел? –
Урусбиевы вновь...

Подразделение, в которое пришел служить наш герой, было создано еще во времена его деда. С 1828 года оно существовало под названием «лейб-гвардии Кавказско-горский взвод», затем было переименовано в «лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон», а еще позднее – в «Собственный Его Императорского Величества конвой». Изначально в нем служили лишь выходцы из элит мусульманских народов, исключительно из княжеских и дворянских родов⁵³.

Известно, что в 1878-1887 гг., т.е. и в годы службы Ислама, царским Конвоем командовал флигель-адъютант полковник Модест Александрович Ивашкин-Потапов⁵⁴.

Все остальные сведения о его гвардейском служении в Северной Пальмире – как и в большинстве страниц его биографии – нам придется выявлять или уточнять.

Сколько служил?

Даже в этом вопросе мы обнаруживаем разночтения. Первое сообщение содержится в его некрологе 1911 г., где говорится о том, что Ислам служил «в течении 3-х лет»⁵⁵. Эта цифра фигурирует в ряде публикаций⁵⁶. Но некоторые авторы называют – источник нам неизвестен – сроки, несколько большие: четыре года (1880-1884 гг.)⁵⁷.

Полагаем, что пока наиболее достоверным следует считать наиболее раннее сообщение.

Когда ушел?

В там же некрологе сообщается, что И.Крымшамхалов «в возрасте 16-17 лет был взят на службу в Конвой Его Величества в Петербурге»⁵⁸. Кстати, эти данные указывают на ошибочность утверждения о том, что Ислам отправился в Санк-Петербург в 1888 году⁵⁹, когда ему было почти четверть века.

Информация некролога (со ссылкой на Мисоста Абаева) – единственное сообщение об армейской поре его жизни, которое

легло в основу биографических публикаций последующих десятилетий. Оно воспроизводится в «Очерках истории Карачаево-Черкесии» (1967 г.)⁶⁰, где говорится о все том же, 16-17-летнем возрасте.

В некоторых последующих публикациях предпринимаются попытки конкретизировать возраст, в котором он поступил служить: называются то 16⁶¹, то 17 лет⁶². Правда, ни в том, ни в другом случае нет указаний на источники.

Так – в 16 или 17?

На наш взгляд, Ислам ушел на службу шестнадцатилетнем возрасте, скорее всего, в рамках 1880-го – до марта 1881-го гг.

Почему?

Давайте, обратим внимание на одну деталь, которой почему-то долго пренебрегали. Чтобы увидеть ее, нужно обратить пристальное внимание на изображения в нижней части надмогильного камня Ислама на Тебердинском кладбище. А там, на камне по обеим сторонам фамильной тамги Крымшамхаловых вырезаны два военных атрибута. Слева – погон прапорщика (чина просветителя), справа – *нагрудный знак*.

А что это за знак? Он знаком нам по портретам и фотографиям тех лет. Увенчанный императорской короной венки из лавровых и дубовых ветвей, в центре которого – вензель «А» (императора Александра). Обратимся к специалистам. Известный фалерист В.Дуров в одной из статей из серии «Знаки русской армии и флота» пишет:

«Как правило, *после смерти царя* (здесь и далее выделено мной, - Р.Х.), в правление которого то или иное лицо состояло в свите, ему предоставлялось право в память об умершем вензелевое изображение имени императора, которое носилось на погонах и эполетах, перенести на грудь» – в виде таких позолоченных нагрудных знаков.

Видимо, упомянутое право предоставлялась и офицерам из царского конвоя, к коим относился и Ислам. Практика эта известна. Например, как сообщает тот же автор, после возвращения вместе с царем из Болгарии в годы войны 1877-1878 гг. «все чины» гвардейского отряда *Почетного конвоя*, сопровождавшего царя в той поездке и участвовавшего в войне, «получили право ношения вензеля Александра II, помещенного в венок» (рис.). По-

сколько при Александре III «Миротворце» Россия войн не вела, чины *его* лейб-гвардии получить такие воинские коммеморативные /памятные/ знаки не могли. Скорее всего, речь идет все о тех же знаках в память почившего в бозе государя.

Какой же император умер во время службы Ислама при дворе? Только один – Александра II, убитый террористами-народовольцами 1 марта 1881 года. Спустя четыре недели, как мы знаем, Исламу исполнилось ровно 17 лет. Следовательно, поэтому Ислам – чтобы заслужить право на нагрудный знак в память о покойном императоре – должен был служить при дворе Александра II, т.е. в 16-летнем возрасте.

Почему ушел?

Чтобы ответить на этот вопрос, упомянем вот о чем. Через некоторое время после смерти мужа, Гошях Мырзакуловна вторично выходит замуж. Причина, в общем-то, понятна – на руках четверо сирот, нужен «крепкий хозяин». Мужем стал князь Аскербий, все из того же рода Крымшамхаловых.

От этого брака у Гошях рождается дочь Фатима. Когда она родилась?

Известно, что когда у Ислама в тебердинском доме гостил художник Ярошенко, ей было 14 лет⁶³. Мы знаем, что Николай Александрович мог посещать этот дом с 1893 г. (когда был построен) по 1898 г. (когда он умер). Соответственно, год рождения Фатимы приходится на период с 1879 по 1884 гг.

Ислам уходит на службу именно в этот период – в 1880-начале 1881 гг., спустя год после смерти отца. Что случилось за этот год такого, чтобы Ислам мог позволить себе, оставив семью, уехать на военную службу в Петербург?

Вы, конечно, догадались: для этого ему в доме должна была быть замена в качестве старшего мужчины. Таковым мог быть – и, безусловно, стал – «крепкий хозяин» Аскербий Крымшамхалов. Видать, благородный он был, этот человек, согласившийся взять ответственность за жизнь стольких сирот.

Итак, мы устанавливаем ориентировочную дату вторичного замужества тетки и мачехи Ислама – *1880 - начало 1881 гг.* Устанавливаем, что именно этот брак дал ему возможность отправиться на военную службу.

А мотив?

Возможно, их было несколько.

Например, некоторое значение имела перспектива получать твердый воинский оклад, часть которой он мог посылать семье. В конце 1870-х гг. Хаджи-Мырза Крымшамхалов, двоюродный дядя Ислама, как командир сотни получал годовое жалование в 549 руб., «квартирные» - 150, «столовые» - 138, а также «деньги на прислугу и довольствие для лошадей»⁶⁴.

Для справки: в те года на Кубани одна овца стоила до 4,5 руб., корова – 25-33 руб, лошади – 50-120 руб.⁶⁵ Легко посчитать, что лишь за одни «столовые» деньги командир сотни мог купить 30 овец, т.е. *ежемесячно кушать мясо двух с половиной барашек!* При грамотном ведении финансов, можно было из жалования посылать «энную» сумму и домой. Чем не мотив для горца?

Но могли быть и другие соображения.

Когда осенью 1828 года – после 12-часового кровопролитного Хасаукинского сражения, определившего вхождение горного края в состав России – верховный правитель (олий) Карачая, тезка и дед героя нашего очерка князь Ислам Крымшамхалов давал присягу на верность престолу, он был уверен: его род клятву сдержит до конца. И правильно думал, до падения монархии Крымшамхаловы присяге не изменили.

Как «первая княжеская фамилия», государственники по определению, они составили надежную опору трона в Карачае и прилагали немало усилий для укрепления российских позиций на «южном направлении» имперской политики. Еще до появления Ислама на свет сложилось первое поколение карачаевского офицерства в вооруженных силах России, в котором изначально доминировали Крымшамхаловы. Уже тогда офицерами стали родной дядя просветителя Магомет, Абдрузак, Бадра, Гилястан Крымшамхаловы⁶⁶. И первым карачаевцем, получившим российское военное образование, тоже был выходец из этого же рода, упоминавшийся Хаджи-Мырза Бийнѣгерович, ставший кавалером четырех имперских орденов⁶⁷.

Урусбиевы вновь...

Точно установлено, что уже с конца 1830-х гг. в императорском конвое служили представители Балкарии: князя из Верхне-Черекского, или собственно Балкарского (Б.Абаев и М.Айдабулов), Холамского (А.Шакманов), Чегемского (И.К.Келеметов) и других обществ⁶⁸.

И здесь — в который раз в судьбе Ислама — сыграли свою роль его баксанские родичи. Известно, что с 23 сентября 1870 г. по 8 октября 1881 г. в царский конвой служил князь Александр Урусбиев, который после царского конвоя перешел в чине подполковника в армейскую кавалерию⁶⁹.

Мы знаем только одного Урусбиева с такими именем и в таком чине — это Александр (Асланбек) Мырзакулович, который подполковником участвовал в коронации Александра III в Москве (1884 г.)⁷⁰. Он был родным дядей покойной матери Ислама. Позднее в царском конвое служил и его сын, Сергей Александрович, умерший в 1895 г.⁷¹

Как видим, Ислам, придя на службу, застал там не только земляка, но и родича в одном лице. Вполне естественно, что опытный офицер, — давно уже знавший «все коридоры» императорского дворца и лейб-гвардейские порядки, — весьма порадел за внучатого племянника.

Именно с А.Урусбиевым мы связываем близкое знакомство будущего просветителя с Санкт-Петербургом.

Добавим, что князь Александр любил не только земляков, но и свою землю. Известно, что уже полковником он вернется на малую родину, где откроет сыроваренный завод, продукция которого удостоится серебряной медали на Тифлисской промышленной и сельскохозяйственной выставке (1889 г.)⁷². Вклад в развитие родного края внесет не только Александр, но и его сын Исмаил, ставший первым издателем карачаево-балкарского народа⁷³.

Как пишет Е.Польская, «военная служба мало прельщала его, и сразу после производства в офицеры, Ислам поспешил выйти в отставку»⁷⁴. Признаться, мы не знаем, «поспешил» князь бросить службу или нет.

Возможно, его отторгала возможность сделать блестящую военную карьеру путем смены вероисповедания. Ведь именно крещение помогло тому же Александру Урусбиеву стать полковником⁷⁵, а Константину Львовичу Крымшамхалову – генерал-майором⁷⁶. Ислам до конца дней оставался мусульманином.

Мы уверены в одном – армию он уважал. Знаем по документам, где он не забывает указать свой офицерский чин. Хотя, видимо, мог обойтись и без этого – ведь, например, А.М.Байрамуков, который вместе с Исламом подписал один из таких документов 1909 г.⁷⁷, не указал свой чин урядника. Указание отставника на свое офицерское звание можно расценивать как внешний признак почтительного отношения к армии.

Добавим, что Ислам носил воинское звание прапорщика – первый в царской табели о рангах офицерский чин, который он указывает, например, в упоминавшемся документе 1909 г. (в ряде публикаций он ошибочно именуется поручиком).

Глава III И ВНОВЬ В РОДНОМ АУЛЕ

**На серебряных копиях. – *Друзья. – *Брачные узы.*

Следует, видимо, считать установленным, что после военной службы Ислам вернулся в отцовскую усадьбу, где и прожил последующее десятилетие. Отмечается, что он «сразу же после приезда на родину интенсивно занимается литературной деятельностью»⁷⁸. В публикациях упоминается, что он «несколько лет исполнял обязанности старшины родного аула»⁷⁹. Документальных данных о старшинской деятельности И.Крымшамхалова пока не обнаружено.

На серебряных копиях

Начало «русской добычи» серебряно-свинцовых руд Карачая в частном порядке относится к 1864 г. – в год рождения Ислама Крымшамхалова. Лишь двадцать семь лет спустя началось промышленное освоение руд, а затем – первая плавка⁸⁰.

Известно, что наш герой сравнительно недолго работал на серебро-свинцовом руднике «Эльбрус». Его, конечно, привлекало то, что служащими здесь были квалифицированные специалисты, т.е. люди, получившие профессиональное образования в российских культурных центрах.

В одной из публикаций говорится, что Ислам «в 1891-1898 гг. служил конторщиком» на этом руднике⁸¹. С первой датой, пожалуй, можно согласиться. Косвенно на это может указывать сообщение Р.С.Тебугева, что Коста Хетагуров трудился здесь конторщиком и вместе с ним «в это время» служащим работал и наш герой⁸². Кроме того, промышленная разработка рудника «Эльбрус» началась именно в 1891 году⁸³.

Другое дело – дата завершения работы Ислама на этом предприятии. 1898-й год нами не может быть принят по нескольким соображениям:

- во-первых, осенью в 1892 г. на руднике «Эльбрус» была прекращена работа (не возобновлялась до весны 1895 г.)⁸⁴;

- во-вторых, в 1893 году И.Крымшамхалов переселился с семьей в Теберду, место, согласитесь, удаленное от рудника многими десятками километров;

- в-третьих, в 1895 г. он работал в лесничестве⁸⁵.

Поэтому имеются основания полагать, что периодом его работы на руднике «Эльбрус» являются 1891-1892 гг. В это время укрепляются близкие отношения с горным инженером А.Д. Кондратьевым и завязывается дружба с К.Л.Хетагуровым (см. ниже).

Уход Ислама с рудника вовсе не означал разрыва связей с его работниками. Будучи уже лесничим и разъезжая по делам службы по всему Карачаю, князь часто заезжал «на чай» к своим прежним коллегам. Фотографии тех лет сохранили памятные чаепития.

Друзья

Одним из ближайших соратников Ислама в Большом Караче был хурзукчанин *Ахмат Магометович Байрамуков* (1867-1918). Его семья была известна всему народу своими выдающимися представителями. Родной дед, Дебо улу Кючюк, получил духовное образование в Дагестане и Османской империи, доньне признаётся в числе основоположников карачаевской поэзии нового времени⁸⁶. Отец, Магомет (1823-1898) занимал высший духовный пост кадия. Младший брат, Ильяс (1869-1921), закончил уже знакомую нам Ставропольскую гимназию, стал одним из известных карачаево-балкарских просветителей⁸⁷, по праву получил эпитет «первого учителя Карачая»⁸⁸.

А.Байрамуков получил педагогическое образование в Екатеринодаре (Кубанская учительская семинария), в разное время занимал должности аульного старшины и общекарачаевского доверенного⁸⁹. А.Байрамуков активно сотрудничал с этнографическим и естественно-историческим музеем в Екатеринодаре (даже стал «действительным членом музея»), который снабжал экспонатами из Карачая⁹⁰.

В «картджуртский период» Ислам познакомился с некоторыми талантливыми представителями российской интеллигенции.

К их числу следует отнести, в первую очередь, горного инженера *Анатолия Дмитриевича Кондратьева*. Он был в то время одним из крупных геологов страны, избран действительным членом Русского минералогического общества и получил

широкую известность в ученом мире своими исследованиями и публикациям.

Обстоятельства его появления в Карачае были непосредственно связаны со здешними недрами, вернее – с переходом от кустарных способов их освоения к *промышленному*. В первую очередь речь шла о добыче серебряно-свинцовых руд на т.н. Кубано-Худесском участке. Первым за эту работу взялся отставной поручик В.В.Томашевский.

Поскольку месторождения располагались на общенародных землях Карачая, требовалась согласие всего народа на сдачу в аренду соответствующих участков. В 1887 году для решения этого вопроса каждый из 9-ти аульных обществ Карачая выделил по 2 уполномоченных, наделенных правом подписывать арендный договор с карачаевской стороны. Он был подписан летом следующего года⁹¹.

После оформления юридических формальностей Томашевский занялся проблемой геологоразведочных работ. Именно для этого и был приглашен А.Д.Кондратьев, которые приехал в горный край в 1889 г.⁹²

У Анатолия Дмитриевича, можно сказать, две основные заслуги перед карачаевским народом.

Первая заключена в выявлении и научной фиксации новых исторических свидетельств, *доказывающих древность местной металлургии Карачая*. О карачаевцах как металлургах русские авторы упоминали еще до присоединения к России. Полковник А.М.Буцковский (1812 г.) указывает: «В обитаемых ими горах находится свинцовая и железная руда, из коих выделывают пули и плавят железо»⁹³.

Но необходимы были и сведения об истоках местной металлургии. И такие данные Кондратьев обнаружил. Так, между Карт-Джуртом и Дуутом он обнаружил «два пункта, где существовали некогда горны, один на склоне к Дууту, другой на узкой вершине водораздельного хребта между Кубанью и Дуутом». Кроме того, он установил, что плавка меди велась также в балке Багыр-кулак (кар.-балк. «Медная балка»), где были найдены 3 медные жилы; здесь он выявил штольни от 3 до 10 аршин длиной⁹⁴.

Исследования Кондратьева уже тогда подтвердили древность карачаевской металлургии, о чем говорили и последующие авторы. Геолог Н.Барбот-де-Марни в статье «Карачаевские серебро-свинцовые месторождения в Кубанской области» (1895 г.) пишет: «во многих местах на так называемом Кубано-Худесском рудном участке можно и теперь видеть древние неправильного вида и неглубокие выработки, заложенные на выходах рудных жил»⁹⁵. О древности металлургии Карачая говорил и О.Карапетян (1901 г.): «карачаевский серебро-свинцовый рудник, находящийся в Баталпашинском отделе, разрабатывался также в очень древние времена, доказательством этому служат старинные раскопки»⁹⁶.

Вторая заслуга горного инженера – в том, что он внес *новые страницы в геологическое изучение Карачая*. Изыскания на Кубано-Худесском рудном участке (где впоследствии возникнет рудник «Эльбрус») – в урочище Джалан-Кол и в местности Тохтаул-Чалган – выявили 17 жил серебряно-свинцовой руды. Их объем оценивался в 95 тыс. куб. саженей, а насыщенность металлами на 1 куб. сажень руды: свинца – 200 пудов, серебра – около 6,5 золотников (0,17%). Кроме того, он отметил и промышленное значение других полезных ископаемых Карачая – медных руд, мышьяка, графита, бурого угля, огнеупорной глины⁹⁷.

Результаты исследований были опубликованы Кондратьевым в авторитетном всероссийском «Горном журнале», где вышли две его статьи: «О серебро-свинцовых рудах в Карачае в долине реки Кубани на Северном Кавказе» (1891 г.) и «О месторождениях серебро-свинцовых, медных руд на Кавказе, в Карачае» (1892 г.)⁹⁸.

Как отмечает наш историк промышленности Р.С.Тебуев, данные Кондратьева всполошили научный мир: «Сообщения были настолько ошеломляющими, что известный геолог профессор И.В.Мушкетов (мы вернемся к этой фигуре чуть ниже, - Р.Х.) сделал специальный доклад об этих месторождениях в Русском минералогическом обществе»⁹⁹.

Видимо, уже к концу 1880-х гг. и следует отнести его знакомство с Кондратьевым. Почему? Горный инженер, как уже говорилось исследовал местности близ Карт-Джурта, а именно в

Карт-Джурте, в своем в отцовском доме в те годы проживал И. Крымшамхалов.

Надо помнить особенности той эпохи – в глухую Верхнекубанскую котловину известные люди из «цивилизованной Европы» забредали исключительно редко. Весть о появлении здесь такой персоны, облетавшая всю округу по устному «телеграфу», зачастую опережала самого гостя.

Априори можно полагать, что князь Ислам был изначально осведомлен о геологоразведочной экспедиции в Большом Карачае. Для человека, годы проведенного в Северной Пальмире, и испытывающего от скуки в аульной глуши, такая весть была важна вдвойне. Знакомство с европейски образованными учеными доставляло ему особую радость, и он использовал любую возможность для таких встреч.

Судя по всему, именно знакомство с Кондратьевым и привело Ислама на работу в рудник. Мы не знаем другого человека, мнение которого было бы настолько весомым, чтобы побудить князя в 1891 году идти работать служащим на это горное предприятие. Ведь он мог обойтись без такой работы: клан Ачахматлары оставался в роде Крымшамхаловых достаточно мощным – по крайней мере, настолько, что хватало возможностей избавить своих представителей, в особенности офицеров, от конторского труда. Из тогдашних знакомых убедить Ислама, как думается, мог лишь Анатолий Дмитриевич. Не забудем, что с ним дружбу Ислам сохранит до конца своих дней...

Биографы давно подметили разительные совпадения судеб и ролей двух друзей, карачаевца Ислама Крымшамхалова и осетина *Косты Левановича Хетагурова*. Оба жили в Карачае. Оба учились в Ставропольской гимназии. Оба некогда проживали в Петербурге. Оба являются основоположниками современной поэзии и первыми профессиональными художниками своих народов. Обоих унесла в могилу чахотка и, наконец, оба были перезахоронены.

Поэтому неудивительно, что оба оказались на службе в конторе рудника «Эльбрус», где и завязалась их дружба¹⁰⁰.

Ко времени их совместной работы на этом предприятии (1892 г.) относят и шутливые упоминания об Исламе в стихотворных посланиях К.Хетагурова. В одном из них, адресованном

«Е.Е.Н.» (здесь указано «Хумара», место сочинения), Крымшамхалову отведены такие строки:

Игры уж нет, крокет заброшен,
Художник и поэт Ислам
Стал нелюдим, тяжел — и тошен —
Совсем уж не товарищ нам...

В другом, который адресован «Сане и Миле М.» (здесь указано «Рудник») читаем:

Передайте папе, маме
Тёплый мой привет!..
Говорить об Исламе?
Фи! — охоты нет!¹⁰¹

Конечно, Коста пишет в ту пору не только шуточные произведения. К 1892 году относится его стихотворение о шахтерах «Тохтаул-Чалган»:

Тохтаул-Чалган не в силах
Вдохновить певца, -
Здесь толкуют лишь о жилах
Меди и свинца...
Боже! Что у нас за печи, -
Дым стоит столбом!
Точно здесь осада Керчи, -
Выстрелы и гром
Беспрерывной канонадой
В разных «номерах»
Потрясают все громады
Скал, внушают страх...
Не ведет Кубань седая
Песню про любовь,
А шумит, орет как злая
Старая свекровь.
Вот вам общая картина
Нашего житья...¹⁰²

К тому же году относятся и рисунки К.Хетагурова, запечатлевшие труд шахтеров на руднике «Эльбрус».

После рудника Коста работал в ставропольской газете «Северный Кавказ», где продолжал поддерживать связи с карачаевским другом. Дружба продолжалась и после переезда Косты из

Ставрополя во Владикавказ. К этому времени, к 1901-1902 гг. относят¹⁰³ записку (фотокопия), в которой Коста просит Ислама обустроить в Теберду врача Л.Газданова (будущего крупного медика в Осетии):

«Дорогой Ислам! Устрой возможно лучше моего земляка доктора Газданова. Докажи ему, что наша Теберда самый лучший курорт в мире. Как теперь твое здоровье? Привет твоей семье! Твой Коста».

Вскоре К.Хетагуров вернулся в Карачай, в отцовский дом в с.Георгиевско-Осетиновском (ныне с.Коста Хетагурова). Дала о себе знать чахотка, от которой он окончательно слег. Ислам ухаживал за своим другом, находился с ним до кончины Коста в 1904 году. Тело великого осетина похоронили здесь же, но потом посчитали перевезти его прах на родину, в Северную Осетию, где и перезахоронили.

В рассматриваемый период жизни и творчества нашего героя он узнал о русской семье, получившей известность по всему Карачаю своими успехами по промышленному освоению горного края. Еще в год, когда Ислам уезжал из Карачая на учебу в Ставрополь, в обратном направлении последовал весьма г-н **Утяков**, способный господин в звании купца 2-й гильдии и в чине губернского секретаря. Ставропольчанин собирался основательно заняться месторождениями каменного угля в верховьях Кубани — прокладка железнодорожного тракта Ростов-Владикавказ резко повысил спрос на этот топливо, в котором также нуждались и населенные пункты. Уже в 1877-1878 гг., взяв в аренду Хумаринские угольные копи и приобретя «в потомственное владение» Каракентские и Макарьевские, он станет хозяином всех угольных разработок Карачая¹⁰⁴.

Если в карт-джуртский период князь Ислам только узнает об Утяковых (может, и познакомится ними), то несколько лет спустя они будут добрыми соседями в Теберде, где эта семья не только построит дачу, но и купит смоло (дегтярно)-скипидарный завод барона Фитингофа¹⁰⁵.

Брачные узы

К завершающему времени «картджуртского периода» относятся женитьбу нашего героя. Его избранницей стала княжна Сафият из селенья Хурзук, представительница древнего рода Дудовых, происходившего от легендарного карачаевского предводителя Карчи.

В ту пору князья Дудовы считались влиятельными аристократами не только в Карачае, но и у знати соседних народов. В XIX в. упоминают браки представителей этой фамилии с княжескими родами соседних народов – Дадешкелиани (сванские князья), Маршаниа (абхазские князья)¹⁰⁶ и др.

Тесть Ислама, *Мырзакул Дудов* упоминается во многих документах, начиная со времен легендарного Петрусевича. Его имя обнаруживается в материалах посемейной переписи 1868-1872 гг., где он упоминается как глава семьи, в которой – помимо него – имеется двое душ мужского пола¹⁰⁷. Иными словами, он выступает – возможно, младшим – современником отца нашего героя, Хасана (Паши), который, кстати, также упоминается в тех же материалах.

В документе 1896 г. в семье Мырзакула Дудова упоминается уже трое душ мужского пола (не считая самого главы семейства)¹⁰⁸. Документы называют Мырзакула Дудова владельцем земельных угодий в ряде мест Большого Карачая – в местностях *Уллу Агъач*, *Чегет Тала*, *Багъатыр Тала*.

Судя по этим данным, князь М.Дудов был в числе состоятельных лиц того времени и прожил долгую жизнь.

Каких-либо письменных сведений о семейной жизни четы Ислама и Сафият не сохранилось. В документально-художественном романе З.Б.Хабичевой-Боташевой «Озарение души» описываются противоречивость их отношений, упоминается драма, связанной со смертью их единственного ребенка (дается имя девочки – *Мариям*) и т.д. Известно лишь то, что в Теберду Ислам переехал с молодой супругой. О судьбе Сафият после кончины мужа также источников пока не выявлено.

Глава IV ТЕБЕРДА, ТЕБЕРДА...

**Мотивы. — *Соседи. — *Начальник леса. — *Вокруг Ислама.*

Относительно года переселения Ислама в Теберду имеются расхождения. В «Очерках истории Карачаево-Черкесии» утверждается, что его тебердинский период жизни начался в 1894 году¹⁰⁹. В некоторых публикациях датой переезда называется 1892-й год¹¹⁰. Но наиболее обоснованной датой представляется все-таки 1893 год, когда Ислам построил здесь свой дом¹¹¹.

В ряде публикаций Ислама иногда называют «основателем» курорта Теберды, утверждается, что он «первым построил там дачу» и т.п.¹¹² Это не так. Курорт Теберда начал отсчитывать свою историю за 10 лет до появления здесь Ислама — с постройки здесь с оздоровительной, т.е. курортной, функцией первой дачи, принадлежавшей семье Кузовлевых (см. ниже). Поэтому нашего героя следует называть *одним* из основателей этого курорта.

Усадьба князя-просветителя была сооружена на участке, располагавшемся по соседству с дачей Кузовлевых. В ее состав входили дом, в котором поселился он сам со своей семьей, а также гостевой дом.

Ему предстояло прожить здесь почти всю оставшуюся жизнь.

Мотивы

Почему Ислам оставил селенье, где лежит прах многих поколений его предков?

Почему он переехал в долину Теберды?

Что влекло его сюда?

По сути, основных вопросов два — почему он покинул Карт-Джурт и почему выбрал Теберду. Оба нуждаются в объяснении, ну, хотя бы попыток понимания.

Вот и попытаемся.

Конечно, вряд ли на «заре жизни» у него остались светлые воспоминания о Карт-Джурте — хотя бы потому, что именно здесь в раннем возрасте он потерял родителей, а детство провел на Баксане.

Следует, видимо, принимать во внимание и его отношения с родней жены, которые литераторы описывают достаточно сложными¹¹³.

В целом можно сказать, что с родовым аулом его мало что связывало.

Выбор Теберды мог иметь несколько мотивов. И их придется коснуться отдельно.

Снова – к Урусбиевым? Психологами давно замечена огромная, если не основополагающая, роль детских лет в формировании нашей личности. Некоторые специалисты полагают, что психологический «скелет» человека полностью складывается где-то к 5-7 годам. К этому времени полностью выстраиваются его главные нравственные ориентиры, базовые установки на взаимоотношения с другими людьми, очерчивается вертикаль ценностных иерархий. А во все последующие годы этот «скелет» лишь обрастает «мясом» – делаются поправки на окружающую среду, поступки корректируются, методы совершенствуются и т.п.

Мы знаем, что детство проходило у баксанского дяди по матери. С его семьей были связаны первые друзья и первые порывы вдохновенья. Самые дорогие воспоминания и самое ценное, что усвоено в начале пути. Непреходящее чувство благодарности к вырастившим его людям и неизбывная тоска по тем, кто дарил тепло. Истоки всех творческих начинаний, которым Ислам намеревался посвятить свою жизнь, восходили к благодатному дому Урусбиевых.

Именно туда, к уюту этого дома он *возвращался*, выбирая Теберду, – речь идет, конечно, о возврате символическом, путями неведомыми, кои скрыты где-то в сумрачных чащобах души. Подсознание тянуло его на Баксан, а сознание диктовало оставаться в Карачае, служить его потребностям.

Оба императива были одинаково справедливы, в равной мере строги – и дилемма обретала мощь внутреннего конфликта, способную испепелить душу.

И выход был найден: Теберда!

Ведь здесь находится пепелище Джамагата, некогда славного селенья Урусбиевых, – того самого, что они основали на правом берегу Теберды в XVIII веке. Из народных преданий

И.Крымшамхалов знал, что Чёпелеу и Мусос Урусбиевы некоторое время жили в а.Верхний Баксан, откуда «из-за земельной тесноты, поссорившись с братьями, *они уехали в Теберду и основали здесь аул Джамагат*»¹¹⁴. Упомянутый Чёпелеу – не кто иной, как прапрадед нашего героя по линии матери (Чёпелеу – Исмаил – Мырзакул – Джюзек – Ислам).

Селенье погибло от эпидемии чумы около 1809 года¹¹⁵, что увековечено в трагических преданиях и песне-плаче – кюу – «Урусбиевы» (*Орусбийлары*; другое название – *Экинчи эмина* – «Вторая чума»).

И приняв решение о переселении в Теберду, к развалинам аула, основанного предками – Урусбиевыми, Ислам мог обратиться памятные всем пушкинские строки:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...*

Мучительная дилемма была разрешена: остаться в Карачае и вернуться к Урусбиевым. Решение, достойное многомудрого Соломона!

Ислам не просто возвращался – возрождал жизнь родного пепелища. До него здесь, среди белеющих руин Джамагата, в горьких пучинах забвения десятилетиями тлели кости князей Урусбиевых. Поселение рядом того, в ком – плоть и кровь их рода, кажется, упокоили их смятенные души до Судного Дня.

К «лермонтовским» местам? Возможен и дополнительный стимул к переселению в Теберду: Ислам мог знать о том, что это место увековечено великим предшественником по Парнасу – Лермонтовым.

Мы знаем, что именно с Джамагатом сейчас специалисты-лермонтоведы и историки связывают строки из поэмы Лермонтова «Хаджи-Абрек»: «*Велик, богат аул Джемат*». Они в своем большинстве «склоняются к единому мнению, что М.Ю.Лермонтов в основу своего произведения положил факты, связанные с историей селения Джамагат»¹¹⁶.

Но о связи карачаевского Джамагата и лермонтовского Джамата говорили и современники И.Крымшамхалова.

А.Н.Дьячков-Тарасов по итогам поездки в Карачай 1898 г. — когда он лично посетил руины Джамагата, где видел две гробницы князей Эльмырзы и Алхаза Урусбиевых, погибших от чумы, — пишет:

« - Многие ли знают родину лермонтовского Хаджи-абрека? думалось мне. Насколько помню, никто из лермонтовских комментаторов не указал на место нахождения аула Джемата, имя которого известно каждому гимназисту. Кто не декламировал звучных стихов:

Велик, богат аул Джемат.
Он никому не платит дани,
Его стена — ручной булат,
Его мечеть — на поле брани,
Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их..?

...По рассказам баталпашинского старожилы полковника Кузовлева (бывшего начальника Баталпашинского отдела, - Р.Х.), Урусбиевы посещали русский лагерь, и Лермонтов, живший «на линии» и в Пятигорске, мог услышать о них кровавый сюжет своей поэмы».

Далее исследователь пишет: «Что же касается разницы в произношении между тебердинским Джемаатом и лермонтовским Джематом, то ее легко объяснить условиями стиха: Лермонтов практиковал иногда стяжение двух гласных: напр., Бешту вместо Бештау»¹¹⁷.

Позднее (1913 г.) эту же мысль позже повторяет другой современник Ислама — журналист С.Азм: «живший на Пятигорской линии М.Ю.Лермонтов мог знать князей Урусбиевых и через их посредство почерпнуть материалы для «кровавого сюжета» поэмы «Хаджи-Абрек»¹¹⁸.

В 1939 г., отрицая то, что лермонтовский аул «Джемат» мог находиться в Дагестане, этнограф Л.И.Лавров пишет: «На самом деле под этим названием не существовало аула в Дагестане, а был в пределах современной Карачаевской автономной облас-

ти... Развалины его до сих пор показывают карачаевцы в бассейне реки Теберды»¹¹⁹.

Далее. Имя героя поэмы «Хаджи-Абрек» — Бей-Булат. Вспомним:

Сюда, наездники Джемата!

Откройте удаль мне свою!

Кто знает князя *Бей-Булата*!

Кто возвратит мне дочь мою?

Еще в 1940 г. сотрудники Карачаевского НИИ записывают легенду, одним из героев которой выступает «балкарец» (урусбиевцы, как известно, происходят из Баксанского ущелья Балкарии) по имени *Бек-Булат* — он из аула Джамагат¹²⁰.

В послевоенное время о «лермонтовских» местах в Карачае, кажется, впервые упомянула замечательный краевед Е.Польская (1960 г.), которая пишет, что «в творчестве певца Кавказа М.Ю.Лермонтова нашел отзвук известный и славный в свое время аул Джамагат»¹²¹.

Впоследствии этой темой занялись уже сами карачаево-балкарские исследователи, опубликовавшие ряд статей, — член Союза писателей СССР М.А.Хубиев, этнографы И.М.Шаманов и А.И.Мусукаев и др.

Этот историографический экскурс по вопросу о местонахождении «лермонтовского» аула нам понадобился с одной-единственной целью: показать, что мнение о том, что прообразом поэтического аула «Джамат» являлся реальный карачаевский Джамагат имеет вековую, т.е. *устойчивую* традицию.

Повторимся, главное для нас: такое мнение было известно *при жизни* Ислама Хасановича. И еще: если тот же Дьячков-Тарасов записывал материалы об Урусбиевых у баталпашинского старожилы, то Ислам сам был потомком Урусбиевых. Тех самых, которые посещали русском лагерь и могли встречаться с Лермонтовым, — тогда воспоминания о нем Ислам получал «из первых рук».

В таком случае переезд в Теберду, воспетую гением русской поэзии, получал очень важный стимул для Ислама, которого с Лермонтовым объединял не только Кавказ — оба были и поэтами, и художниками, и офицерами.

В числе основателей

Известно, что непосредственным поводом к возникновению курорта послужил тяжелый недуг, поразивший в начале 1880-х гг. жену подполковника Ф.А.Кузовлева (тогдашнего начальника Баталпашинского уезда) – Татьяну. Она заболела туберкулезом и поначалу врачи порекомендовали ей пройти курс лечения в Крыму. Но она вынуждена была прервать курс и вернуться в Баталпашинск из-за... недостатка семейных средств.

Да, да! Царский «хозяин» целого уезда, площадью значительно превосходящего нынешнюю Карачаево-Черкессию, не имел денег для лечения любимой жены. Сейчас, в эпоху нашего «дикого капитализма», трудно представить в то, что руководитель российской провинции на Кавказе некогда – тоже в капиталистическое время – содержал семью на одну зарплату. Государственную. Но и такое было.

Кузовлевым посоветовали выбрать местом лечения Теберду. Проблема состояла в том, что здешние земельные угодья принадлежали Тебердинскому аульному обществу (посовременному, Верхне-Тебердинскому муниципальному образованию). Поэтому полковник обратился к этому аульному обществу с *просьбой продать* ему участок земли для постройки дачи. (Нынешний обыватель считает это тоже немыслимым: сейчас кавказские чиновники такого ранга отхватят и «прихватазируют» любой уголок чудной природы – и чхать хотели на закон и на волю муниципальных образований, по-старому «аульных обществ»!).

Тебердинское аульное общество рассмотрело просьбу и 2 июля 1882 г. вынесло решение не продать, а подарить семье Кузовлевых участок земли. Причем весьма внушительных – в условиях горных тесноты ущелий – размеров: 25 десятин.

Как отмечали тогда, карачаевцы поступили так «с единственной целью, чтобы больная жена Кузовлева Татьяна имела возможность жить в здоровой местности с чистым горным воздухом, с сосновыми лесами, как ей советовали врачи, а к тому же, по горскому обычаю, женщине нельзя отказывать в просьбе»¹²².

Дача Кузовлевых – первая в Теберде – была построена в 1883 году на берегу озера Кара-Кёль (букв. «Черное озеро»).

Татьяна Кузовлева прожила здесь более 20 лет, считая, что Бог продлил ей жизнь именно посредством местного климата. Описывая это место, один из авторов того времени пишет: «Уголок вполне заслуживает внимания как климатическая станция. Дача госпожи Кузовлевой выстроена в средневековом стиле, в 2-х этажном здании имеется до 12 комнат»¹²³.

С появления этой усадьбы и начинается летопись курорта Теберды.

Вскоре здесь возникли еще две дачи. Одна из них принадлежала А.Д.Кондратьеву, будущему товарищу нашего героя, а другая – барону Е.К.Фитингофу (Последний известен тем, что первым начал промышленную добычу соли для фармакологии на Большом и Малом Соленых озерах /Тамбий-Кёль/ к востоку от ст.Баталпашинской)¹²⁴.

К 1892 году относится постройка в Курорт-Теберде дачи промышленника А.М.Утякова.

Таким образом, к моменту переселения Ислама в Теберду на курорте проживало три семьи.

Начальник леса

После ухода с рудника и переезда в Теберду Ислам работает в государственной системе лесного хозяйства: в современных публикациях он именуется «заведующим общественными лесами Карачая»¹²⁵, «лесничим»¹²⁶, «лесничим Карачаевского лесничества»¹²⁷. Наиболее раннее упоминание об этой должности Ислама дает профессор И.В.Мушкетов, сообщающий – по состоянию на 1895 год – что наш герой в ту пору «заведует общественными карачаевскими лесами»¹²⁸.

Следует сказать, в ту пору должность Карачаевского лесничего в местной чиновной иерархии считалась высокой. Он возглавлял *Лесное управление*, т.е. лесничество, которое контролировалось областной структурой в лице Лесного отдела Кубанского областного правления¹²⁹.

В рассматриваемое время штат лесничества – его штаб-квартира располагалась в Хумаринском укреплении (*Ак-Кала*) – состоял примерно из полутора десятков служащих. В 1902 г. годовой оклад лесничего (руководителя лесничества) составлял 1600 руб., его помощника – 800 руб., а на зарплату всех объезд-

чиков (14-ти) выделялось 2640 руб. Для сравнения: ровно десятилетие спустя, в 1912 г. даже кадий – глава шариатского суда Баталпашинского отдела – имел оклад лишь в 550-600 руб. в год¹³⁰.

Леса Карачая к рубежу XIX-XX вв. занимали площадь в 69 тыс.¹³¹ Для удобства хозяйствования и охраны они подразделялись на 8 «лесных дач» – Тебердинскую, Худесскую, Кубанскую, Джаланколскую, Даутскую, Учкуланскую, Хурзукскую и Маринскую.

Просветитель-эколог. Работа Ислама в этой структуре была исключительно сложной. Она сопрягалась с конфликтными ситуациями, порождаемыми невежеством многих земляков. В этом отношении мышление современников просветителя далеко уступало даже близким предкам. Прежде карачаевцы, как отмечали сами царские чиновники, «тщательно сохраняли» свои хвойные леса – и это было до открытия меновых дворов, где важным товаром стала выступать древесина¹³². Когда Карачай стал вовлекаться во «всероссийский рынок», начали происходить быстрые и разрушительные изменения в экологическом сознании народа. В устремлениях за быстрыми доходами люди переставали ценить и беречь природу, попирая то, чему учили их предки веками. То, что хранилось столетиями, транжирилось за десятилетия и, в итоге, получилось так, что, например, в Большом Карачае «леса почти сплошь вырублены», тем более, «в окрестностях карачаевских аулов»¹³³.

В публикациях того времени сообщалось, что в Карачае вырубка леса «совершается совершенно безнаказанно», «с беспрецедентным издевательством над мощью Русского государства, которое по своей удивительной медлительности терпит такие цветочки как горский суд». Предлагались решительные меры: «надо переселить горцев-лесорубов карачаевцев на... земли вне гор, без обиды, но принудительно»¹³⁴. Хотя эти строки писались уже после кончины И.Крымшамхалова, но настроения, которые в них выражены, бытовали и при жизни просветителя.

Конечно, Ислам воспринимал «рыночное» варварство части своих соплеменников исключительно тяжело. Еще большую горечь вызывало то, что истребление ими родной природы давало

имперцам-шовинистам удобный повод представить карачаевцев едва ли не вчера вышедшими из пещерного века.

Вместе с тем, карачаевский лесничий объективно признавал, что «до введения общего надзора и управления лесами было много злоупотреблений в пользовании ими со стороны карачаевцев»¹³⁵. Административные имели большое значение в сохранении лесного богатства Карачая, которое отныне стало находиться «под руководством и наблюдением лесного отделения Кубанского областного правления». Тогда была введена норма, согласно которой расходы по управлению лесами покрывались доходами с них, а излишек, образующийся по вычету управленческих расходов, поступал «в общекарачаевский капитал»¹³⁶.

Для пресечения злоупотреблений соплеменников Ислам прилагал все возможные усилия, навлекая на себя озлобленность «рыночных» лесоторговцев. Последовательная и непрекращающаяся борьба с ними отнимала много энергии и здоровья. Как вспоминали родственники, он, «услышав ночью стук топора, вскакивал с постели и спешил к месту порубки, чтобы настигнуть на месте преступления расхитителя чудесных богатств курорта»¹³⁷.

С населением он общался не просто как служащий лесной охраны. Речь шла об экологическом просвещении собственного народа, теряющего благоговение предков перед природой. Лес, говорил он, являет собой ценность не только как древесины для будущих поколений. Ислам распространял познания элементарных законов живой природы, где леса имеют функции «водоохранные, и от сохранения или уничтожения их зависит сохранение или уничтожение вод источников реки Кубань»¹³⁸.

Природа или капитал? Судьба распорядилась так, что просветителю пришлось не только говорить об охране лесных богатств, но и показывать личный пример. Вот здесь мы в очередной раз сталкиваемся с противоречивостью его натуры.

Уже в то время сообщалось, что «много хвойного леса уничтожено существующими дегтярными заводами в Худесском и Тебердинском ущельях»¹³⁹. Об ущербе экологии от деятельности дегтярных (смоло)-скипидарных заводов пишут и современные историки, указывая, что эти заводы «приносили большой вред

лесному хозяйству. Прекрасные сосновые участки хищнически вырубались для переработки бревен на заводах»¹⁴⁰.

Как же нам быть?

С одной стороны, мы знаем, что Ислам «заботился о сохранении вековых лесов Теберды»¹⁴¹. Но с другой, он – промышленник, который сам имел в Теберде смоло-скипидарный завод¹⁴², был знаком со всеми хозяевами этих заводов, с некоторыми (Кондратьев и Утяков, также имевшие подобные заводы в Теберде¹⁴³) – дружил.

Как он разрешал очевидную внутреннюю коллизию?

Что в нем было больше: эколога-просветителя или промышленника-капиталиста?

За неимением источников мы можем об этом лишь догадываться. Хочется надеяться, что у него места вырубаемого леса занимали саженцы хвойных деревьев и таким образом, ущерб возмещался.

Добавим, что на Теберде имели лесопильный завод и родичи Ислама (см. ниже), которые, можно также надеяться, эксплуатировали лес в полном соответствии с законами государства и природы.

Вокруг Ислама

В тебердинский период жизни и деятельности просветителя сложился устойчивый круг его друзей и товарищей. Со всеми из них, за исключением *Солтан-хаджи Байчорова* (об их отношениях см. V-ю главу), он будет поддерживать узы тесных связей до конца дней – их или своих.

Выше уже упоминались некоторые персоналии этого круга – А.Байрамуков, К.Хетагуров, семьи Кондратьевых и Утяковых.

Необходимо также упомянуть еще одного тебердинского друга нашего героя – тебердинца *Исмаила Якубовича Акбаева*, известного в народе и под именем *Чокуна-эфенди* (1874-1937). Это один из крупнейших карачаево-балкарских религиозных просветителей нового времени, выдающийся поэт-суфий, ставший создателем национальной азбуки на основе арабицы, основателем первой национальной типографии.

Их, помимо духовного родства, объединяло и то, что матери обоих были из Баксана (у Исмаила – из Эфендиевых). Исмаил,

как и Ислам, в детстве проживал на Баксане, оба там же получили первое, «домашнее» образование. Кстати, уроженкой Баксана являлась и жена упоминавшегося Солтан-хаджи Байчорова, которая была тетей (сестрой матери) Исмаила Акбаева¹⁴⁴.

Литератор Аминат Урусова вспоминала эпизод из своего детства, связанный с близостью семей Акбаевых и Крымшамхаловых:

«В 1919 году, кажется, летом, мои отец, мать, старший брат Хаджи-Мурат, я на двуконной линейке отправились на дачу Исмаила (Акбаева, - Р.Х.)... Мы посидели некоторое время, потом появился фаэтон, остановившийся у забора близ маленькой калитки. После того, как мужчина – высокого роста, с румяным лицом, в белой папахе и того же цвета чепкене (национальная одежда с газырями, - Р.Х.) из тонкой ткани, – прыгнув из фаэтона, возле ступеньки согнул правое колено и положил на него руку ладонью вверх, одна красавица, едва касаясь кончиком ноги мужской ладони, сошла на землю. Эта была Фатя, дочь брата (къарнашындан туугъан) Ислама Крымшамхалова. С другой стороны фаэтона спустилась ее двоюродная сестра Хаджимёлек. Вслед за ними приехал и Исмаил. Он искренне обрадовался, увидев родственников своего покойного друга Ислама Крымшамхалова»¹⁴⁵.

По тем же воспоминаниям, многие из друзей Ислама стали друзьями и И.Акбаева. Известно, что Н.Ярошенко сделал портрет молодого Исмаила, который хранил его у себя до конца своих дней; этот портрет висел на стене спальни Акбаева и бесследно исчез после его кончины¹⁴⁶.

В рассматриваемый период Ислам дружил и с семьей князя *Мисоста Кучуковича Абаева (1857-1928)*, который много лет проходил чиновничью службу на Кубани. В 1905-1908 гг. он являлся начальником Хумаринского участка¹⁴⁷, т.е., по сути, наместником, правителем Кубанского Карачая. На его дочери Ляле впоследствии женится младший брат Ислама – Басханук, чей сын Хамзат (1917-1985) станет основоположником карачаево-балкарской школы монументальной скульптуры, первым карачаевцем – членом Союза художников СССР.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ В СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕСТВУ...

Глава V ДОВЕРЕННЫЙ НАРОДА

В то время правом выступать от имени карачаевцев были наделены два института: от имени всего народа – *общекарачаевские доверенные* (именовались еще как «*доверенные Карачаевского народа*»), как правило, двое, а от имени селений – *уполномоченные аульных обществ*.

В «Очерках истории Карачаево-Черкесии» – кажется, впервые в научных публикациях, – утверждается, что Ислам Крымшамхалов был общекарачаевским доверенным в течение 15 лет, заботясь «о строительстве школ, дорог и мостов.., поднять культуру земледелия» и т.д.¹⁴⁸ Это утверждение впоследствии перекочевало в другие научные публикации¹⁴⁹.

Из доступных источников нам известно только одно – то, что говорится в его некрологе: «Чуткий по природе человек, он не мог остаться чуждым к общественной жизни, тем более в темной своей среде, и в последние 15 лет почти всецело был поглощен общественными делами (выделено мной, - Р.Х.) своего Карачаевского народа»¹⁵⁰.

Занятость общественными делами и занятие высшей представительской должности Карачая – ясное дело, не одно и то же. Поэтому, за отсутствием надежных источников, утверждать о том, что Ислам 15 лет *беспрерывно* являлся общекарачаевским доверенным мы не можем. Нельзя забывать, что в эти годы он выезжал на учебу в Москву; известны имена и других доверенных.

Известно точно, что он этот общественный пост занимал, а его напарником был Ахмат Байрамуков, упоминавшийся выше.

Его сиятельство

Особые надежды общенародные представители возлагали на персону назначенного в 1905 г. царским наместником на Кавказе генерала от кавалерии и графа И.И.Воронцова-Дашкова (1837-1916).

Для справки: Граф получил известность не только в качестве защитника интересов дворянства, но и как активный участник благотворительного движения (возглавлял российский «Красный Крест», лично «жертвовал значительные средства, в т.ч. на учреждение стипендий, пособий, финансирование мероприятий по благоустройству» регионов России). Ветеран Кавказской войны, он знал горцев издавна – их жизнь, быт, особенности культуры. Причину аграрных на Кавказе в ходе первой русской революции 1905-1907 гг. он «видел в малоземелии крестьянства»; им «намечалась широкая программа реформ на Кавказе»¹⁵¹.

Расчеты на графа проистекали из ощущения того, что без этой инстанции невозможно было решение сложных проблем Карачая, накопившихся к началу XX века. Справедливости ради, надо признать, что многие проблемы отмечалась самими властями. Так, в 1903 году начальник Хумаринского участка (царский администратор Кубанского Карачая) С.Д.Шмыткин в своем отчете областным властям перечислял:

- «ввиду незначительности покосных мест в Карачае, само собою, зимнего корма для скота на своих землях далеко недостаточно»;

- вызванные дефицитом земельных угодий «поземельные споры начинают мало-помалу обостряться как между отдельными лицами, так и обществами», доходя до побоищ и убийств;

- «постоянные обвалы, осыпи камней требуют всегда исправления и очистки дорог» и т.д.¹⁵²

3 сентября 1905 года в ст.Баталпашинской собрались «уполномоченные от карачаевского народа». Судя по архивному документу, в обсуждении проблем, помимо общекарачаевских доверенных И.Крымшамхалова и Ахмата Магометовича Байрамукова, приняли участие другие авторитетные деятели – духовный лидер Карачая кадий Джагафар-эфенди Ахматович Хачиров, Даулет-Герий-хаджи Байрамкулов, князь Азамат-Герий Дудов, Курман-Али Байчоров, Адей Салпагаров, Ильяс Текеев, Ногай Аджиев, Ахмат Магулаев, Барак Хапаев, Таугерий Урусов, Али Курджиев, Касай Герюгов, Кучук Блимготов, Джамбулат «Гитчиев» (видимо, Катчиев)¹⁵³.

По итогам «выяснения нужд» Карачая участники собрания составили прошение на имя графа Воронцова-Дашкова, прило-

жив к документу общественные решения («приговоры») карачаевских селений. В обращении к атаману Баталпашинского отдела содержалась просьба: «о разрешении нам лично явиться к Наместнику Кавказа для подачи Его Сиятельству особого разъяснительного прошения по содержанию перечисленных в приговоре пунктов»¹⁵⁴...

В наместничество Воронцова-Дашкова была создана «Комиссия по исследованию современного положения землепользования и землевладения Карачаевского народа Кубанской области». В обиходе она получила более краткое название «Абрамовской» – по имени ее председателя И.Г.Абрамова (юрисконсульта при военно-окружном суде Кавказского военного округа). В 1906-1908 гг. комиссией была проведена большая работа по изучению аграрной ситуации в Карачае, по итогам чего вынесла ряд предложений по землеобеспеченности его населения¹⁵⁵.

На это время приходится решение проблемы жителей Хурзука, где селевая стихия наносила большой ущерб десяткам семей. Это послужило поводом для нового обращения к наместнику. Граф пошел навстречу, и пострадавшим была выделена земля близ Хумаринского укрепления, где переселившиеся из мест стихии Лайпановы, Тоторкуловы и Элькановы в 1909 году основали новое селенье. В память об Илларионе Ивановиче аул получил название *Воронцовско-Карачаевский* (нынешний Новый Карачай).

Столкновение лидеров

Известно, что кроме Ислама в числе общекарачаевских доверенных до революции были и другие жители долины Теберды, – его сверстник *Солтан-хаджи Ожаевич Байчоров* (1868-1918) и годившийся в сыновья *Саид Магомедович Халилов* (1887-1921)¹⁵⁶.

Отношения между Исламом и Солтан-хаджи – этими двумя выдающимися общественными лидерами предреволюционного Карачая – насчитывали много лет. И складывались они, как принято иногда говорить, далеко не однозначно.

Поначалу, судя по всему, их связывали по-настоящему товарищеские отношения. Известно, например, что в 1895 году оба,

Ислам и Солтан-хаджи, помогали экспедиции профессора И.В.Мушкетова (см. о ней ниже).

Но в последующие годы, в особенности с началом аграрных волнений времен Первой русской революции, С. Байчорова воодушевили идеи справедливого поземельного обустройства своего народа, страдавшего от хронического малоземелья. Его усилия на этом поприще, не ограничивавшиеся проповедями о справедливости.

На этой идейной почве у Солтан-хаджи испортились отношения с Крымшамхаловыми, в числе которых было немало крупных землевладельцев. Так, в 1903 г. два общекарачаевских доверенных, С.Байчоров и А.-М.Боташев возбудили перед начальником Кубанской области дела «об изъятии из владения некоторых влиятельных жителей Карачая самовольно захваченных ими участков земли из общей карачаевской территории». В числе этих «некоторых» оказались жители Теберды – Аскербий Крымшамхалов, Джегуты – Ислам-хаджи Крымшамхалов, Карт-Джурта – Азамат-Герий Крымшамхалов¹⁵⁷.

Иск по этому делу был, по всей видимости, направлен в горский суд. Тогда поверенным ответчиков выступил именно наш герой, заявивший, что этот иск неподсуден горскому суду. Трещина в отношениях двух лидеров уже появилась.

В решении аграрного вопроса Байчоров полагал возможным передел земельной собственности – даже принудительный, как легальный, так и «народно-силовой». Отсюда его слава «карачаевского Пугачева». В этом он был ближе к основной массе вольнолюбивых горцев, увековечивших его имя народной песней.

Ислам же исходил из необходимости строгого следования формам решения коллизий, исключительно осященных законом, юридически безупречных. Он был государственным по происхождению, воспитанию и призванию.

Идейные расхождения омрачались досадными эксцессами. Так, 15 мая 1908 года горская молодежь, увлеченная аграрными идеями С.Байчорова, который агитировал «против выборных лиц карачаевского народа», устроила погром усадьбы одного из таких лиц – Ислама Крымшамхалова. Как докладывал начальству об этом деле полковник Крижевич из Кавказского военного округа, «идейные» хулиганы «изломали изгороди нескольких

уже устроенных дач и повредили сад и огород некоего Крым-шамхалова, доверенного карачаевского народа, в котором Хаджи Байчоров видит особенную силу в решении общекарачаевских дел»¹⁵⁸.

Разве не примечательна парадоксальность натуры Солтан-хаджи: он «агитирует против выборных лиц карачаевского народа», коим является и князь Ислам, но в то же время видит в князе «особенную силу» в решении проблем своего народа!

Этот грустный инцидент, надо полагать, окончательно разрушил бывшее товарищество.

Кто был из них более прав трудно сказать и сейчас, спустя век после их заочного спора.

С одной стороны, до революции земельная проблема Карачая так и осталась нерешенной – несмотря на все легальные усилия общественных лидеров.

Но, с другой стороны, революция, «народно-силовым» путем избавившая Карачай от «земельного голода», взяла за это немислимую цену: истребление всего первого поколения национальной элиты, глумление над духовными святынями народа, последующая депортация, – ведь все это проделал один и тот же большевистский режим, даровавший заветные земли...

Солтан-хаджи пережил Ислама на несколько лет и умер во время Гражданской войны. Немного шагов разделяет могилы двух общекарачаевских доверенных на тебердинском кладбище, где, всем ведомо, «не видать ни друзей, ни врагов»...

Поборник курортного дела

Название «Теберда» на языке карачаевцев – коренных насельников чудесного уголка Кавказа – звучит как *Теберди*. Специалисты приводят разные смысловые значения этого слова, но наиболее близко к сути одно из них, – то, которое восходит к *Тейри берди* кар.-балк. «Бог дал». Эту этимологию у карачаевцев зафиксировали еще до революции: ее, с небольшим искажением, упоминает С.Анисимов (1915 г.): «Долина Теберды – это «дар Божий». Таков буквальный перевод ее горского названия «Теи-Берди»¹⁵⁹.

Действительно, место столь такое восхитительное по природной красе и целебному аромату лесов, благодарный человек просто обязан считать поистине даром Свыше!

У одного из авторов того времени читаем: ««изучение климата долины р. Теберды, и вообще, природы этой местности интересно не только в научном отношении, но может иметь *общегосударственное* (выделено мной, - Р.Х.) значение, так как долина р. Теберда представляет чрезвычайно благоприятные условия для устройства санаторий и климатических лечебных станций. Все необходимые условия для этого налицо: в высшей степени живописная местность, разряженный чистый горный воздух, сосновый лес, масса ручьев, присутствие минеральных источников, наконец, отсутствие жары летом и слабые морозы зимой»¹⁶⁰.

Говорить об общегосударственном, всероссийском значении Теберды недостаточно. Наш курорт место по своему потенциалу имеет общеевропейское и даже всемирное значение. И тогда понимали очень хорошо. Как и то, что, например, швейцарские курорты, давно имеющие всемирное признание, отнюдь не лучше карачаевской Теберды, — они просто лучше «раскручены» в прессе, в общественном сознании, лучше освоены и обустроены.

Медики, народ исключительно серьезный, свидетельствуют об этом еще с царских времен. В 1910 году участники XI-го всероссийского съезде врачей вряд ли удивились докладу доктора Г.М. Гречишкина. А он выступил с конкретными цифрами на руках: в знаменитом на весь мир швейцарском курорте Давос в году в среднем бывает 99 ясных дней, а в Теберде — 145. Суть ясна как Божий день: чего же нам, господа, разным швейцарцам на поклон идти — у нас своего добра хватает!

О том говорили тогда и другие авторы: кавказская «Нагорная полоса соперничала бы по красоте и великолепию со Швейцарией, Тиролю и французскими Альпами... Благодаря своему чудодейственному климату, очаровательной природе *Теберда имеет много оснований для того, чтобы быть «Русской Швейцарией*» (выделено мной, - Р.Х.)»¹⁶¹.

Один дореволюционный «патриот курортологии» сокрушается «медленной сообразительностью» россиян в курортных делах: «Если бы эта местность принадлежала культурным народам,

– англичанам, французам, то она давно уже была бы прославлена на весь мир (выделено мной, - Р.Х.)..., многие тысячи искали бы излечения от легочных и других болезней в её могучих, смолистых, хвойных лесах, в чистейшем мягком горном воздухе»¹⁶².

Еще при жизни Ислама, в 1900 г. были проведены первые химические анализы минеральных источников Джамагата, результаты которых гласили: «Главной составной частью Джамагатских источников следует считать двууглекислое железо... присутствие источников чистой железной воды с содержанием железа несколько большим, чем в Железноводске, делает его ещё более достойным внимания с бальнеотерапевтической точки зрения». В том же сообщении указывается, что из всех северокавказских регионов «Карачай является наиболее богатым разнотипными источниками» лечебного характера¹⁶³.

Князь И.Крымшамхалов, уроженец этого края и питомец просвещенного Петербурга, к числу россиян с «медленной сообщительностью» не относился. О подлинном значении Теберды для родного края и своего народа он знал гораздо лучше большинства земляков.

В его некрологе читаем: «...заметив, что страшный бич народа – туберкулез распространяется и на Кавказе, он наметил чудный уголок с сосновым лесом и минеральными источниками в верховьях р.Теберды (приток Кубани) под ледниками и решил создать там климатическую станцию. Для этого он сам выстроил там дом, переселился туда, перенося всякое лишение, ввиду отсутствия населения и т.п. неудобств, и путем рекламирования и пропаганды, обратил всеобщее внимание, благодаря чему начали возникать дачи и теперь официально решено там создать курорт. Специалисты это место уже называли «Кавказский Давос»¹⁶⁴.

Следует отметить, что относительно «тебердинских страниц» биографии просветителя в современных публикациях немало путаницы. Например, одна из биографических статей об Исламе сообщает, что, переехав в Теберду, он «основывает там оздоровительный поселок» для лечения больных туберкулезом, т.е. курорт¹⁶⁵. Почти слово в слово это утверждение воспроизводится в статье другого автора¹⁶⁶. Та же мысль развивает третий автор, называющий Ислама «основателем курорта Теберда», который «первым построил там дачу»¹⁶⁷.

Мы уже отмечали, что это не совсем так. Точнее – совсем не так, поскольку курорт Теберда и первая дача здесь возникли за 10 лет до того, как здесь поселился Ислам Крымшамхалов.

Во многом эти ошибки проистекают из приведенных строк некролога, где встречаются неточности. (В этом некрологе, кстати, неверно указан возраст покойного – 40 лет /см. фотокопию некролога на стр./; Ислам, как известно, умер в 46-летнем возрасте).

Сам просветитель *никогда* не претендовал на роль курортного первооткрывателя Теберды и строителя первой дачи. «Чудный уголок» в Теберде, который – согласно некрологу – «наметил» Ислам, был известен и до него.

Заслуга И.Крымшамхалова – во вкладе, который он внес в становление этого уголка общенародным и общероссийским достоянием.

Поборник курортного дела. Поначалу курортное дело в Теберде, надо сказать, продвигалось со скрипом. Оно и понятно: местечко прекрасное, но – в глухом краю. Первые четверть века с момента возникновения курорта насельников здесь насчитывалось буквально единицы: в 1908 г. имелось лишь 5 дач, включая дачи А.Д. Кондратьева, А.М.Утякова, И.Х. Крымшамхалова, Баблаша и бывшую дачу Кузовлева (ее подарили Министерству юстиции, которое закрепило ее за Екатеринодарским окружным судом; отсюда закрепившееся за ней название «Судейская»)¹⁶⁸.

Для справки: Вначале дачи строились на правобережной («карачаевской») стороне р.Теберды. Власти попытались привлечь заинтересованных лиц и на левобережную («казенную») сторону реки. Здешние «Персидская» и «Муханская» поляны были в 1900 г. – решением Кубанского управления земледелия и государственных имуществ – поделены на 47 дачных участков и выставлены на торги для сдачи в долгосрочную аренду¹⁶⁹. Торги, открытые торги в Екатеринодаре 4 сентября 1901 г. «не состоялись за отсутствием желающих взять участки» и в последующее десятилетие «на казенной земле никто не устраивался»¹⁷⁰. Таким образом, при жизни Ислама курортное дело развивалось лишь на правобережной «карачаевской» стороне.

Лишь в первом десятилетии XX века наметился явный рост числа приезжающих сюда «курортников»: если в 1900 году их

было только 46, то в 1909 – 600, а в 1910 (год смерти Ислама) – 900¹⁷¹.

Этому в немалой степени способствовала и реклама Теберды в тогдашних СМИ.

Для справки: В этот период были опубликованы материалы в центральных газетах – например, московских «Русских ведомостях» (14.03.1902, №72: «Теберда. Новое климатическое место на Кавказе») и кавказских газетах – «Донская речь» (Ростов-на-Дону, 16.07.1901: «Новый курорт. /Из Теберды/»), «Приазовский край» (Ростов-на-Дону, №198, 1907: «Курорт Теберда»), «Черноморский вестник» (Батуми, 20.03.1902, №65: «Теберда»), «Казбек» (23.05.1901, №1057: «Новый курорт на Кавказе /Теберда/»), «Кавказ» (14.09.1901, №242: «Теберда») и др.

В популяризации курорта важную роль сыграл и Ислам. В цитировавшемся некрологе совершенно справедливо отмечается, что он «путем рекламирования и пропаганды, обратил всеобщее внимание» на Теберду. Князь хорошо понимал значимость «раскрутки» в масс-медиа. С этой целью он старался привлечь на курорт известных на Кавказе и по всей России деятелей науки и культуры – их голос мог привлечь в Теберду тысячи новых посетителей, сделать ее знаменитым на всю страну рекреационным центром.

В их голосе Ислам нуждался и по другой причине – просвещенную Россию противопоставить России шовинистической. И тогда были те, кто желал «Кавказа без кавказцев». Один из таких лиц, расписывая курортные прелести Большого Карачая, открыто заявлял: «главной отрицательной стороной этого района служит присутствие 25 тыс. населения Карачаевского племени, находящегося на первобытной ступени культуры»¹⁷².

Собрание уполномоченных. Приток в Теберду отдыхающих и лечавшихся обозначил очередную проблему – карачаевцам, желавшим делать бизнес на курорте, стало не хватать земли для постройки хибарок-«дач» для сдачи под жилье приезжим.

Здесь следует отметить вот что. Тогда часть правобережной, «карачаевской» стороны р.Теберды, находилась в составе аульных т.н. временных юртовых наделов. Судьбу этих угодий решало аульное общество (как в случае, например, выделения участка для Кузовлева). Другая часть – необрабатываемые зем-

ли, леса, пастбища — находилась в общенародной собственности; еще не были размежеваны между аульными обществами.

Поскольку для дачных участков запрашивались лесные участки, т.е. земли второй категории, на то требовалось согласие всех обществ.

Для рассмотрения вопроса 2 февраля 1908 г. съехались уполномоченные 10-ти селений Кубанского Карачая (поселения и хутора терской части Карачая прав аульных обществ не имели). Возражение высказывалось лишь представителями Тебердинского аульного общества, которые настаивали на том, чтобы деньги за аренду поступали не в общекарачаевскую казну, а тебердинскую. Но абсолютным большинство голосов было решено:

а) выделить 250 десятин земли, «занятой лесом», которые предназначались для сдачи в долгосрочную аренду под строительство дач;

б) определить правила на отвод сдаваемых в аренду участков¹⁷³.

Но претворение в жизнь этого решения требовало преодоления проблем с работой действовавшей тогда землеустроительной комиссии. Это и было возложена на обоих общекарачаевских доверенных — Ислама Крымшамхалова и Ахмата Байрамукова.

Слово к наместнику царя. Они составили обращение к графу И.И.Воронцову-Дашкову. В этом любопытном документе, датированном 1909 годом, вначале давалась общая характеристика курорта: «Горное ущелье р.Теберды, принадлежащее карачаевскому народу, благодаря своим исключительно благоприятным условиям, обратило на себя внимание больных, которые стали с каждым годом все больше и больше посещать этот чудный уголок».

Далее авторы сообщают о наплыве приезжих и курортной активности соплеменников:

«Здесь в хвойном лесу, в 13 верстах выше аула Тебердинского, по правую сторону р.Теберды, на высоте 4½ тысяч футов над уровнем моря, уже выстроены некоторыми из карачаевцев несколько небольших дач. Эти дачи летом переполняются больными, приезжими из разных концов России и во время сезона

карачаевцы-скотоводы бойко и выгодно сбывают продукты скотоводства: мясо, молоко, сыр и т.д. Бедные жёщины и дети в течении летних месяцев зарабатывают порядочные деньги, продавая лесные ягоды и грибы, изобилующие здесь. Верховые лошади, дроги и иные подводы доставляют карачаевцам хороший заработок (запомним эти места; выделено мной, - Р.Х.). Таким образом, несмотря на свой незначительный размер, этот курорт обратил на себя внимание карачаевцев в отношении экономических выгод».

Но, как отмечают доверенные, подлинно значимые выгоды для местного населения могут последовать «в случае расширения и развития курорта, обещающего сделаться в будущем крупным источником дохода для населения в качестве рынка для сбыта продуктов местного скотоводства».

Крымшамхалов и Байрамуков перечисляют благоприятные условия и ресурсы для развития Курорт-Теберды:

- *природные* («целебный воздух, близость главного хребта с ледниками, хвойные леса, лечебные минеральные источники /ущелье Джамагат/»);

- *дорожно-коммуникационные* («Военно-Сухумская дорога, поддерживаемая казной и делающая ущелье вполне доступным для проезда до самых ледников»);

- *кадрово-медицинские* («имеются уже предложения со стороны докторов»);

- *инвестиционные* (согласие «людей с крупными средствами, желающих приобрести в аренду участки под постройку санатория, дач и готовых вложить капитал на улучшение путей сообщения и эксплуатацию минеральных источников»)

О соплеменниках в обращении скромно отмечается: «Сами карачаевцы не в состоянии развить это дело по неимению средств и отсутствию предприимчивости». Авторы как будто не замечают, что их скромная реплика противоречит всему тому, что они написали выше.

Куда же подевались «бойко и выгодно» торгующие карачаевцы-скотоводы?

А хозяева верховых лошадей и дрог с «хорошим заработком»?

Что стало с «бедными женщинами и детьми», кои на курорте «зарабатывают приличные деньги»?

Мотив ложной скромности понятен сочинителей обращения – не отпугнуть графа. Отсюда и суть реплики: ваше сиятельство, мы ратуем за развитие курорта не из-за «шкурных интересов» карачаевцев, а из-за общероссийского и общественного блага. И учтиво подчеркивается: «Развитие же курорта легко осуществлено при благосклонном внимании Вашего сиятельства».

Обращение называет главным условием толчка к дальнейшему росту Курорт-Теберды волю самого наместника: «Покорнейше просим Ваше Сиятельство распоряжения в *разрешении нам вне зависимости от окончания работ землеустроительной комиссии приступить к скорейшему осуществлению намеченного предприятия* (выделено мной, - Р.Х.), обещающего неисчислимые выгоды для края в смысле поднятия уровня экономического благосостояния населения»¹⁷⁴.

Наместник пошел навстречу горцам и в январе 1910 г. такое разрешение было получено¹⁷⁵.

«Курортные усилия» И. Крымшамхалова и его единомышленников окупятся сторицей вскоре после смерти просветителя. Даже в 1915 г., сообщает автор того времени, дачи на «карачаевском» правобережье Теберды «все... были переполнены отдыхающими учащимися и мелкой интеллигенцией»¹⁷⁶. Обратим внимание – это был год, когда вовсю бушевала Первая мировая война.

Тогда для приезжих сдавали помещения и родичи (видимо, и семья) покойного просветителя. В том же 1915 г. «на горской стороне» Теберды путеводители отмечают: «семья потомков бывших владетельных князей Карачая Крым-Шамхаловых владеет довольно обширным дачным участком. Он сравнительно недурно обустроен теперь домиками для приезжих. Можно иметь здесь комнату и пансион»¹⁷⁷.

Глава VI

ПЕРВЫЙ ПРОМЫШЛЕННИК

Многогранный талант привел князя в сферу бизнеса. Ислам стал первым в Карачае бизнесменом-производителем, работавшем сообразно требованиям рыночной экономики, «покапиталистически». Он был первым карачаевцем, владевшим своим заводом (скипидарным)¹⁷⁸, первым, кто создал в Карачае современное сыроваренное производство, организовывал первую ферму с селекцией молочного скота.

Фермер

Для создания первой в Карачае образцовой молочной фермы в январе 1895 г. он арендовал в Теберде земельный участок. Срок аренды составлял 12 лет, стоимость ежегодной арендной платы – 70,5 рублей (для сравнения: средняя стоимость одной коровы в то время составляла около 40 рублей). Как он сам сообщает, им уплачивалась именно такая сумма – «за эту цену я непосредственно беру с торгов два года – 1896 и 1897 г.»¹⁷⁹.

Говоря о мотивах этого шага, полковник Кубанского казачьего войска писал в департамент земледелия: «Он предполагает заняться молочным хозяйством, которое могло бы демонстративно научить его соплеменников»¹⁸⁰.

Князь стремился синтезировать тысячелетний опыт собственного народа («я сам скотовод, как и все мои соотечественники», заявлял он) с достижениями современного животноводства. Для этого важно было непосредственно ознакомиться с передовым молочным хозяйством страны. В ходе поездок в разные районы Центральной России Крымшамхалов посетил образцовые фермы А.Герна в Смоленской губернии, отдел молочного хозяйства и скотоводства на Нижегородской выставке (1896) и др.¹⁸¹

Стремясь ускорить создание «образцовой фермы», Ислам обратился в чиновные инстанции, однако не получил отклика. Это обуславливалось подозрительным отношением со стороны начальника (и атамана) Баталпашинского отдела полковника Кривцова. В донесении вышестоящим властям Кубанской области, полковник утверждал, что Крымшамхалов «преследует не намеченные цели, а исключительно личные выгоды, как не спе-

циалист по молочному хозяйству, нельзя допускать мысли, что молочное дело нашло между его соплеменниками подражание»¹⁸².

Проекту ставились административные препоны. Но, вообще-то, об отказе по одной лишь подозрительности царского чиновника нужно говорить не столь категорично. Известно, что атаман отдела И.Н.Братков и И.Крымшамхалов не могли сойтись на условиях аренды казенной земли. Администрация отдела настаивала, например, на дополнительном количестве быков-производителей. Князь указывая на «слишком строгое и недоверчивое» отношение одного из подчиненных атамана, говорил, что «едва ли мыслимо подозревать» его в действиях «какую-либо аферу»¹⁸³.

Добавим, что в публикациях советского времени противоречив вопрос о самих *причинах* аренды И.Крымшамхаловым земельных угодий у казны. Согласно одного автора, участок необходим «для устройства школы молочного хозяйства»¹⁸⁴. По другой публикации, арендуемая земля предназначалась для создания образцовой животноводческой фермы «капиталистического типа»¹⁸⁵. Последняя точнее, так как сам Ислам в обращении от 6 октября 1897 г. на имя начальника Хумаринского участка Галофеева упоминает о «предприятии» по молочному хозяйству¹⁸⁶.

Из написанного об Исламе-аграрнике может сложиться впечатление, что он так и не создал животноводческого хозяйства. Ложное впечатление!

Если у него было такого хозяйства, то для чего в 1896-1897 гг. он арендовал несколько десятков десятин земли на «Большой поляне»? Тем более, на условиях, которые, по его собственному признанию, были для него «затруднительны»¹⁸⁷.

Ислам, заметьте, пишет: «кроме этой поляны (которая давала до 6 тыс. пудов сена, - Р.Х.), я имею еще свой покосный пай»¹⁸⁸.

Зачем, спрашивается, ему арендовать такие обширные покосные земли, если он не имел скота? Поскольку нам ничего не известно о том, что он сдавал покосы в субаренду и на том наживался, справедливо думать, что в корме нуждалось его соб-

ственное животноводческое хозяйство. Другое дело, что его ферма могла не стать «образцовой».

По всей видимости, молочная продукция, которую он перерабатывал в своем сыроваренном цеху, производилась собственным поголовьем коров, тем более, что его сыр производился «в небольших размерах»¹⁸⁹.

Сыродел

Увлечение сыроделием у него, видимо, было заложено с детства. Известно, что еще в сентябре 1871 г. (когда нашему герою было лишь семь лет) к властям с ходатайством о разрешении открытия сыроваренного завода на общественных земляках обратился дядя Исмаил Урусбиев. Три года спустя такой завод был пущен другим дядей Ислама Крымшамхалова, Хамзатом Урусбиевым, и просуществовал до 1897 г.¹⁹⁰

Одной из задач, которые поставил перед собой Ислам в ходе упоминавшихся ознакомительных поездок по Центральной России, было знакомство с опытом *Н.В.Верецагина*. В маршруте этих поездок мы встречаем молочные школы Верецагина в селе Едимоновка Тверской губернии. Кроме того, уже наладив свое сыроваренное производство, Ислам посчитал необходимым на один год нанять сыровара именно из школы *Н.Верецагина-С.Морозова*¹⁹¹.

Так почему Верецагин?

Ну, во-первых, наверное, потому, что это имя было хорошо известно дядьям Урусбиевым. Известно, что в создании сыроваренного завода на Баксане им оказывал помощь именно Верецагин, через которого был приглашен мастер-сыродел из Швейцарии¹⁹².

Во-вторых, для всех знатоков молочной промышленности того времени фигура Верецагина говорила о многом. Это был признанный ас сыроваренного дела, специалист по технической переработке молока, — человек всероссийской известности, чье имя вошло в тогдашний «Новый энциклопедический словарь», изданный в Санкт-Петербурге (т.10, С.217)¹⁹³.

Верецагин внимательно отслеживал практику молочного хозяйства в регионах страны, и, конечно, не упустил из виду перспективы горского сыроделия, о котором впервые заговорили

в конце 1870-х гг. Тогда горский сыр был представлен на выставке в Петербурге и привлёк внимание «своим прекрасным вкусовым качеством»¹⁹⁴. После этого именно Верещагиным был направлен на Северный Кавказ специалист-сыродел А.А.Кириш, который, объездив весь Северный Кавказ, включая горные районы, инициировал открытие первых сыроваренных заводов в Баттапашинском уезде (1880 г.) и опубликовал статью «Сыроварение на Кавказе» (1883 г.)¹⁹⁵.

Верещагин оказывал посильную помощь делу развития современного сыроделья у горцев Баттапашинского отдела. В первые горские общественные сырозаводы были направлены специалисты из школы молочного хозяйства в Едимоновке. Для этих заводов из мастерской Верещагина было выделено около 1000 ведер по сбору молока. Когда у горских сырозаводов возникли материальные проблемы, Верещагин и Кириш «долгое время ходатайствовали перед наместником Кавказа, а также перед Министерством земледелия и государственных имуществ об оказании финансовой помощи» им. Они же «предлагали открыть школу молочного дела в Хумаринском укреплении (ныне аул Новый Карачай) и заняться подготовкой местных кадров по обработке молочных продуктов»¹⁹⁶.

Хотя эти просьбы остались без ответов, вклад Верещагина в горское сыродельное производство был известен в Карачае. Как видим, стремление Ислама установить связь с Верещагиным вполне объяснимо: с одной стороны, школа сыроварения последнего была одной из самых опытных и уважаемых в стране, а с другой – эта школа знала специфику Кавказа.

Крымшамхаловский сыроваренный цех (оснащенный переработкой для своего времени техникой типа сепаратора Альфа-беби «большого калибра») с 1896 года выпускал несколько сортов сливочного масла, популярный в то время сорт сыра *бакштейн*, который раскупался нарасхват¹⁹⁷.

Как справедливо указывает проф. В.П.Невская, Ислам стремился наладить производство по последнему слову экономической науки¹⁹⁸.

Добавим, что князь-просветитель стремился к всестороннему познанию этого дела, поэтому его интересовала как практика, так и теория молокообрабатывающего производства. У него была библиотека солидных работ по этой отрасли, в т.ч. изданные в Петербурге книги Г.Зеттегаста – «Животноводство» (1870), «Скотоводство» (ч. 1-2, 1880), «Учение о ското заводском искусстве» (ч.1-2, 1880), Ф.Ф.В. Флейшмана – «О коровьем молоке» (1870), «Шварцовский способ отстаивания молока» (1877)¹⁹⁹, Фон-Кранца, Бусса²⁰⁰ и др.

Завод

К числу первых предприятий лесоперерабатывающей промышленности Карачая мелкие смоло (дегтярно)-скипидарные заводы, которые создавались здесь 1890-х гг. Большинство их, конечно, принадлежало пионерам промышленного освоения горного края – русским бизнесменам: в верховьях Кубани – Перселенкову, в долине Теберды – Кондратьеву, Фитингофу, Утякову. Первым карачаевцем, владевшим таким заводом, некоторое время был И.Крымшамхалов, построившим предприятие также в Теберде²⁰¹.

Описание работы такого завода дает А.Н.Дьячков-Тарасов, который в 1898 г., осматривал тебердинское предприятие Кондратьева: «Несколько карачаевцев занимались трудной работой распиливания большою пилою сосновых пней; размельченные в щепки, они кладутся в печь, наглухо закрываемую; печь снизу подогревается; пары, проходящие из печи по трубам в чан с водою, охлаждаются и, в виде дегтя и воды, стекают по желобу в бочки; то же делается и для добывания скипидара, только сосновые пни заменяются уже березовою корою»²⁰².

Как пишет В.П.Невская, братья Ислама построили в районе Теберды «лесопилку, работавшую на водяной турбине и небольшую *электростанцию. первую в Карачае* (выделено мной, - Р.Х.)»²⁰³. От этой электростанции в Теберде появилось и электрическое освещение²⁰⁴.

Как видим, семья Крымшамхаловых, помимо всего, явилась и первыми энергетиками своего народа.

Глава VII ХУДОЖНИК

Ислам Хасанович по праву занимает место в Карачае основоположника живописи. Он был первым среди карачаевцев художником, которого можно назвать профессиональным.

К сожалению, значительная часть его творческого наследия утеряна безвозвратно, а то, что сохранилось, не получило развернутого исследования специалистов. Мы, конечно, не беремся братья за работу искусствоведов, наша задача скромнее – очертить хотя бы абрис Ислама-живописца.

Учитель

Выдающийся художник-передвижник Николай Александрович Ярошенко сыграл в творческой судьбе просветителя большую роль. Настолько важную роль, что нашей обязанностью становится по-возможности подробное освещение истории и характера их взаимоотношений.

Три версии. Если время знакомства нашего героя с Н.А.Ярошенко, кажется, общепризнанно – годы юности Ислама, то по сей день не решен вопрос о *месте* знакомства. Все, кто думает иначе, ошибаются.

Поначалу в публикациях проводилась «тебердинская версия». Так, в первой из известных нам статей краеведа Е.Польской о знакомстве художника-передвижника с будущим первым живописцем Карачая (1962 г.) мы читаем:

«Однажды в Теберде он (Ярошенко, - *Р.Х.*) увидел пейзаж, написанный карачаевцем Крымшамхаловым. Художник привез юношу в Кисловодск, стал учить его рисованию и пригласил писать этюды с натуры»²⁰⁵.

Видимо, опираясь на эту публикацию, через несколько лет ту же версию повторяет и А.Петренко (1968 г.):

«Особенно ему (Ярошенко, - *Р.Х.*) полюбилась Теберда, одна из самых очаровательных жемчужин горного края. Приезжая с этюдником и пледом, Николай Александрович обычно останавливался в семье карачаевца Крымшамхалова, резко выделявшейся среди горцев широтой культурных интересов и прогрессивных взглядов. Здесь русский художник обратил внимание на

молодого хозяйского сына Ислама. Юноша хорошо знал русский язык...»²⁰⁶.

Ислам никак не мог быть «юношей» в период жизни в Теберде, куда он переселился-то под 30 лет. Не мог он здесь быть и «хозяйским сыном», поскольку он сам и был единственным хозяином своей тебердинской усадьбы; родителей давно не было в живых, да и жили они в другом месте.

Но еще до статьи А.Петренко, уже в новой работе Е.Польской (1967 г.), появляется новая версия:

«Однажды в путешествии по Карачаю Ярошенко увидел в сакле. На стене, горный пейзаж, написанный Исламом Крымшамхаловым... Ярошенко... почти каждое лето навещал юношу в его родовой сакле в ауле *Карт-Джурт* (выделено мной, - Р.Х.)»²⁰⁷.

Итак, Карт-Джурт. Но когда?

Первый раз Н.Ярошенко был в Карачае в 1882 г.²⁰⁸, но тогда И.Крымшамхалов служил в Петербурге.

Второе путешествие в Карачай Николай Александрович совершил в 1888 году²⁰⁹. Надо полагать, не ранее этого года он мог увидеть картину Ислама на стене горской сакли карачаевского князя, а потом приглашать к себе на обучение. Но тогда Исламу было уже 24 года: отставной офицер, на правах старшего сына – вместо покойного отца – занявший место главы семьи Крымшамхаловых и управлявший родовым поместьем в Карт-Джурте. Опять-таки никак не «юноша»!

Что-то вновь не сходится...

Если мы будем исходить, что Ярошенко познакомился и сразу же начал обучать *юного* Ислама, то это должно было происходить *до 1877 года включительно* (с этого года Крымшамхалов в течение 7 лет находился за «пределами досягаемости» – сначала в Ставрополе, затем в Петербурге).

Но до 1877 г. Ислам, как мы знаем, рос и воспитывался у дяди, Исмаила Урусбиева. Так отпадает «карт-джуртская версия» отпадает и возникает... «баксанская».

А почему нет?

Мы знаем, во-первых, что Ярошенко и И.Урусбиев были дружны, художник-передвижник гостил у баксанского дяди Ислама²¹⁰.

Во-вторых, известно, что первое кавказское путешествие Ярошенко относится еще к 1874 году²¹¹, когда 10-летний (действительно юный) Ислам жил у дяди.

В-третьих, близкая родственница Ислама сообщает, что в Петербурге ему «всегда оказывал... помощь и давал ценные советы» Ярошенко²¹². Напомним, что в 1880-1884 гг. Ислам служил в северной столице, где в это время служил и Ярошенко (в 1870-1892 гг. на патронном заводе, откуда вышел в запас в генерал-майорском чине)²¹³. Если сообщение родственницы Ислама верно, то, следовательно, он мог получать помощь от Ярошенко еще по знакомству в доме Урусбиевых в конце 1870-х гг. или (во время отпуска) в начале 1880-х гг. Итак, можно вполне допустить знакомство на Баксане, а затем в Петербурге – в промежутке между служебными делами – учебу Ислама у Ярошенко.

Как видим, наша, «баксанская» версия тоже обоснованна.

Но и тут имеется нестыковка. В вышеприведенной публикации Е.Польской говорится, что Ярошенко начал обучать Ислама в Кисловодске, куда привез его, а не в Питере. Ярошенко переехал с Петербурга в *лишь в 1892 г.*²¹⁴ (в некоторых публикациях ошибочно называется 1885 г.²¹⁵), когда Ислам был 28-летним отставным офицером, отнюдь не юношей.

Как видим, все запутано – каждая версия уязвима.

Бразумительное объяснение противоречий в одном из двух.

В первом случае – в сведениях об их знакомстве и начале обучения просто слились воедино два *разновременных* события: а именно – вначале знакомство с Ярошенко на Баксане в годы юности Ислама и последующее обучение у художника, начавшееся в Питере либо, что реальнее, на Кавказе (в Кисловодске и Карачае).

Во втором – два события были *одновременными*: Ислам познакомился с Ярошенко и сразу же начал обучаться у него – скорее всего, не ранее 1892 года, когда Николай Александрович уже осел в Кисловодске. В этом случае утверждение о знакомстве с Ярошенко «*юного*» Ислама оказывается одной из многих легенд об Исламе.

Нас привлекает простота второго объяснения.

В «школе Ярошенко»

Ярошенко познакомился с Карачаем еще в пору военной службы нашего героя. Мы уже говорили о поездке 1882 года. К тому времени относятся этюды «На Кубани», «На реке Хурзук», «Клухорский перевал», «Кош», «Мальчик-карачаевец», «Горный скат, покрытый лесом» (с надписью «17 июня. Теберда. Коначхир-Баши»).

Пейзажи, выполненные по итогам той поездки, художник-передвижник поместил на XI-й передвижной выставке (1883 г.). Работы получили высокую оценку любителей и профессионалов русской живописи, в том числе и И.Е.Репина.

Как видим, Ярошенко был хорошо знаком с бассейнами рр.Кубани и Теберды. Он стал «первым русским художником, проникшим в глухие горные дебри Карачая»²¹⁶.

Вторую поездку по Карачаю Николай Александрович, как упоминалось, совершил в 1888 году вместе с известным тогда художником-пейзажистом Николаем Никаноровичем Дубовским. Тогда Ислам уже проживал в Карт-Джурте.

Результатом этого путешествия стали ярошенковские пейзажи Карачая – «На р.Эшкаконе», «На Кубани», «Развалины древнего христианского храма на р.Зеленчуке» и др. К тому же году относится картина «Среди облаков». На ней «сквозь вуаль несущихся над Эльбрусом сизых облаков едва угадываются очертания двух его конических глав. Грандиозность и величие гор подчеркивает крохотная фигурка всадника на громадном крутом массиве скалы, за которой ощущается бездна»²¹⁷.

После того, как Ярошенко переехал на Кавказ и поселился в Кисловодске, художник-передвижник «учил Ислама технике живописи, брал с собою писать этюды с натуры»²¹⁸.

Ярошенко стал почти каждое лето ездить в Карачай, где «среди горцев у него было много приятелей... Бывало, Николай Александрович возвращался из аулов не один. А привозил с собой талантливых юношей, которых у себя дома обучал искусству живописи. В аулы Карачая Ярошенко привез любовь к искусству...»²¹⁹.

Нередко верхом или пешком друзья совершали походы на Бермамыт, на Бийчесынское плато, горные пастбища, откуда «спускались в большой Карт-Джурт, откуда недалеко была сакля

– дом Крымшамхалова, в нем останавливались на несколько дней... Во время пребывания у Крымшамхаловых ходили на охоту. К ним присоединялся Абдул Керим Хубиев (отец просветителя Ислама Хубиева-Карачайлы, - *Р.Х.*). Не раз они бывали на Архызе. Их возил Конак», отец тебердинца Шамаила Холамиева²²⁰.

Краеведы сообщают о совместной поездке Ярошенко, И.Крымшамхалова и К.Хетагурова в Теберду в 1892 году. Здесь три художника обменивались впечатлениями о «Богоданном» уголке горного края, говорили о своих замыслах и «в горных потоках ловили форель»²²¹. Уточняется, что они «любили ловить форель в притоке Карасу. Все трое засучивали брюки, шли вброд и руками ловили рыбу»²²².

Творческий союз укреплялся и после переезда Ислама в Теберду. В его здешней усадьбе имелся гостевой дом, а в нем – отдельная комната, отведенная для Ярошенко²²³. По горскому обычаю, гостя нельзя оставлять одного в доме (если, конечно, он не отдыхал) и хозяева развлекали почетного гостя. Поэтому для Николая Александровича здесь звучала музыка, Ислам читал свои стихи, а его братья пели народные песни. Иногда приглашалась «мать семейства» (мачеха Ислам), которая «несколько стеснялась гостя из-за недостаточного знания русского языка, но делала все, чтобы другу и учителю Ислама было у них приятно и удобно»²²⁴.

Русский художник, приезжая сюда, одаривал хозяев гостеприимного дома. В памяти маленькой Фатимы – дочери мачехи Ислама от второго брака – на всю жизнь запал образ этого светлого человека. Даже многие десятилетия спустя, будучи уже старушкой, она вспоминала, как Николай Александрович, приезжая в Теберду, всегда ей привозил игрушки, гостинцы, «гладил по головке» 14-летнюю девочку²²⁵.

В поисках «натуры» друзья обходили окрестности курорта, почти все верховье долины Теберды и прилегающие к ней ущелья. Многие маршруты этих походов были вполне доступными даже для колесного транспорта – они проходили по т.н. Военно-Сухумской дороге, которую начали прокладывать еще до появления Ислама на свет²²⁶. Как отмечают его современники, тогда «по двум главным долинам Карачая, по Теберде и Кубани, про-

ходят довольно хорошие колесные дороги, причем первая составляет часть так называемой Военно-Сухумской перевальной дороги и находится в ведении казны, тогда как дорога, идущая по долине Кубани, поддерживается в исправности самим карачаевским обществом»²²⁷.

Друзья верхом (Николаю Александровичу подарили здесь коня по имени Кунак²²⁸) добирались до Домбая, заезжали в Гоначхирскую долину, поднимались к озеру Туманлы-Кёль и Клухорскому перевалу. Плодом тех поездок стали ярошенковские пейзажи «Домбай», «Тебердинское озеро», «Лесная поляна» (датирована 30 августом 1894 г.) и др. На память о тебердинских поездках художник-передвижник оставил в семье Крымшамхаловых рисунок «Карачаевка за прялкой в сакле»²²⁹. Сообщается, что неоднократно друзья ходили на Муруджу, «откуда любовались красотами природы и принимались писать этюда Главного Кавказского хребта. Иногда с ними бывал Коста»²³⁰.

Специалисты насчитывают до 25 произведений Ярошенко, в которых воплощены пейзажи и образы людей Карачая. Последней из них считают картину «Забытый храм», написанную в 1896 году²³¹ и запечатлевшую Сентинский храм — один из местных памятников зодчества аланской эпохи.

Николай Александрович умер в 1898 году в Кисловодске. «На его похороны... приехало множество карачаевцев из окрестных аулов. Вместе с русскими почитателями таланта художника-гражданина они разделили скорбь тяжелой утраты». Как справедливо отмечает Е.Польская, «с полным правом мы можем его считать подлинным певцом Карачая в русской живописи и бытописателей его народа»²³².

Москва (1897-1898)

Исследователи единодушны в том, что Ислам поступил в московское «*училище ваяния, зодчества и живописи*»²³³ — художественную школу — по настоянию Н.А.Ярошенко (вместе с ним некоторые авторы называют и К.Хетагурова²³⁴).

Но, вместе с тем, относительно учебы Ислама в Москве в публикациях встречаются очевидные расхождения и явные ошибки.

Например, в воспоминаниях Фатимы Аскербиевны Крымшамхаловой – дочери мачехи Ислама от второго брака – опубликованных в 1963 г., говорится, что Ярошенко «устроил Ислама в Академию художеств» и «в Петербурге всегда оказывал ему помощь и давал ценные советы»²³⁵. Это – вполне объяснимая забывчивость старушки, вспоминающей события более чем полувековой давности и перепутавшей наименования учреждений, имевших отношение к изобразительному искусству.

Эта ошибка повторяется в статье «Первый живописец Карачая» (1968 г.) говорится, что «постепенно Н.А.Ярошенко подготовил карачаевского самородка к поступлению в Академию художеств»²³⁶.

Более точен информатор некролога М.К.Абаев (1911 г.), согласно которому Ислам в Москве «поступил в художественную школу»²³⁷. Эти данные воспроизводятся и в большинстве последующих публикаций, где пишется именно о художественной школе, а не Академии²³⁸.

В некоторых публикациях утверждается, что в ту школу Ислам поступил в 1905 году по рекомендации Н.А.Ярошенко²³⁹. Да, просветитель поступал на учебу в Москву по этой рекомендации, но не тогда – ведь выдающийся художник-передвижник умер... за 7 лет до упомянутой даты. Это во-первых.

А во-вторых, в упоминавшемся некрологе, опубликованном в 1911 году, говорится, что Ислам поехал поступать в московскую художественную школу *«лет 14 тому назад»*, т.е. около 1897 г. Последней даты мы и будем придерживаться, поскольку он указано его современниками-очевидцами его поездки Мисостом Абаевым. (Кстати, уместно напомнить, что Ярошенко написал последнюю работу с видами Карачая в 1896 г. Не стала ли она последней из-за отъезда Ислама, у которого в основном и гостил художник-передвижник во время творческих поездок в Карачай?)

Еще ошибка: один из авторов заметок о просветителе утверждает, что Ислам учился в московской художественной школе «несколько лет»²⁴⁰. А в некрологе мы читаем: Ислам «посту-

пил в художественную школу, но в 1-й же год (выделено мной, - Р.Х.) схватил чахотку в Москве и возвратился больным домой». Следовательно, он вернулся по болезни домой не позднее 1898 г. И, видимо, во второй половине этого года. Почему?

Во-первых, летом 1898 г. умер Ярошенко. Нет никаких данных об участии его в похоронах своего друга. Очевидно, только потому, что его не было на родине.

Во-вторых, в июле 1898 г. этнограф А.Н.Дьячков-Тарасов вместе с преподавателями Екатеринодарской гимназии В.М.Сысоевым (председатель «Общества любителей изучения Кубанской области», преподаватель греческого языка) и С.И.Борчевским, а также 26 гимназистами посещал Теберду. Он сам описывает, как он побывал на тебердинских дачах – полковника Кузовлева, инженера Кондратьева, инспектора баталпашинского училища Потопова²⁴¹. При этом житель курорта князь Ислам ни разу не упоминается в тех местах, где бывал Дьячков-Тарасов – ни в Теберде, ни в аулах Большого Карачая (где жили родичи), ни в Хумаринском укреплении (в административном центре Карачая, где находилась штаб-квартира лесничества), ни на руднике (где Ислама мог посетить знакомых). А вот картджуртские Крымшамхаловы фиксируются²⁴².

Это может служить косвенным указанием на то, что летом 1898 года наш герой еще находился в Москве.

Далее. В «Очерках истории Карачаево-Черкесии» (1967 г.) говорится: «После возвращения из Москвы он поселился в том месте, где ныне вырос курорт Теберда»²⁴³. Мы теперь знаем, что это ошибка, поскольку Ислам поселился в Теберде еще в 1893 году, за несколько лет до учебы в Москве (см. главу).

Наследие

К настоящему времени известно около 30-ти наименований работ первого живописца Карачая. Увы, от большинства из этих произведений только названия и сохранились.

Огромную благодарность в сохранении для нас наглядных представлений о художественном даровании Ислама, как уже говорилось, заслуживает профессор И.В.Мушкетов. В свою книгу «Геологический очерк ледниковой области Теберды и

Чхалты на Кавказе» (1896 г.) он включил в качестве иллюстративного материала семь рисунков Ислама:

- «Вершина Бель-ала-кая»
- «Вершина Домбай-Ульгена»
- «Вершина ледника Птыш»
- «Ледник Аманауз»
- «Ледник Алибек-Ульген»
- «Клухорская тропа»
- «Клухорское озеро».

Еще в 1966 г. эти иллюстрации книги И.В.Мушкетова рассматривались как «чуть ли не единственный сохранившийся памятник бесследно утраченного художественного наследия Ислама Крым-Шамхалова»²⁴⁴.

В кисловодском музее живописи им.Н.А.Ярошенко сохранилась лишь два произведения Ислама: картина «Ярошенко на этюдах в Березовской балке» и горный пейзаж²⁴⁵.

В разных источниках называются пейзажи – «Чертов замок», «Уборка сена», «Домбай-Ульген», «Муху-Баши», «Бадукские озера», «Березовая роща», «Лес», «Аманауз», «Озеро Кара-Кель», «Сосна», образы людей – «Женщина с ребенком», «Сказитель», «Старик карачаевец», «Стога» («Гебенле»), «Портрет женщины», «Портрет юноши», «Мать и малыш»²⁴⁶ и др.

Ислам – судя по сохранившимся работам и их репродукциям – проявил весьма глубокие представления о всех требованиях современного ему изобразительного искусства: «школа Ярошенко» безусловно, давала о себе знать.

Чутье исключительно тонкой творческой натуры выявляло удачные находки не только в образах, которые воплощались в его произведениях. Он обладал даром почти безошибочных композиционных решений. Умелой расстановки акцентов живописец добивался не только посредством виртуозных манипуляций светотенью и цветом, но и через тонкости плановых соотношений.

Он был мастером графики, техникой которой владел блестяще. Работая маслом, художник не давал обмануть себя чарами, казалось бы, бесконечных возможностей цветового диапазона, завораживающей сочностью колора.

Тематика всех его произведений оставалась одна и та же — родной край и люди, близкие (как Ярошенко) и просто привлекающие своей характерностью (образы старика, матери, ребенка).

Ислам следовал реалистическому направлению изобразительного искусства. Как отмечал его племянник, художник Хамзат Басханукович Крымшамхалов, в произведениях Ислама «нет и тени украшения жизни; они сугубо реалистичны и правдивы в передаче образов как людей, так и природы; в них нет и тени академизма»²⁴⁷.

Известно, что произведения И.Крымшамхалова экспонировались на художественной выставке в Москве²⁴⁸. Некоторые авторы раньше писали, что Ислам участвовал в этой выставке «незадолго до смерти, в 1911 г.»²⁴⁹.

Но сейчас известно, что художник умер за год до этого. Следовательно, одно из двух: или его работы выставлялись при его жизни, но тогда это не 1911 г., или же в том же году, но уже посмертно. Как полагает литературовед Т.Ш.Биттирова, персональная выставка картин Крымшамхалова состоялась уже после смерти художника²⁵⁰. Мы присоединяемся к этому мнению.

Глава VIII ЛИТЕРАТОР

Творческий путь нашего героя, судя по имеющимся данным, начался в годы юности. Как сообщает «Антология карачаевской поэзии (составители — М.О.Акбаев, Х.Б.Байрамукова, Н.М.Кагиева), И.Крымшамхалов впервые начал пробовать силы на литературном поприще в 16-17-летнем возрасте²⁵¹.

Иными словами, начало литературной деятельности нашего героя следует датировать 1880-1881 гг. Это, напомним, был первый год его пребывания на военной службе в Петербурге. Есть ли между этими двумя одновременными событиями какая-либо связь? Возможно.

Все-таки он служил в городе, где в то время жили и творили многие корифеи русской классики. В городе, где их произведения были доступны. Он служил при дворе императора, где гостями бывало немало из этих корифеев, т.е. Ислам видел их воочию.

Как видим, условий для творческого импульса, «первотолчка» было много...

Поэт

В литературном амплуа он известен прежде всего как поэт. Именно как литератора-поэта его знали современники, например, Коста Хетагуров (*«художник и поэт Ислам»*). Но называть его «первым поэтом»²⁵² Карачая, конечно, было бы неверно. Поэтическая традиция его народа уходила в глубь веков, а карачаевская литература XIX- начала XX вв. знает таких талантливых поэтов как, например, Кючюк Байрамуков, Калтур Семенов, Юсуф-хаджи Хачиров, Исмаил Акбаев (Чокуна-эфенди), Касбот Кочкаров и др.

Из всего поэтического наследия сохранились лишь несколько произведений, все — на карачаево-балкарском языке.

Первое — стихотворная басня «Волк и кот» — примечателен тем, что персонажами басни выступают реальные лица — Кийик улу Алий, Шахым улу Чомак, Батчаев Наиб, Лайпанов Шамай.

Некоторые из них известны автору этих строк по генеалогическим материалам, которые собирался в ходе наших полевых

исследований. Например, *Кийик улу Алий* – это современник Ислама, *Кииков Али Исламович*, брат Локмана, Зулкарная и Салауата Кииковых²⁵³ (все они – дети Ислама Киикова, который фигурирует в материалах посемейной переписи 1868-1872 гг.²⁵⁴, т.е. в тех же материалах, что и Паша Крымшамхалов).

Первый подстрочный перевод басни на русский язык дается литературоведом Т.Ш.Биттировой (1993 г.) и мы воспроизводим ее в Приложениях.

Второе из сохранившихся поэтических произведений Ислама – небольшое стихотворение «Из альбома», впервые опубликованное в 1965 г.²⁵⁵ Это «шутливое посвящение, - отмечают литературоведы, - написано в широко распространенном тогда жанре карачаево-балкарского фольклора – пожелание с проклятиями воображаемым врагам. Проклятья, вызываемые на будущую свекровь, отвечают канонам этой стихотворной формы, предполагают восхваление достоинств девушки на выданье и в форме шутки утверждают ее превосходство над будущим мужем и его родственниками»²⁵⁶. Семистишие, как считают, посвящено княжне Фатиме Абаевой (*фото*) – третьей дочери Мисоста Кючюковича Абаева.

Лишь в начале XXI века у русскоязычного читателя получили известность еще четыре произведения Ислама, все в переводе поэта А.А.Суюнчева: «На берегу моря» и «Оживляя холодные камни...», опубликованные в «Антологии литературы народов Северного Кавказа» (2003 г.)²⁵⁷, «Сон» и «Лев и слон») – в местной прессе²⁵⁸. Все обнародованные стихи Ислама приводятся нами в Приложениях.

Прозаик

Из творческого наследия Ислама-прозаика к настоящему времени текстуально выявлен только рассказ «Карачаевское горе», опубликованный до революции, уже после смерти автора²⁵⁹. Написан он на русском языке, из чего мы можем сделать вывод, что в современной литературе Карачая он был *первым двуязычным литератором* (его поэзия, как отмечалось, выражена на родном языке).

«Судя по тому, - пишет литературовед Т.Ш.Биттирова, - что автор пронумеровал его первым, и в подзаголовке написал –

«Кубанские очерки», он состоял из нескольких частей. Остальные част пока не обнаружены... Возможно автор не успел отослать последующие рассказы запланированного цикла»²⁶⁰.

Тематика этого произведения – остро социальная. В нем достаточно рельефно обозначены последствия погружения села в рынок. «Скот пропадает без корма, - жалуется старик Али, один из героев рассказа, - Незаметно исчезает он у всех наших. А ведь у кого, как не карачаевцев, должен быть скот, всем это известно. Ты знаешь, лет шесть-семь тому назад можно было еще у казаков заарендовать зимовник недорого, а теперь – хоть ложись и умирай. Всю землю захватили тавричане; и откуда только шайтан их принес: видно за грехи наши... Их овца дает шерсти на три-четыре рубля, а наша – на двадцать копеек».

Собеседником старика выступает человек «с рыночным чутьем», молодой, Осман, который – по словам Алиа – «вовремя распродал свой скот и умно поступил., а денежки в карман положил»²⁶¹.

Суть рассказа автор выражает приемами, построенными на антитезах образов – их возрастов, душевных состояний, поступков:

- первая – горец молодой и горец старый;
- вторая – Алий, который «с трудом тащит худую лошадедку» и Осман, «веселый» человек;
- третья – один сельчанин, который, чуя изменения рыночной конъюнктуры, вовремя и удачно избавился от скота, и другой, который упорно, как в эпоху натурального обмена, держит за поголовье скота.

Фабула: объективно – будущее за теми, кто приспособит жизнь к требованиям наступающей эпохи рынка (Осман). Эпохи жестокой, ломающей судьбы людей, добросовестно пытающихся кормить семью «черным трудом» (Алий).

На чьей стороне автор? Позиция неоднозначна – надо быть «османами», но сохранять душу «алиев» Таковым, кстати, старался в реальной жизни быть сам автор. Мы знаем обе ипостаси Ислама – ту, где он «осман» (владелец скипидарного заводика и сыроваренного цеха, сторонник европейского просвещения) и ту, где он «али» (поборник сохранения национального духа, на-

циональной системы воспитания, национальных пород скота и т.п.).

К «картджуртскому периоду» жизни и творчества Ислама относят утерянную ныне повесть «Там и здесь». Как отмечает д-р Т.Ш.Биттирова, «остались свидетельства тех, кто читал первую повесть, написанную на карачаево-балкарском языке. По их рассказам известно ее содержание: лирический герой повести рассказывает о роскошной жизни в богатых домах Петербурга и затем в виде контраста рисует нищету и обездоленность затерянного в ущельях Кавказа карачаевского аула. В центре повествования – семья бедняков, из последних сил поддерживающих свое существование. Очевидцы свидетельствуют: чтение повести неизменно вызывало у слушателей слезы»²⁶².

Публицистика

Этот жанр в литературном творчестве князя Ислама изучен, признаться, слабо.

Известно, что он публиковался в *ставропольской газете «Северный Кавказ»*, где тогда работал Коста Хетагуров. Как отмечают биографы, «не без... участия и горячего содействия» Косты Хетагурова в этой газете – в №26 за 1896 год – была опубликована статья Ислама «Новое богатство Карачая»²⁶³. По характеристике исследователей, в этой статье Ислам пропагандировал «богатства гор Карачая, отмечал необходимость их разумного использования»²⁶⁴, придавая «особое значение» мрамору, «которым никто никогда не интересовался»²⁶⁵.

В начале XX в. он сотрудничает с газетой «Кубанские областные ведомости», где была напечатана его статья «Из Карачая»²⁶⁶.

В 1908-1912 гг. в Париже издавался журнал «Мусульманин», редактором которого являлся Магомед-бек Хаджетлаше²⁶⁷. На страницах этого журнала публиковались просвещенные люди карачаево-балкарцев. Будущий «ас журналистики» советского Карачая Ислам Хубиев (Карачайлы) освещал здесь проблемы образования и выражал надежду на помощь духовных деятелей, еще не «классовых врагов» – И. и Ш.Акбаевых, Дж.Хачирова, Х.Боташева, Хамзата и Хусина Урусовых (статья «Положение женщин в Карачае») ²⁶⁸.

Выпускник Екатеринодарской военно-фельдшерской школы – и будущий белогвардейский глава Карачая – Магомет (Нюр-Магомет, Нюрчук) Кочкаров публиковал материалы по здравоохранению (статья «Проповедь в мечети о холере») ²⁶⁹.

В том же журнале и той же теме посвятил статью «Вопросы здоровья» Мисост Абаев ²⁷⁰. С этим журналом сотрудничала и его дочь Фатима, та самая, которой Ислам посвятил семистишие «Из альбома». Здесь она опубликовала (1911 г.) народную легенду «Как ференки покинули Кавказ» ²⁷¹.

Ислам сотрудничал журналом «Мусульманин» уже под самый конец жизни. В 1910 году, он обнародовал свое «Письмо в редакцию» – единственную прижизненную публикацию в этом периодическом издании ²⁷². Ее содержание связано с идеологической составляющей творческой жизни и подробно описывается ниже (см. главу «Мыслитель»).

Переводчик

Впервые о том, что «Ислам хорошо переводил на наш язык стихи и басни Крылова», сообщает его близкая родственница Фатима Аскербиевна Крымшамхалова (1963 г.). Она же говорила, что эти переводы «и сейчас хранятся в Ленинской библиотеке в Москве» ²⁷³.

То, что Ислам занимался переводом на родной язык произведений иноязычных авторов упоминают и составители «Антологии карачаевской поэзии» (1965 г.) ²⁷⁴.

О том, что он «удачно переводил на свой родной язык басни Крылова» и «переводы молодого Крымшамхалова сейчас находятся в Ленинской библиотеке в Москве» пишет и А.Петренко (1968 г.).

Авторы «Очерков истории Карачаево-Черкесии» (1967 г.) подмечают сюжетную близость крымшамхаловской басни «Волк и кот» с одноименной басней Крылова ²⁷⁵.

Курьез с «дневником»

В одной из своих биографических статей, посвященной юбилею И.Крымшамхалова, его давний поклонник, народный поэт Карачаево-Черкесии А.А.Суюнчев обильно цитирует фило-

софские размышления, которые называет выдержками из «дневниковых записей» просветителя²⁷⁶.

Нетрудно понять, что все эти «выдержки» взяты из романа З.Б.Хабичево-Боташевой «Озарение души» (С.291-292), где эти тексты действительно представлены как фрагменты дневника главного героя произведения – И.Крымшамхалова.

А.А.Суюнчев, принимаясь за *биографическую* статью, воспринял тексты *из романа* как фрагменты реального дневника просветителя, т.е. памятника литературы, исторического документа. Но все дело в том, что такого дневника просто нет. Еще точнее: все эти тексты – *художественный вымысел создателя романа*.

С его автором мы давно знакомы, дружим семьями и уже много лет работаем в одном научном заведении. Поэтому о том, как рождалось ее творение двадцатилетней давности узнать мне посчастливилось лично. И подробно. Как рассказывает Зинхара Биляловна, ею предпринималась лишь попытка – средствами, дозволенными жанром – глубоко вникнуть в душу своего героя, о котором в реальной жизни сохранилось столь мало сведений. В уста героя, вернее, в строки дневника из романа вкладывались те мысли, которые – пусть и не в точности по букве, но схожие по сути, – неизбежно возникают в душах таких людей. Вот и все...

Утешает лишь то, что, с одной стороны, «прокол» происходит не от профессиональных историков (у коих они чаще и печальнее, чем у поэтов), а с другой, он стал достоянием лишь газетной статьи; есть надежда, что он не перекоцует в более солидные издания уважаемого Азамата Алимовича.

Глава IX МУЗЫКАНТ (ПЕРВЫЙ СКРИПАЧ КАРАЧАЯ)

В формировании князя Ислама как музыканта, конечно же, сыграли годы проживания на Баксане и последующие годы связей с родичами-Урусбиевыми. Во многих работах князь И.Урусбиев представлен как один из лучших знатоков музыкального искусства карачаево-балкарцев. Мы отмечали, что композитор С.И.Танеев гостил в доме Урусбиевых; здесь из уст Исмаила записал более 20 народных песен, которые легли в основу танеевского очерка «О музыке горских татар». Исмаил был сам музыкантом, известно, что «виртуозно играл на карачаево-балкарском струнном инструменте «кьыл-кьобуз», а С.И.Танеев подыгрывал ему на скрипке»²⁷⁷.

В этой связи, конечно, не случайным выглядит не только сам факт того, что Ислам стал музыкантом, но и его «слабость» именно к струнным инструментам.

Младший сын Исмаила, Сафарали в своей кунацкой, вместительностью в 30 человек, создал «своеобразный музей» национальных инструментов, которые в своей статье «О музыке горских татар» описывает С.И.Танеев²⁷⁸.

Определенная роль, возможно, принадлежит и знакомству с князьями Абаевыми, с которыми, как отмечалось, Ислам поддерживал тесные связи, в том числе и родственные. К этому роду принадлежал талантливый музыкант Султанбек Асланбекович Абаев, который был первым скрипачом Балкарии²⁷⁹.

Но, видимо, была и другая линия воздействия, создавшая Ислама-музыканта. Его учитель по живописи и друг, Ярошенко, как известно, был теснейшим образом связан с высшей элитой российского музыкального искусства того времени. Выдающиеся ее представители часто гостили у него в Кисловодске. В его «Белой вилле», «в домашней, уютной обстановке, звучал мощный голос Шаляпина, обаятельный – Собинова.., играли композиторы Рахманинов, Танеев», «выдающийся виолончелист Белосусов», «композитор Аренский в ансамбле со скрипачом и виолончелистом Большого театра исполнял у Ярошенко ряд инструментальных вещей»²⁸⁰.

А мы знаем, что Ислам был частым гостем Ярошенко в этой вилле²⁸¹ и априори можно считать, что он был свидетелем этих «музыкальных вечеров». Очевидно, эта среда сыграла важную роль в том, что он смог овладеть искусством скрипичного исполнения. О том, что он играл на скрипке сообщается в ряде публикаций²⁸². Отмечается, что князь играл хорошо и обучался музыке у композитора Венявского²⁸³.

Глава X УЧЕНЫЙ

Мыслитель

Основные идейные установки просветителя получили отражение в его сравнительно небольшом «Письме в редакцию» (за несколько месяцев до его кончины обнародовано в парижском журнале «Мусульманин»)²⁸⁴.

Эта глубоко содержательная статья проливает свет на ориентиры карачаевского просветительства – каковыми их представлял Ислам. Поэтому все, что мы цитируем ниже – из упомянутого письма.

Отсталость и гнилая культура. «Соглашаюсь вполне с тем, - пишет он, - что мы кавказские горцы (мусульмане в особенности), отстали в отношении *цивилизации, как принято это понимать* (выделено мной, - Р.Х.)». Понимать – в Европе, нынешнему, на Западе.

Выделенная мной оговорка существенна – князь хорошо знает содержание понятия «цивилизация» в Европе: это лишь внешняя, *материальная и информационная сторона культуры* – в первую очередь высокий уровень жизни, технических средств и технологий, развитую систему юриспруденции, образования, науки и т.д.

В этом плане, конечно, горцы-мусульмане были отсталыми. «Кто знаком с условиями, - отмечает Ислам, - среди которых протекает современная жизнь горцев, тот простит им все, что есть нехорошего в их настоящем прозябании. Удивляюсь, как при таких обстоятельствах каким-то чудом еще уцелело много благого, хорошего у нас».

Но князь подразумевает, что есть и другое понимание термина «цивилизация» – то, которое принято на Востоке. Здесь оно связано с *морально-нравственной стороной культуры*. В этом отношении горцы-мусульмане, считал Крымшамхалов, были цивилизованнее европейцев. Например, «если у наших горцев, - пишет он, - отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу *лишь приближается* (выделено мной, - Р.Х.) наикультурнейшая Европа».

И это – при отсталости горцев в быту. Превосходя Запад в морально-нравственном плане, горцы-мусульмане, полагал князь Ислам, должны отбросить все уродливые новшества, привносимые «цивилизаторами» по-европейски. Князь напрочь отторгал погоню за теми порочными эгоистическими ценностями, которых уже в ту пору придерживались на Западе:

«И в самом деле, что из себя представляет значительная часть, именующая себя цивилизованным обществом, в смысле светлого, хорошего или полезного? ...Нас не удовлетворяет та культура, которую они преподносят нам в виде собственных особ... Может ли воспринять такую *гнилую культуру* (выделено мной, - Р.Х.) горец, ставящий высоко доверие, душевную теплоту?...»

Карачаевского мыслителя, как видим, не ослепляет мишура жизни «по-европейски», блеск оболочки «гнилой» в нравственном отношении культуры. Особо неприемлемым он считал не только внутреннюю и внешнюю распущенность, но и тотальное, по сути, вторжение «публичной» культуры в сферы, интимность которых освящена веками. (Если бы ему довелось прожить лет 80-85, то он воочию убедился бы в своих суровых оценках – обе мировые войны, развязанные «наикультурнейшими» странами Европы, унесшие десятки миллионов жизней, проявили кроважандность, с которой не смогли бы соперничать самые гнусные режимы всех прежних времен).

Поэтому Крымшамхалов призывает брать от Запада только те достижения, которые полезны народу – те же информационные (образовательные, научные) и материальные (совершенствование социальных условий) достижения.

Да, говорил он, горцу-мусульманину «нужно сделаться научно просвещенным человеком», но при этом горцы должны «безусловно и обязательно оставаться горцами и по воспитанию, и по духовному складу; стать естественным продолжателем древа горцев, не отрываясь от него и не чуждаясь благодарных, хотя и наивных быть может, сородичей».

Суть размышлений вполне понятна: улучши жизнь, не продавая душу.

Предтеча Трубецкого. Однако, это не означает, что на мере горцев невозможен синтез культур Востока и Запада. На-

оборот, Ислам был уверен, что горцы, преодолев свою материальную отсталость, могут быть *«истинным украшением европейской цивилизации»*. Но определение «европейская» здесь неточно, условно. Ведь, как говорит сам Ислам, горцы войдут в Европу, оставаясь собой «и по воспитанию и по духовному складу», т.е. *не принимая* ни европейской культуры воспитания, ни европейского духовного склада. Иными словами, они, дети Азии, соединятся с детьми Европы, привнося в нее то, чего там нет.

С другой стороны, дети Азии готовы многое воспринять от детей Европы. Но от «истинного, интеллигентного, добавлю, культурного класса Европы», коего «горец заключил бы... в свои объятия и сказал бы громко: «Я поклоняюсь тому, чему поклоняетесь вы. Я буду верен вам, как вы верны свету и правде... В душе горца сидит основательно и верно очерченный облик хорошего человека, – которому он поклоняется... Облик этот вошел в его натуру, или вернее, запечатлелся в нем, сделался его богом. И вот лишь из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения».

Как видим, князь Крымшамхалов ведет речь об «истинном украшении» не европейской, а единой *евразийской* цивилизации. Просто ему незнаком был сам термин «евразийство», появившийся несколько позже. В этом отношении Ислама мы вправе считать *предтечей евразийства в Карачае*.

Современник Ислама, другой князь – Н.С.Трубецкой пишет: «Много говорили о том, что историческая миссия России состоит в объединении наших «братьев» славян. При этом обычно забывали, что нашими «братьями» (если не по языку и по вере, то по крови, характеру и культуре) являются не только славяне, но и туранцы». В числе таких «братьев» русского народа из числа «туранских» народов князь Трубецкой прямо упоминает и соплеменников Крымшамхалова – *«балкарцы (карачаевцы, урусбиевцы и проч.)»*²⁴⁵.

Князь Трубецкой, считающийся основателем евразийства, и князь Крымшамхалов были схожи в устремлениях к единению культур не на базе поглощения одной культуры другой, а на основе их взаимообогащения.

Вина интеллигенции. В том, что горцы зачастую отторгают европейскую культуру, как пишет Ислам, *«во многом виновны наши братья, получившие европейское образование»*. При этом правоверный князь оговаривается: *«но сохрани меня Аллах от упреков и раздражения»*.

Он указывает, что «самое главное и трудноустраняемое препятствие», кои лежат «на пути просвещения горцев-мусульман» заключены в оторванности «образованных горцев» от своих национальных и духовных корней. Как считал автор «Письма...», эта вина проистекает из непонимания такими «образованцами» своих истоков, пренебрежения достижениями культуры – особенно духовной – собственного народа:

*«...высшее признание наших образованных братьев должно заключаться прежде всего в понимании **былого хорошего у нас**, в оценке и любви к нему»*.

Для понимания личностных особенностей автора здесь главное вот в чем: он не учит интеллигенцию «со стороны», ставясь в позу некоего горского мудреца, возлагая ответственность на «неразумных». Наоборот, когда он пишет «мы, образованные горцы», он относит *и себя* к той самой по-европейски просвещенной элите горцев, которую упрекает за оторванность от корней. Это – не только гражданская позиция, но и смелость его как мыслителя и публичного общественного лидера.

Мнимый «протобольшевик». Первое упоминание об этом эпизоде относится к 1963-му году и прозвучало в воспоминаниях вдовы Басханука Крымшамхалова – Ляли Мисостовны:

«Не помню, в каком году, в Екатеринодаре (ныне Краснодаре) состоялся съезд горских народов. Ислам был послан на этот съезд представителем от карачаевцев. Когда стали говорить о равенстве, свободе и братстве, то Ислам заявил, что это такая свобода, какая существует у негров в Америке, и демонстративно ушел со съезда»²⁸⁶.

Видимо, доверие к этому источнику побудило автора художественно-документального романа «Озарение души» (1985 г.) включить этот эпизод в свое повествование²⁸⁷. Ну да ладно, это роман, где писатель имеет право на творческий вымысел.

Но другое дело – научная публицистика: здесь авторы лишены права на произвол в фактах, сомнительные источники

должны проверяться. В 1968 г. непроверенная версия (назовем это так) вдовы Басханука воспроизводится в одной газетной публикации (1968 г.), правда, «под соусом» советско-большевистской лексики:

«...царские власти с шумом и помпезностью организовали так называемый «съезд горских народов». Крымшамхалов оказался на нем как представитель карачаевцев. И вот, когда на трибуне начались демагогические разглагольствования о том, что народы Кавказа якобы живут в условиях свободы, равенства и братства – это времена колониализма! – то Ислам Пашаевич гневно заявил, что «это та самая свобода, которая существует у негров в Америке» и демонстративно покинул съезд»²⁸⁸.

Будем снисходительны к публицистам тех лет, они тоже доверяли обнародованным источникам. И очень доверяли. Но сейчас, после того, как в прах рассыпались тиски цензуры и партийных установок, мы просто обязаны проверять и перепроверять сомнительные сведения, пусть и обнародованные.

А версия Ляли Мисостовны сомнительна по нескольким моментам.

Начнем с того, что в известной нам историографии того времени пока не удалось обнаружить каких-либо других данных о съезде горских народов в царское время. В романе «Озарение души» (его автор общалась с родичами Ислама и могла получить сведения от них) сообщается, что съезд проходил *в 1905 году, в дни Первой русской революции*, и на нем обсуждались проблемы образования, землеустройства и т.п.²⁸⁹

Здесь возникают два «но».

Во-первых, имеются данные, что Ислам в 1905 г. находился в Москве, где – а это тоже сомнительно – «в студенческой аудитории... гневно выступал против политики царского самодержавия в отношении к народам Кавказа»²⁹⁰.

Во-вторых, во время Первой русской революции на территории Кубани (в том числе и в Екатеринодаре) было введено военное положение²⁹¹, которое по определению исключает проведение каких-либо демократических форумов типа «съезда народов». Тем более – с антиправительственными выпадами, которые приписываются Исламу.

Но возможность таких выпадов против царского режима сомнительна даже, если этот съезд проходил не во время Первой русской революции. Сомнительная по многим причинам.

Первая: И.Х. Крымшамхалов — отставной *царский* офицер, принимавший присягу на верность *царскому* политическому строю. Приписывание ему выпада, тем более «гневного», против царского режима равноценно объявлению его *клятвопреступником*. Таковым он не был.

Вторая: могли один и тот же человек «гневно» осуждать царизм и в то же время ставить подпись под верноподданными — а один из таких документов мы приводим — обращения с серьезными деловыми предложениями к генералам, графам и прочим «сиятельствам»? Если утверждать, что мог, то это равно признанию его *лицемером*. Таковым он тоже не был.

Третья: в США рабство отменено еще в 1860-х гг., а негры давно получили — пусть в некоторых южных штатах и формально — конституционные права. Россияне просто должны были завидовать американских неграм: в России не имел конституционных прав, даже формальных, не имел никто — за отсутствием самой конституции. Если утверждать, что Ислам приводил пример попрания прав россиян, указывая на граждан демократической — пусть еще и не совершенной — большой страны Америки, то это означает признать Ислама человеком, абсолютно безграмотным в современной ему истории, признать его *большим неучем*. Он не был и таковым.

Четвертая: автор неплохо знаком с историей рода Крымшамхаловых, данные о котором мы собираем еще со времен СССР (нам давали сведения и старейшие — увы, ныне уже ушедшие из жизни — представители этой фамилии, ближайшие родичи царских офицеров). Так вот, *ни от одного* из них нам не пришлось слышать об Исламе-бунтаре, Исламе-борце с царизмом и т.п.

В такие условия сведения об «Исламе-мятежнике», приведенные Л.М.Абаевой, мы просто обязаны отвергнуть. Что мы без сожаления и делаем.

Но, с другой стороны, важно понять мотивы публикации таких сведений. Почему Ляля Мисостовна могла пойти на этот шаг? Опять-таки, на то имелись веские причин.

Первая: «сведения» публикуются в 1963 году – при коммунистическом режиме, при всевластии КПСС и КГБ, где сама семья Ляли Мисостовны считалась «неблагонадежной»: она была из рода балкарских князей, ее муж – князей карачаевских.

Вторая: семья Ляли Мисостовны уже настрадалась от безбожного режима вдоволь. Ее муж, Басханук был расстрелян в Теберде еще в 1922 году. Родной сын, талантливый художник Хамзат за несколько лет до публикации ее воспоминаний был изгнан из Карачая местной партноменклатурой²⁹².

В таких условиях сообщени Ляли Мисостовны могло преследовать важнейшую для нее цель: *через фигуру едва ли не самого выдающегося из Крымшамхаловых реабилитировать весь этот род – и свою семью в том числе – и предотвратить новые «наезды» режима.*

Да, «сведения» недостоверны, да факты искажены во имя этой благородной цели – но ведь грядущие поколения могли расставить все по местам, понять и объяснить. Хотелось бы думать, что эти строки хотя бы отчасти оправдают надежды Л.М.Абаевой.

Конечно, наш герой не был приверженцем каких-то революционных идейных течений. Он оставался сторонником *законных реформ* либерального характера, расширения демократических свобод. В этом он и был последователем своего учителя Ярошенко. Но не только его.

Толстовец. Мы точно знаем, что князь был поборником той категории идей, которые исповедовал Лев Толстой. Не случайно в некрологе И.Крымшамхалова, сразу же за упоминанием об его философских изысканиях, особо отмечается: просветитель «был поклонником Л.Н.Толстого»²⁹³.

Что влекло его к идеям русского писателя-мыслителя?

Чем они его заворожили?

Следует, видимо, исходить из того, что мысль о ненасильственном переустройстве мира проистекала из глубинных позывов его натуры. Основную роль в таком переустройстве он видел в просвещении, в том числе и нравственном. Духовное родство здесь налицо.

Кто дал толчок к постижению творчество титана русской литературы?

Не исключено, что это был учитель Ислама — Н.А.Ярошенко. Сейчас известно, что Лев Николаевич не только восторгался работами Ярошенко²⁹⁴, но и бывал у него в гостях. В этой связи можно упомянуть один забавный эпизод:

«Однажды подходит к парадной двери (дома Ярошенко, - Р.Х.) старик в полушубке и валенках и хочет пройти вовнутрь.

- Ты куда прешь? — сердито остановил его швейцар.

- К Ярошенко Николаю Александровичу.

Швейцар недоверчиво поглядео на валенки.

- Ну и ступай через ворота и заднее крыльцо. Деревенщина!

«Деревенщина» усмехнулся и покорно пошел в ворота и через заднее крыльцо. А это был... Лев Николаевич Толстой. Он и Ярошенко долго смеялись над «усердием» швейцара»²⁹⁵.

Огромное личное воздействие писателя-мыслителя на окружающих общеизвестно, и вряд ли художник избежал его. В феномене генерала-демократа, воплощенного в фигуре Н.А.Ярошенко, мы видим яркие отблески толстовского света.

Этот отраженный свет, конечно, озарял и находящихся рядом с Ярошенко людей. В том числе — и Ислама. Уместно напомнить, что Николай Александрович написал портрет Толстого в кисловодский период своей жизни, в 1894 г.²⁹⁶, т.е. тогда, когда Крымшамхалов учился у Ярошенко.

И.Крымшамхалову гений мировой литературы был дорог и тем, что знал карачаевцев еще до рождения горского князя и высоко отзывался о его народе. Слова Л.Н.Толстого о карачаевцах, как о «нейтральном народе», живущем у Эльбруса и «отличающемся верностью и красотой» сейчас широко известны в наших краях. Высказывание, очевидно, имело основу в личных впечатлениях писателя-мыслителя. Как известно и то, что Лев Николаевич с мая 1851-го по январь 1854 гг. жил на Кавказе, в Пятигорске, лечился на Кавминводах²⁹⁷. А в тех местностях карачаевцы проживали издревле (на Пятигорье «карачаевских черкас» упоминает в 1643 г. русский воевода М.В.Волынский)²⁹⁸. В 1850-е гг. — когда Лев Николаевич был в районе Камвинвод — к югу от Кисловодска, рр.Хасауту, Мушту, Кичмалке, Лахрани, располагались карачаевские селенья и хутора по (составлявшие т.н. «Терский Карачай»)²⁹⁹.

По печальной иронии судьбы, великий русский граф и его поклонник, карачаевский князь ушли из жизни в один и тот же год.

Краевед

Замечательный русский геолог *профессор И.В.Мушкетов* начал исследования района Эльбруса им были начаты еще тогда, когда Ислам проходил службу в Петербурге. В 1881 году Иван Васильевич изучал эльбрусские ледники (в особенности Большой Азау) и минеральные воды Пятигорья. Следующая кавказская поездка геолога относится к 1884 г.; он опубликовал свои «Геологические заметки о Кавказских Минеральных Водах»³⁰⁰.

Собственно Карачаем ученый начал глубоко интересоваться чуть позже, когда – и выше об этом говорилось – после геологических исследований А.Д.Кондратьева профессор Мушкетов выступил в Русском минералогическом обществе со специальным докладом о месторождения серебряно-свинцовых руд в Карачае³⁰¹.

Непосредственное же знакомство ученого с нашим с краем произошло в 1895 году, когда была проведена геологическая экспедиция, в которой Ислам «принимал активное участие»³⁰². Она была вызвана чисто практическими задачами. Необходимо было дать научное обоснование проекту транспортного «прорыва к морю» по карачаевской территории через Главный Кавказский хребет.

Дерзкий проект принадлежал «Обществу Ростовско-Владикавказской железной дороги», задумавшего пробросить стальную магистраль по линии Баталпашинская – Сухуми вдоль рр.Кубани и Теберды. На участке между р.Аманаузом (северный, домбайский склон хребта) и долиной Чхалты (южный склон) планировалась прокладка 9-километрового тоннеля³⁰³.

Участники экспедиции вначале собрались в станице Баталпашинской, где, судя по всему, присутствовал и Ислам. В число участников экспедиции, помимо Мушкетова, входили полковник Генерального штаба Хельмицкий и горный инженер Алексеев (из рудника «Эльбрус»); к ней же «были прикомандированы карачаевцы»: лесничий И.Х.Крым-Шамхалов и проводники» Солтан Байчоров и Нану Семенов³⁰⁴. (Добавим, что С.Байчоров и

другой представитель рода Семеновых, Ахия, выступали проводниками во время экспедиций по изучению ледников Карачая, которые в 1896, 1897 и 1899 гг. проводил сподвижник Мушкетов – Н.Н.Буш)³⁰⁵.

Поначалу решили, что князь Ислам направится в Теберду, а Мушкетов с Алексеевым заедут на рудник «Эльбрус». Здесь профессор «осмотрел почти все жилы Кубано-Худесской (серебряно-свинцовой рудной, - Р.Х.) группы», о которых когда-то делал доклад в Русском минералогическом обществе, «а также залежи бурого угля у реки Индыш»³⁰⁶. (Отметим, что до него это месторождение осматривал другой профессор-геолог, А.А.Иностранцев из Петербургского университета³⁰⁷).

После этого исследователи отправились в Теберду, где их ждал князь Ислам. Оставив здесь свои экипажи они вместе с Крымшамхаловым двинулись вверх по ущелью; далее, как пишет сам профессор, «по Аманаусу, Алибек-Ульгену и Домбай-Ульгену до ледника включительно, где мы преимущественно сосредоточили наши исследования»³⁰⁸.

Домбай восхитил Мушкетова, а особенный восторг вызывала у него вершина Бели-ала-Кая. Это, пишет он, «самая замечательная острая вершина с крутыми недоступными склонами. Она сложена из гнейсов с большими выделениями белого кварца в виде нескольких слоев (в бинокль можно разобрать 4 ясных слоя и 2 прерывистых), опоясывающих вершину, которая от них и получила свое название»³⁰⁹. Здесь – указание на смысл карачаевского названия *Бели-ала-Кая* «Вершина с пестрым поясом».

Профессор выяснил, что до разделения Теберды на два рукава, образуемые рр.Гончахиrom и Аманаузом, тебердинская долина весьма удобна для прокладки железной дороги. Особенно тщательного исследования требовал район массива Аманауза, где намечалось начало тоннеля с северной стороны хребта.

Изучив эту местность, у ледников Домбай-Ульгения профессор разделил экспедицию на три части. Одна (сам Мушкетов, Алексеев, Хельмицкий, Наныу Семенов) прошла к нижнему краю главного ледника, другая (Ислам Крымшамхалов) прошел весь главный ледник до гребня Главного хребта, а третья (Солтан Байчоров)³¹⁰ направился по боковому леднику к гребню перевала Птыш.

После обследования своих участков они экспедиции вновь собрались вместе, перешли в долину р.Гоначхира, оттуда двинулись к Клухорскому перевалу. Экспедиция спустилась на южный склон Главного хребта, в долину р.Клыча, оттуда к р.Чхалты и по р.Кодору – в Сухум³¹¹.

Давая положительное заключение проекту тоннеля, Иван Васильевич считал также перспективным использование старой «турецкой дороги», которой карачаевцы пользовались издавна³¹².

Участие в экспедиции вдохновило князя Ислама на обнаружение своих мыслей относительно использования недр родного края; в 1896 г. он опубликовал статью «Новое богатство Карачая» (ставропольская газета «Северный Кавказ»)³¹³.

Профессор Мушкетов в своих публикациях указывает на то, что успех экспедиции во многом обусловлен помощью карачаевских проводников, которых подбирал князь Ислам. *«Он полезен мне был в организации каравана и подборе проводников, а также своими прекрасными рисунками наиболее типичных, исследованных нами ледников... Не менее чувствую себя обязанным моим прекрасным проводникам Султану Байчорову и Нану Семенову, отличным людям и замечательным ходокам, без которых я не в состоянии был бы совершить некоторые важные экскурсии»*³¹⁴.

Ивану Васильевичу принадлежит заслуга в сохранении большинства из известных графических работ И.Крымшамхалова, которыми профессор иллюстрировал свою книгу «Геологический очерк ледниковой области Теберды и Чхалты на Кавказе» (1896 г.).

Первая альпинистская экспедиция в районе Домбая состоялась при жизни И.Крымшамхалова. Учитывая, что маршрут горноисходителей в 1904 г. проходил мимо усадьбы князя Ислама и то, что она имела большую значимость – ее возглавил сам председатель Русского горного общества Александр К. фон Мекк, а в ее составе были швейцарцы д-р А.Фишер преподаватель гимназии из Базеля и Хр.Июсси из Гриндельвальда – не будет большой смелостью полагать, что И.Крымшамхалов был осведомлен об этой экспедиции.

И, очевидно, оказывал ей содействие. Известно, что в экспедиции 1904 г. проводником был Зекерья Кубеков³¹⁵, житель Теберды, где Крымшамхалов знал практически все взрослое население. По экспедиции Мушкетова мы уже знаем, что проводников в район Домбая подбирал именно князь Ислам – и именно из числа тебердинцев.

Напомним, что в результате экспедиции фон Мекка три домбайских вершины получили наименования (все даты по старому стилю), сохраняющиеся, некоторые с легкими изменениями, по сей день:

- *Семенов-Баши*, в честь знаменитого П.П.Семенова-Тянь-Шанского (тогда – вице-председатель Императорского Русского Географического общества) – 22 июля

- *Сунахет* (верно: *Сулахат*) – 24 июля

- *Джаловчат* (верно: *Джалаучат*) – 26 июля.

Та альпинистская экспедиция по Карачаю закончилась в Учкулане 8 августа, откуда фон Мекк отправился в Кисловодск, а швейцарцы – к Эльбрусу (западную вершину его они покорили 11 августа)³¹⁶

Языковед

Как сообщают составители некролога (со ссылкой на М.К.Абаева), «последние два-три года» жизни, т.е. 1907-1910 гг. Ислам, «работал над изобретением азбуки для Карачаевского языка»³¹⁷.

Прекрасно владея арабской графикой, он, конечно, знал предел ее возможностей. Она отражала в первую очередь фонетику арабского языка, но очень сложно было посредством арабской графики передать диапазон фонетики тюркской, в том числе и карачаево-балкарской фонетики. В ней много таких звуков, которые не находят выражение в арабской графике (например, *ö, ü, ɲ, ɳ, ɟ, ɣ*).

Именно поэтому он считал, что «арабский алфавит трудный и тормозит дело распространения грамотности» на родном языке. Он разработал азбуку, «но умер, не успев издать»³¹⁸.

Мы знаем, что азбука, которую он не успел издать (рукопись утеряна), разрабатывалась на основе латинской графики³¹⁹. Пытливый ум позволил опередить свое время: к латинице карачаев-

цы и многие другие тюркоязычные народы России, даже в независимой Турции перешли много лет спустя после кончины просветителя, уже после большевистской революции.

Ислам, надо сказать, был прозорливее тех, кто предлагал создавать карачаево-балкарскую азбуку на основе *кириллицы*, в числе которых были и просветители – его двоюродный брат Сафар-Алий Урусбиев (1879 г.)³²⁰ и Иммолат Хубиев³²¹.

Преимущество латиницы сейчас очевидно. Во-первых, она наиболее полно способна отразить тюркскую фонетику, поэтому к ней возвращаются Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан и др. А во-вторых, принятие латиницы облегчает вхождение тюркоязычных народов в мировое информационное пространство, которое базируется на латинской письменности (на ней, например, основаны «международные языки» прошлого и настоящего – немецкий, французский, английский).

Выбор латиницы для родного языка, конечно, никоим образом не менял уважения И.Крымшамхалова к арабице, посредством которой лучшие умы Востока создавали своим бессмертные трактаты, посредством которой он сам с детства постигал высшие истины священного Корана. Он оставался мусульманином.

Естествоиспытатель

Значительное внимание он уделял селекции в животноводстве. Не соглашаясь с расхожим мнением, что местные породы крупного рогатого скота не имеют перспектив, он пишет: «Старая порода карачаевского скота, как молочная, так и рабочая, прекрасная, еще более прекрасная тем, что скот местной породы он легок, 16-18 пуд. живого веса, малотребовательный и выносливый».

Ислам лучше многих понимал, что к природно-климатическим условиям Нагорного Карачая наиболее подходит именно национальная порода, которая взращивалась столетиями. Будучи «народным селекционером», князь видел выход из ситуации в преодолении тех качеств, которые посредством разного рода примесей ухудшили изначально высокие свойства породы.

Основной путь к возрождению местной породы он видел, в первую очередь, в улучшении ухода за скотом. Вместо тогдашнего «совершенно открытого база» он указывал на необходи-

мость взведения для зимовки теплых и сухих помещений, вместо 120 пудов «горского питательного сена» на голову скота – 220 пудов. Он отмечал, что молоко коров карачаевской породы – даже при том, что они не имеют «ни теплого помещения, ни достаточного количества сена, никакого зернового корма» – превосходит по жирности (4,79%) молоко привозного племенного скота (4,19%), живущего «при всем полученном комфорте»³²².

Поэтому он четко обозначил цель своих селекционных опытов: «я прежде всего хочу возобновить эту породу, пока она не исчезла совсем»³²³.

Ислам исходил и из того, что необходима популяризация его идей в самом народе. «Для того, чтобы приохотить карачаевцев к разведению молочной породы, - пишет он в те годы, - нужно ознакомить их, что молоко ценный продукт, что сделать я имею в виду»³²⁴.

В цитировавшейся записке в департамент земледелия полковник Кубанского казачьего войска сообщает о том, что князь Крымшамхалов приступил к реальным шагам по претворению в жизнь своих планов по возрождению национальных пород скота – «намеревается приобрести двух производителей для улучшения местного скота»³²⁵.

...Присуждение серебряной медали Петербургской выставки образцам фруктовых культур Карачая, видимо, тогда озадачило многих обывателей имперской столицы. Даже начитанных: они знали, что этот горный край – с достаточно суровым климатом, резкими сезонными перепадами температур, – был неудобен для земледелия и уж совсем мало подходил для садоводства, а ведущей отраслью хозяйства здесь выступало скотоводство.

Но внимательным кавказоведам, конечно, было известно, что на рубеже XIX-XX столетий садоводство Карачая получило признание далеко за его пределами, а культурные яблоки, груши, сливы и вишни, выращенные здесь, даже вывозились на экспорт³²⁶.

Было известно и то, что таким успехам предшествовали долгие десятилетия упорного труда местных садоводов-любителей. Карачаевские старики вспоминали, что опыт разведения фруктовых садов у князей Крымшамхаловых имелся не только в Теберде, но еще в родовом селенье Карт-Джурт³²⁷.

И.М.Шаманов, кажется, первым из наших исследователей отметил, что образцовый сад среди карачаевцев в Теберде был заведен Исламом Крымшамхаловым. Говоря об этом, исследователь напоминает о неразрывной связи развития садоводства в Карачае с интеллигенцией. Образцовые сады были заведены в Учкулане учителем Моисеем Алейниковым, при Хурзукской школе – учителем В.Витковским, в Джегуте – Хызыром Халиловым, Маре – Ильясом Байрамуковым, Карт-Джурте – Иммолатом Хубиевым³²⁸.

Роль просветителей, впрочем, вполне объяснима: садоводство – в отличие от многих других отраслей сельского хозяйства – требует наибольших умственных усилий. Они связаны с многолетними, подлинно научными наблюдениями, обширными знаниями о болезнях растений, тщательным уходом едва ли не за каждым насаждением, трудными опытами по прививке, экспериментами по селекции и т.д. Добиться за несколько десятилетий того, что не делалось веками, можно было только при надежном интеллектуальном обеспечении.

Добавим, что в развитие карачаевского садоводства внесла и близкая к Исламу семья Утяковых, которые создали садовый питомник в местности Мара-Аягы; он получил название *Утяковские сады* (второй рассадник Карачая находился в Сенты)³²⁹.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В последние годы жизни здоровье Ислама было основательно подорвано; судя по всему, возник рецидив туберкулеза легких. Для лечения он несколько раз вынужден был отправляться в Ялту. Сейчас можно, конечно, долго рассуждать о том, почему Ислам поехал в Крым, а не смог вылечить чахотку в Теберде; вспомнить, что Татьяне Кузовлевой именно Теберда с успехом заменила крымские санатории и т.п.

Так было угодно Тому, чьи пути неисповедимы...

В его некрологе говорится, что Теберда помогла излечиться от первой, «московской» чахотки: «под влиянием климата и других условий Теберды поражение легкого зарубцевалось». Главным условием быстротечности его земной жизни современники называют то, что сейчас называют неупорядоченностью, бессис-

темностью образа жизнедеятельности. Как сообщает некролог, его «организм был расслаблен, а натура не давала ему возможность вести спокойную и правильную жизнь, и он преждевременно погиб».

Ислам умер в Ялте *3 декабря 1910 года*³³⁰, где единоверцы похоронили его на местном мусульманском, крымско-татарском кладбище. Три месяца спустя в Крым приехала специальная карачаевская делегация во главе с Ахматом Байрамуковым. Она добилась эксгумации тела просветителя и перевезла его в Теберду, где он и был похоронен³³¹. Судя по этим данным, Ислам обрел покой в родной земле в том же месяце, что и появился на ней.

Сохранилась дореволюционная запись, где отражен день погребения просветителя на родине. Она использовалась в романе «Озарение души» со ссылкой на личный архив племянника просветителя, Хамзата Басхануковича Крымшамхалова³³². Сличение текста в романе выявляет ряд, пусть и малосущественных, несоответствий оригиналу. В художественной литературе это допустимо, а в нашей, т.е. научной – нет. Поэтому мы будем опираться лишь на имеющиеся той записи из архива Карачаевского НИИ, отмечая многоточием утраченные фрагменты оригинала³³³.

Помимо А.М.Байрамукова, в церемонии прощания участвовал и 53-летний Мисост Кучукович Абаев, чувствам которого в те минуты посвящены следующие строки в записи:

«К чему ссоры, вражда, ненависть? Не одно ли нужно и важно в этой ж короткой жизни: доброе отношение друг к другу, общая работа во имя любви, - думал старый Мисост».

Последнее обстоятельство заставляет сомневаться в том, что автором записи является сам Мисост Абаев, как утверждается в одной из публикаций³³⁴ (если, конечно, М.Абаев не написал о себе в третьем лице).

Вопросами задавались и другие участники похорон. Настроения некоторых из них передает все та же запись:

«Нет больше Ислама, навсегда его глаза, такие скорбные в последнее время, каким /.../ умом блестели они недавно!

Не прозвучит его смелое, горячее слово в защиту правды и справедливости на народном сборе. Не звучать его тихой, за-

думчивой речи о вечной правде, о цели жизни, о призвании человека».

Автор записей был, очевидно, даровитым лириком, умело передающим картину того дня:

«Последние новые домики, небольшого поселения остались позади. Теперь только деревья чернеют под снегом, близко подступили великаны-горы под чистым, белоснежным своим покровом.

Было все тихо, мертво, только солнце с далекого синего неба говорит о жизни, заставляет своими лучами радостно искриться снежинки».

Немного словно описание процессии участников прощания с просветителем:

«По дороге медленно движется печальный поезд. Впереди на санях везут тело, за ним верхом едут родные, друзья, односельчане того, кто покончил с этим миром, с его случайными радостями и горем».

Последнее пристанище Ислама определили сравнительно недалеко от входа на территорию общественного кладбища тебердинцев. Это — близ руин некогда славного селенья Джамагат. По печальному совпадению, нашему герою было суждено упокоиться в местах, за век до него принявших останки столь близких ему Урусбиевых.

«Вот и клад/бище/.., вокруг готовой могилы /.../ несколько человек, они /.../ работали здесь. Тихо приближается похоронный поезд, с молитвой опустили тело в могилу, вот и могила засыпана, молитва кончена...»

Земля к земле, прах к праху...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Под. ред. В.К.Гарданова. – Нальчик, 1974.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ГAKЧ - Государственный архив Карачаево-Черкесской республики

ГАСО – Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

СЭПКРНЧ – Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сб. документов. Сост. В.П.Невская, И.М.Шаманов, С.П.Несмачная. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1985.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

И.Х.КРЫМШАМХАЛОВА

Статья «Новое богатство Карачая» // Газ. «Северный Кавказ». – Ставрополь, 1896. – №26

Статья «Из Карачая» //Газ. «Кубанские областные ведомости». – Екатеринодар, 1903. – 8 мая, №100

«Письмо в Редакцию» // Жур. «Мусульманин». – Париж, 1910. - №2

Рассказ «Карачаевское горе» //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1910. - №11-12

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Публикации с упоминанием И.Х.Крымшамхалова

Дореволюционная библиография

Мушкетов И.В. Геологический очерк ледниковой области Теберды и Чхалты. – СПб, 1896.

Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. – №6-7

Монографические работы и диссертации

Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев. – Нальчик: «Эльбрус», 1980.

Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993.

Карачаевцы. Историко - этнографический очерк. – Черкесск, 1978

Лайпанова З.К. Общественно-политическая мысль Карачая и Черкесии второй половины XIX – начала XX веков. *Диссертация...* кандидата исторических наук. Науч. рук. д.и.н. М.З.Саблиров. *Рукопись* – Черкесск, 2004.

Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967

Невская В.П. Карачай в XIX веке. Под общей ред. И.М.Шаманова //Жур. «Ас-Алан». – М., 2002. - №1(6).

Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963

Тебуев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. – 1917 г.). – Черкесск, 1975.

Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: «Илекса». – Ставрополь: «Ставропольсервис-школа», 2002.

Художественные произведения

Хабичева-Боташева З.Б. Озарение души. *Художественно-документальный роман*. – Черкесск, 1985

Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. В 5-ти томах. – М., 1960. – т.2

Статьи в научных сборниках и журналах

Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. - №4

Тебуев Р.С. Первые сыроваренные заводы Карачаево-Черкесии //Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1971. – С.104

Шаманов И.М. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев //Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1971.

Газетные публикации

Боташланы З. Адамлыкъны ёкюлю //Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1982. – 14 февраля.

Выдающийся просветитель // «Южный регион». Спецвыпуск еженедельника Северо-Кавказского военного округа «Военный вестник Юга России». – Ростов-на-Дону, 1998. - август

Лайпанланы К., Лайпанланы С. Ислам Тебердичи // Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1964. – 19 января

Нюрамагометланы Къазий-Магомет. Бухарачы Абдуллах шыйых //Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1990. – 11 августа

Орусланы Аминат. Халкъны сыйлы уланы //Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1990. – 25 июля, №84(8154)

Петренко А. Первый живописец Карачая //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968

Польская Е. Н.А.Ярошенко в Кисловодске //Газ. «Ставропольская правда». – Ставрополь, 1962. - №8

Польская Е. Поэт, художник, просветитель //Газ. «Молодой ленинец». – Ставрополь, 1964. - №11

Польская Е. Уллу алим Къарачайда (И.В.Мушкетов туугъанлы 115 джыл) //Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1965. – 22 января

Польская Е. Мушкетов в Карачаево-Черкесии //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1966. – 7 октября

Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1967. – 7 февраля, №27

Польская Е. Теберде – 95 лет //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968. – 9 августа

Польская Е. Они были друзьями. К 120-летию со дня рождения Косты Хетагурова //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1979. – 9 октября.

Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря

Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 8 апреля, №15(415)

Хабичев М.А. Певец родных гор //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1989. – 20 декабря, №244

Хатуев Р.Т. Князь-просветитель. К 140-летию Ислама Хасановича Крымшамхалова //Газ. «МК-Кавказ». – Ставрополь, 2004. – 14-21 апреля.

2. Литературные сборники с произведениями И.Х.Крымшамхалова

Къарачай поэзияны антологиясы. Сост. М.О.Акбаев, Х.Б.Байрамукова, Н.М.Кагиева. – Ставрополь, 1965.

Антология литературы народов Северного Кавказа. Гл. ред. и сост. А.М.Казиева, отв.ред. Л.В.Витковская. – Пятигорск, 2003.

3. Вспомогательный библиографический материал

Анисимов С. Картины Кавказа. – М., 1915.

Батчаев Ш.М. Участие карачаевцев в войнах Российской империи второй половины XIX-начала XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пятигорск, 2003. (Рукопись)

Батчаев М.Ш. Князя Крымшамхаловы (клан Бийнѣгерлери) в русской армии //Вестник КЧМЗ. – Черкесск, 2004. – Вып.1

Белоконский И.П. Будущий курорт на Северном Кавказе //Русские ведомости. 1910. №41

Борчевский С.И. Описание минералогической коллекции, собранной в верховьях Кубани в 1898 году// Известия ИОЛИКО, 1900. вып.2. С.254

Бурксер В. В стране карачаевцев// Записки Кавказского горного клуба. 1915. вып.3-4

Буш Н.Н. Ледники Западного Кавказа //Записки Императорского Русского Географического общества. – СПб, 1905. – т.XXXII, №4

Виноградов Б. Здесь в горах Кавказа (к 150-летию Л.Н.Толстого) //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1978. – 6 сентября

Гречишкин Г.М. Теберда, как горноклиматическая лечебная станция. 1912. С. 112

Григорьев А. Х., Штакман А. А.. Минеральные источники верховьев реки Кубани. //Военно-медицинский журнал. 1901. № 7. С. 2142-2150

- Грове. Холодный Кавказ. – СПб, 1879.
- Дьячков-Тарасов А.Н. Клухорский перевал //Естествознание и география. – М., 1901. – т.5, С.56-57
- Доюнланы А.М. Хачирланы Джагъафар афенди – Къарачай-ны къадысы. – Черкесск, 2004. – С.249 (приложения)
- Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая //СМОМПК. – Тифлис, 1900. – вып.28
- Жур. «Кавказские курорты», 1915. - №2
- Жур. «Кавказские курорты», 1915. - №4
- Иваненков Н. Карачаевцы //Известия ОЛИКО. – Екатеринодар, 1912. – Вып.5
- Исмаил-Заде Д.И. *Воронцов-Дашков Иван Илларионович* //Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. – М: «Большая Российская Энциклопедия», 1994. – Том 1, С.460
- Карачаевцы. Историко - этнографический очерк. – Черкесск, 1978
- Климатическая станция в ущелье Теберды// «Казбек», 1896, №52
- Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1910. – т.15
- Курорты Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 1911.
- Къойчуланы Аскербий. Биринчилени биринчиси //Газ. «Къарачай». – Черкесск, 2002. – 25 ноября, №91(9535)
- Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. – Черкесск, 1957. – С.С.29
- Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Сост. Р.К.Кармов, М.И.Айдаболова. – Нальчик, 2002
- Малкондуев Х.Х. К вопросу о самоназвании карачаевцев и балкарцев// Карачаевцы и балкарцы. Язык, этнография, археология, фольклор. –М., 2001.
- Малкондуев Х.Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик:«Эльбрус», 2001.
- М-в С. Теберда //Газ. «Кубанские областные ведомости». – Екатеринодар, 1908. - №156
- Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе. – Ставрополь, 2000.
- Микулевский И.К. О путях сообщения к лечебным местам Баталпашинского отдела Кубанской области. Доклад 15 ноября 1915 г. //Бюллетень ОЛИКО. – Екатеринодар, 1916. - №3, С.4-5

Невская В. П. , Байрамуков И. Х. , Шаманов И. М. Первый учитель Карачая //Газ. Ленинское знамя». – Черкесск, 1979. – 28.08.

Миллер Б.Вс. Из обычного права карачаевцев
//Этнографическое обозрение. – М., 1902. - №1

Польская Е. Книга об исторических памятниках Ставрополья //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1960. – 16 ноября

Тебердинское ущелье // Газ. Кавказ». – Тифлис, 1859. - №18

Трубецкой Н.С. О русском самопознании //Жур. «Декоративное искусство». – М., 1990. - №2, С.29-31

Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай //Известия КОИРГО. – Тифлис, 1915. – Т.ХХIII, №3

Хатуулань Р.Т., Шаманлань И.М. Байрамукълань Ахмат //Газ. «Джамагъат». – Черкесск, 2002. - №10(15)

Хатуулань Р.Т., Шаманлань И.М. Гюрджюлань Къурман //Газ. «Джамагъат». – Черкесск, 2002. – 12 ноября, №22

Шаманов И.М., Мусукаев А.И. К этнической истории карачаевского селения Джамагат //История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. (проблемы социально-экономического развития). Ответ.ред. В.П.Невская. – Ставрополь, 1980

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
И.Х.КРЫМШАМХАЛОВА

а) ПОЭЗИЯ

БЁРЮ БЛА КИШТИК
Аманлыкъны къоймагъан,
Ашаб ашдан тоймагъан.
Чегетледе, табхырда.
Кёлекгеде, салкъында
Къуйрукъ учун къайырыб,
Бёрю деген джашаед,
Мал эслесе джайылыб,
Тута эд да ашаед.
Урлагъандан талмаед
Улакъ-тумаъ айырмай,
Бир кечени къалмаед
Сыртха, къолгъа джайылмай.
Итле алыб, туайлаб;
Мараучула чабдыла,
Мыллыклагъа сойланыб,
Уручуну табдыла.

Къуйругъундан, къойнундан,
Къулагъындан, бойнундан
Джабышдыла, къабдыла,
Ёрге-энишге тартдыла,
Хахай этиб сермешиб,
Джагъалашыб, ёрелешиб,
Арты, аллы джукъунду,
Кючден-бутдан къутулду.
Къаты туруб талагъы,
Хыр-хыр этиб тамагъы,
Аузу, тили ачылыб,
Силегейи чачылыб,
Эрни-бурну къан болуб,
Тёрт санына тер уруб,

Бёрю келди тийреге —
 Бугьунургъа юйлеге.
 Арбазлагъа кирирге
 Адамладан къоркъаед,
 Тынчырагъын билирге —
 Ёрге-энишге джортаед,
 Юй артында ойланыб,
 Кёкге къараб эснеди,
 Кюнтурушда сойланыб,
 Бир кишдикни эсledi,
 Кёзлеринден тёнгерев
 Джыламукъла ташлады,
 Къуйругъундан чёгелеб
 Былай айтыб башлады:
 - Кишдик, джаным, акъыллы!
 Меннге шокла атылды.
 Мени сюрюб джетелле —
 Саудан тулукъ этелле,
 Арбазлада, юйледе,
 Сен джашагъан тийреде—
 Намысына уяллыкъ —
 Кимди къонакъ къояллыкъ?
 Кишдик турду кёрюрге.
 Джол кёргюздю бёрюге:
 - Салам айт да кир юйге —
 Кийик улу Алийге.
 - Алийгеми?
 Арбазында парийге
 Туайлатыб тутдурур,
 Хатерими кёрмейин,
 Мени саулай джутдурур:
 Кёб болмайын джууукъда,
 Джаум кече сууукъда,
 Бау ичине кирмейин,
 Арбазында джатханем,
 Къарангыда билмейин
 Таначыгъын къабханем.
 - Шахым улу Чомакъгъа —

Барсанг алыр къонакъгъа,
 - Ортабызда тил джюрюб,
 Хатам джокъду мен билиб,
 Ол айтыудан джети мал
 Аны меннге дерти бар.
 - Бусагъатдан мычымай
 Башынг къалды айыбха,
 Сен салыб бар джунчумай —
 Батчаланы Найыбха.
 - Найыб мени джаулайды,
 Бир текечик даулайды.
 - Джорт алесе алайгъа —
 Лайпанланы Шамайгъа.
 - Шамайгъамы?
 - Шамайгъа.
 - Тас болгъанды бек эртде
 Бир бугъачыгъы джеркде,
 Ким этгенин билмейди.
 Мени аны ючюн скоймейди!..
 - Аманлыкъгъа юрениб,
 Къарнынг джерге скойрелиб,
 Сагъыш этсем, къорарыкъ,
 Хаталадан тёбесе,
 Сени юйюне къоярыкъ —
 Киши джокъду, кёресе.
 Кесинг сюрген сабанлыкъ —
 Сеннге азыкъ-аш болду,
 Кесинг этген аманлыкъ —
 Таякъ болду, таш болду!..
 Кишдик сёзюн бошаргъа
 Итле бла уучула
 Хырылдашыб джетдиле,
 Ура кириб бёрюню
 Саудан тулукъ этдиле.

(Печатается по: Къарачай поэзияны антологиясы. Сост.

М.О.Акбаев, Х.Б.Байрамукова, Н.М.Кагиева. – Ставрополь,
 1965.)

АЛЬБОМДАН

Фатя, тыйыншлы бол, ишли бол,
 Тырнакълы бол, тишли бол,
 Турма кибик кючлю бол,
 Къайын анангы бишир, кюйдюр,
 Баш иенге бек суюдюр,
 Сакъалындан кёб тутма,
 Хам деб ичинге джутма.

(Печатается по: Къарачай поэзияны антологиясы. Сост.
 М.О.Акбаев, Х.Б.Байрамукова, Н.М.Кагиева. — Ставрополь,
 1965.)

ПИЛ БЛА АСЛАН

Аслан дуния джаныуарланы бийлей эди,
 Башына бек уллулукъну излей эди,
 Токъмакъ къолу бла не суюсе да буюра,
 Джаныуарланы аллын ары бура.

Пил асланны бек сую эди,
 Джанындан да анга юлюш эте эди,
 Аузунда да андан сора сёз болмай,
 Хар заманда аны махтаб тура эди.

Сёз башлары не болгъаны билмедиле,
 Бир сагъатда бир сейир зат эследиле —
 Аслан пилге нек эсе да мынгайыб,
 Пил да асланнга бурнун къайырыб.

Аслан, туруб, ары-бери атлады,
 Джаныуарланы кёзюн бир таб алдады —
 Пилни аллында бир таб сойланды,
 Таб санларын бир-бирине джыйырды.

Такъыйкъагъа шайтан кибик чартлады,
 Джети кёкню арасында тохтады,
 Андан джерге илячин кибик энди,

Пилни кенг сыртына илинди.

Ыргъай тырнакъларын терисинден ётдюрдю,
Ёшюнюнден къан ырхыла тёкдюрдю.
Къараб тургъан джаныуарла чабдыла,
Ол джазыкъны тартыб тюбден алдыла,

Анга чабыб джан-джанындан джетдиле,
Джараларын джашаб, ариу этдиле...

ЭКИ ШОХ

Эки шох бар элле,
Кишиу бла аппа элле.
Экиси да табчандан
Турмай, бирге джатханла.
Анна джукълайд хурулдаб,
Кишиучугъ а – мурулдаб.
Анна турса уяныб,
Кишиучугъ а къууаныб,
Белчигин ёрге кёлтюреди,
Кёзчюклерин аппагъа джетдиреди
Аппа да, аны эслеб,
Къалмасын деб ёпкелеб:
– Кишиу, кишиу, хариб,
Нек турмайса джатыб?
Болурса дейме ач,
Хайдачы, алай эсе, къач.
Туруб азыкъ берейим,
Андан сора кёрейим
Секириб ойнагъанынгы,
Джеримде мени къоймагъаиынгы.
Исхакъчыкъ бираз ёсгенлей,
Бешикден манга кёчгенлей,
Экигиз нёгер болурсуз.
Мен а биягъы табчандан
Сизге къууаныб къарарма,
Акъ сакъалымы тарарма.

Мусосну пудлукъ батманы
 Костаны къарнына джетмеди,
 Иесине тигим эт дегенимде,
 Тегейли айтханымы этмеди...

Солтан сапран чабакъланы сайлайды,
 Сосран нарат чайырын чайнайды,
 Николай чырпылада къоянланы марайды,
 Ахматны къазаны сау кюнню къайнайды,
 Кюнде кюнюбюз былайды,
 Шаланы айтханы болмайды,
 Биз умут этгенча болмайды,
 Аппа самаркъауун /къоймайды.

Ёзендеги озгъун джел
 Къарны сюрюб элтеди,
 Чаба барыб абынса,
 Джолда къоюб кетеди.

*(Печатается по: Карачаево-балкарские деятели культуры
 конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм.
 Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1996. – т.2)*

ПЕРЕВОДЫ

Подстрочные переводы **ВОЛК И КОТ**

Не оставляющий проделки,
 Не может насытиться,
 В лесах и на полянах,
 В тени и прохладе,
 Задравши хвост,
 Обитал волк.
 Если заметит скотину, –
 Ловил и съедал,
 Не надоело ему красть,
 Не щадил ни слабых, ни малых,

Не проходило ночи,
Чтобы не отправился по горам и долинам.
Взяв собак,
Охотники устроили погоню,
Нашли вора,
Приникшего к тушам (животных).
За хвост, за горло,
За ухо, за загривок
Схватили, укусили,
Вверх-вниз потянули,
Подняв крик и борясь,
Схватившись намертво,
Разодрали ему шкуру,
И еле-еле он спасся.
Часто-часто он дышал,
Захрипело его горло,
Морда его искромсана.
Слюною он покрыт,
Окровавлены нос и рот,
Тело его покрылось потом.
Пришел волк в аул (тийре - квартал),
Чтобы спрятаться в домах.
Зайти во дворы
Боялся людей.
Метался взад-вперед
В поисках выхода.
Забежал за один дом,
Посмотрел на небо и зевнул,
Растянувшегося на солнце
Увидел одного кота.
Слезы скатились
Из глаз (вытекая),
Присев (на корточки),
Начал так говорить:
- Кот, моя душа, умница,
В меня стреляли,
Сейчас меня догонят,
Из меня живого сделают тулукъ.

Среди дворов и домов,
 Где ты ходил, в округе
 Есть ли кто-нибудь,
 Кто постеснялся бы
 Отказаться от гостя?
 Кот привстал и осмотрелся,
 И показал волку дорогу:
 - Поприветствуй и заходи в дом
 К Али, сыну Кийика.
 - К Али?
 - Да, к Алий.
 - Дворовую собаку он спустит на меня.
 Не станет он со мной церемониться
 И отдаст меня живьем на съеденье.
 Как-то совсем недавно
 В один дождливый вечер,
 Не заходя (к нему) в сарай,
 Я лег во дворе,
 И в темноте случайно
 Съел его бычка.
 - Если сходишь к сыну Шахыма Чомаку,
 Примет тебя гостем.
 - Хоть и насплетничали ему обо мне,
 Нет у меня вины, насколько я знаю.
 Но, по его словам, за семь голов
 Он имеет ко мне месть.
 - Сейчас же, не мешкая,
 Иди, не смущаясь,
 К Батчаеву Наibu.
 - Наиб меня врагом считает,
 На одного козлика счет предъявляет.
 - Тогда беги туда - К Лайпанову Шамаю.
 - К Шамаю?
 - К Шамаю.
 - Давно у него потерялся
 В зарослях орешника бычок,
 - Он не знает, кто это сделал,
 И меня поэтому не любит.

- Ты привык к злодейству,
 Живот волочится твой по земле,
 Как подумаю - чтоб тебя не стало! -
 Ты — гора недостатков.
 Желающих в дом тебя пустить
 Никого нет, как видишь.
 Пашня, которую ты взбороздил,
 Стала тебе пищей.
 Зло, содеянное тобой,
 Стало тебе дубиной, стало камнем!
 Когда кот закончил свою речь,
 Собаки и охотники,
 Тяжело дыша, настигли.
 Избив, волка
 Живьем превратили в тулукъ.

(Подстрочный перевод Т.Ш.Биттировой. Перевод печатается по: Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX — начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. — Нальчик: «Эльбрус», 1993. — т.1)

ИЗ АЛЬБОМА

(подстрочный перевод Т.Ш.Биттировой).

Фатя, будь достойной, работающей,
 Будь цепкой, зубастой,
 Будь твердой, как репка.
 Свекровь свою свари, обожги,
 Пусть муж тебя сильно любит,
 Не таскай его за бороду,
 Не ешь его поездом.

(Подстрочный перевод Т.Ш.Биттировой. Перевод печатается по: Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX — начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. — Нальчик: «Эльбрус», 1993. — т.1)

Литературные переводы

* * *

Оживляя холодные камни,
 Всё под солнцем приемлет мой глаз.
 Окружающий мир я руками
 Заношу на холсты без прикрас.
 Лучезарные краски поют —
 Они радуют душу мою.

* * *

Шаловливый ветер гонит
 По ущелью снег,
 Покрывает скалы, горы
 Беглый белый след.

СОН

Преградили мой путь у теснины
 Существа неизвестные мне.
 И тут странники строго спросили:
 — Что тебе делать в той стороне?
 Я спешу домой в Аман-Ауз.
 Мне б вскочить на коня — нет коня,
 Переплыть ли Кубань — я боюсь,
 На прицел бы их взять — нет ружья.
 Подошли ко мне двое — забрали,
 С тех пор я покоя не знаю.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Море катит воды с ревом,
 Что-то дыбится на дне.
 Взгляд обиды хмурит брови
 И как будто шепчет мне:

- О, не покидай ты, горец,
 Берег мой, услышь мой глас,
 Не бросай меня ты в горе
 В этот беспокойный час.

- О, дружище ты морское,

У нас тоже вод не счесть;
Блещут реки зыбь-волною
И озера у нас есть.

Русла их и водоемы
В берегах гранитных скал,
А вода чиста струею,
Словно жемчуг и кристалл.

Море грудью бьет утесы,
Рассекает их волной,
Словно травы режут косы.
Сенокосною порой.

И оно не хочет слышать,
Как охвачен я огнем,
Как тоскую я по крыше,
Под которой отчий дом.

И оно не хочет, спорит,
Не поймет меня никак:
Я хочу вернуться в горы,
Где горит родной очаг.

Но они не горделивы,
Думы гордые храня,
Не шумят, как ты, строптиво
И не сводят зря с ума.

Знаю их гораздо лучше,
Чем тебя, прости меня,
Я по ним тоскую, друг мой,
Отпусти, прошу тебя.

Ты пойми меня, о море,
Постарайся ты понять,
Мне знакомо слово "горе":
Потерял я рано мать.

Я тебе обязан, верно,
 Словно матери своей:
 Был обласкан я тобою
 На груди волны твоей.

Буду жить я в горном крае,
 Там в тиши уют, покой.
 Море! Я устал, скитаюсь:
 Отпусти меня домой.

Ждут меня родные горы
 Под названьем Карачай.
 Не забыть мне эхо моря,
 Море бурное, прощай!

ЛЕВ И СЛОН

(басня)

Лев считал себя владыкой сильным,
 Повелителем земных зверей,
 И железной лапой властелина
 Он карал по прихоти своей.
 Слон любил его покорно, нежно,
 Слово "лев" ему — шербет и мёд.
 И служил кумиру безмятежно,
 Уважал и славил львиный род.
 Но однажды загорелось пламя —
 Между ними завязался спор:
 Лев разгневался, скрипя зубами,
 Слон взирал на льва, потупив взор.
 И вдруг, шевеля атласной гривой,
 Царь зверей сменил на милость взгляд
 Слон могучий спрятал быстро бивни:
 Старый друг ведь слёг у толстых пят.
 Зверь в тот миг крылатым взвился змеем,
 Словно бес, вознеся в облака,
 А потом упал упругим телом
 На доверчивого простака.
 Когти разодрали шкуру жертвы,

Кровь текла ручьями по груди.
 Наблюдавшие за этим звери
 Бросились, чтобы слона спасти.
 Дружною толпою, обступив слона,
 Дочиста слизали с ран всю кровь сполна.

(Пер. А.А.Суюнчева. Печатается по: Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нёс факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. - №№15-17

6) ПРОЗА

КАРАЧАЕВСКОЕ ГОРЕ

(Кубанские очерки)

Рассказ

Еще одно усилие – и старый Али спустится на долину. Закутанный в бурку и башлык, он с трудом тащит худую лошаденку, которая едва-едва волочит ноги, ежеминутна спотыкаясь. Вот виднеется деревянный мосток и конец горной тропинки. Слышится шум бурливой реки, а за нею широкая ровная дорога, которая начинается сейчас же за поворотом после узкого ущелья. Группа темных пихт кажется черными, и воздух в них свежий. Старик спешит 'выбраться на долину, но изнуренная и тощая лошаденка никак не хочет следовать быстрее, и Алию приходится утащить ее силой. Выбравшись, наконец, из ущелья, он остановился и, перебросив уздечку через голову лошади, отошел в сторону. Некогда лихой скакун – старый конь тяжело вздохнул, точно обрадовавшись минутной остановке.

Хозяин жалел своего верного друга и все время, пока шла горная тропинка, следовал пешком. Али тревожно оглядывался, внимательно осматривая землю. Можно было подумать, что старый карачаевец что-то ищет.

В то время из леса по другой дороге неожиданно подъехал всадник.

- Салам-алийкум, - проговорил он. - Что ты потерял здесь?

- Алийкум-салам, - быстро ответил старик. - Ничего я не потерял, а просто траву ищу. Нечем накормить коня.

- Еге, да ведь сегодня только начался март. Дай пройти, ему, и трава покажется. Напрасно время теряешь. Садись на коня и поедем, мы, кажется, попутчики. - С этими словами, не ожидая ответа, Осман слез с коня и помог старику поместиться в седло.

Вскоре они ехали рядом, причем Али поместился, согласно обычаю, с правой стороны, как старший по годам.

- Вот ты говоришь подождать до конца марта, - начал старик. - Легко сказать. Для людей, у которых денег много, это действительно нетрудно, а человеку, в амбаре у которого охапка сена и скотина еле держится на ногах, март твой кажется бесконечным.

- Плохо, что и говорить. Теперь сено не дешево. Рублей пятнадцать возок, да и того не достанешь. А ведь раньше у тебя, Али, сена было вдоволь и скотина была сыта по горло. Что с тобой стало?! Силы нет, что ли?

- Я действительно не молод, но не в этом дело, Осман. Времена изменились. Ты, вот, вовремя распродал свой скот и умно поступил. Лет шесть тому назад цена стояла, а деньги ведь сена не требуют. Очень жалею теперь, что не последовал твоему примеру. Распродай я свой скот, был бы с деньгами и мало думал бы о сене, а теперь — и денег нет, и скот пропадает без корма. Незаметно исчезает он у всех наших. А ведь у кого, как не карачаевцев, должен быть скот, всем это известно. Ты знаешь, лет шесть-семь тому назад можно было еще у казаков заарендовать зимовник недорого, а теперь — хоть ложись и умирай. Всю землю захватили проклятые тавричане; и откуда только шайтан их принес: видно, за грехи наши. У этих кяфиров денег без конца и края, точно они их сами делают, право. Их овца дает шерсти на три-четыре рубля, а наша — на двадцать копеек. Где нам тягаться с ними. Прежде тавричане держались внизу, на хороших ровных местах, и нам оставалось место в горах на удобных землях, а теперь они полезли и сюда и загнали нас совсем к снегам, — там нам смерть.

- Ты, Осман, говоришь что я стар, - продолжал, воодушевившись, Али, - разленился и сена не сумел заготовить. А где, скажи на милость, достать его? Я готов был старыми руками рвать траву на камнях, но ее и там не было. Кое-как заарендовал я у казаков зимовник под самыми снегами. Ты знаешь это место?

- Далеко ты забрался, Али.

- Нужда все делает. Однако, откуда найдешь столько сена? Пониже, в другом месте, можно было хоть на подножном корме перебиваться, но снег по колено; — где скотине искать траву? Так что сено до зарезу нужно, а его нет и достать неоткуда. Можно ли скотину всю зиму кормить сеном? Этак уйдешь с палкой. Еду теперь поискать воз ков пять сенца. Здесь земля черная, и есть что пощипать коню, да и силы хватает передвигаться на собственных ногах. Боюсь, как бы скотина не слегла, пропадай все тогда.

Да, невеселые дела у тебя, Али. Беда, видно, со скотом возиться.

Эх, - со стоном вырвалось у старика, - одно горе с ним. Не хозяин ты, а хуже батрака. Ходишь, ходишь за ним круглый год без отдыха: не ешь, не пьешь, не спишь, а вырастишь бычка или жеребчика — на базар, и денежки — казаку за землю. Умно ты сделал, Осман, право.. Скот продал, а денежки в карман сложил; хорошо с ними. Но как подумаешь о том, что если мы все, карачаевцы, скот свой распродадим, ведь с голоду или с тоски пропадем. Другого дела не знаем; хлеб посеять негде, да и не растет в горах. Какая наша доля.

Старик умолк, шевеля губами. Молчал и веселый Осман.

Ислам-Бий Крым-Шамхал,

Жур. «Мусульманин». — Париж, 1910. — №11-12, С.253-255

в) ПУБЛИЦИСТИКА

ИЗ КАРАЧАЯ

Гнездо Карачая составляют три больших селения: Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук. От этих 3 селений отделились части и образовали еще 7 сел. Эти селения друг от друга разбросаны на значительное расстояние — в среднем 25-40 верст. Во всех 10 селениях выстроены хорошие мечети, правления, школы и несколько ремесленных мастерских. В последнее время открыты у нас 3 общественные аптеки, одна из коих ветеринарная; хотя о существовании последней (в селении Осетинском) мало из карачаевцев кто ведает, и карачаевское почтовое отделение. Ко все-

му исчисленному следует еще добавить, что мы, наконец, имеем и акушерку-фельдшерицу. Учреждение этой должности составляет последний шаг нашего прогрессивного движения и в то же время является первым и единственным выражением заботы о нашей забытой женщине. Желая такому почину успеха, я, очевидец, хочу посвятить несколько строк деятельности акушерки Богословской.

Я приехал за нею в селение Уччулан – место ее постоянного пребывания, – чтобы пригласить к больной... Большая зала (приемная), комната для акушерки, аптека и еще одна комната для фельдшера. В зале ждут очереди много больных, бурно разговаривающих. На одной стороне зала, за ширмами, слышим громкие женские голоса. Мне указали, что «она» там. Стал я к ширмам ближе, прислушиваюсь. Одна женщина (русская) расспрашивала другую (карачаевку) о ее болезни... И сколько надо было времени и труда для подобного рода объяснений при помощи смеси обоих языков, а между тем много ожидало больных. Фельдшер тоже был занят работой в аптеке. Я добрался до акушерки, высказал свою просьбу, но она объявила мне, что ранее трех дней не позволят дела ей ко мне приехать. Приехав к сказанному сроку, я должен был ждать ее с 8 час. утра до 3 час. дня, а она все время работала, не зная ни отдыха, ни голода. Я мог в это время слышать и наблюдать все, что тут происходило: одни деспотично требовали от нее, чтобы она шла к их больной за несколько верст, так как они не имеют ни быков, ни лошади, а больная не могла прийти сюда, а другие предлагали ей верховую лошадь и требовали к себе, не обращая внимания на заявление фельдшерицы-акушерки, что она никогда еще не ездила на лошади, но все доводы были бессильны! Спорившие из-за очереди нелепо упрекали ее в медлительности; были и угрозы. Как она должна была ухитриться, чтобы угодить всем. Так прошло до 3 час. Наконец, с трудом освободясь, она наскоро пообедала и должна была, не отдыхая, ехать со мной.

Но и тут, перед самым отъездом, какой-то оборвыш-франт стал перед ней, держась за кончики закрученных усиков, требуя отпустить ему такое средство, чтобы усы держались «так», и на заявление, что нет в ее распоряжении требуемого средства, он не только не поверил, но обиженно сетовал на лишение его прав в

получении из общественной аптеки необходимого средства для внушения усам должного повиновения.

И. Крымшамхалов,
Газ. «Кубанские областные ведомости».
– Екатеринодар, 1903. - №100, 8 мая

ПИСЬМА

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКУ ХУМАРИНСКОГО УЧАСТКА
ПОРУЧИКУ ГАЛОФЕЕВУ
О СОЗДАНИИ МОЛОЧНОЙ ФЕРМЫ
НА «КРАСНОЙ ПОЛЯНЕ» (1897 г.)

6 октября 1897 г. с. Тебердинское

По поводу ходатайства моего об отдаче мне в долгосрочную аренду поляны, состоящей в ведении казны, и требования управления государственными имуществами, имею честь объяснить:

Большая поляна, которую я желаю иметь в аренде, находится от моего дома на расстоянии одной версты (а не 15 верст), поляна эта при постоянном, по мере надобности, искусственном орошении в летнее время дает чистого покоса 20 десятин, т. е. накашивается сена до 6000, не считая отаву (а не 3500 пуд. с отавой), что вполне достаточно для прокорма до 30 голов взрослого скота на зиму (6 месяцев); кроме этой поляны, я имею еще свой покосный пай. —

Что же касается двух быков (производителей), коих вопреки своему желанию я обязался непременно иметь по желанию бывшего управляющего Государственными имуществами в Кубанской области г. Васильева, — я нахожу иметь быков, в особенности второго из них, совершенно излишним по следующим соображениям: принимая во внимание наши местные условия, веками укрепившийся порядок и расчет ведения хозяйства (скотоводство), взгляд на материальное благосостояние населения и т.д., а затем также мои личные наблюдения при посещении в 1896 году отдела молочного хозяйства и скотоводства на Нижнегородской выставке, образцовой фермы А. Герпа в Смоленской губернии, молочной школы Верещагина в с.Едимоновске Тверской губернии и еще других, — я пришел к твердому убеждению, что нам, карачаевцам, нет надобности и расчетов производить у себя племенной скот, в особенности в чистокровном виде. Наша старая местная порода скота, по убеждению карачаевцев, менее выносит заболевание чумою, — с некоторого времени находится в изгнании и постепенно исчезает, уступая ме-

сто серой — степной породе скота, малоценной как мясной, рабочий и в особенности молочный скот, несмотря на то, что старая порода карачаевского скота, как молочная, так и рабочая, прекрасная, еще более прекрасная тем, что скот местной породы, он легок (16 — 18 пуд. жив. веса), малотребовательный и выносливый, а поэтому я прежде всего намерен возобновить эту породу, пока она не исчезла совсем; улучшить ее — надо только лучший уход в сравнении с тем, чем теперь пользуется, т.е. дать на зиму теплое и сухое помещение вместо теперешнего совершенно открытого база и горского питательного сена в достаточном количестве — на каждую голову взрослого скота 220 пудов вместо 120 пудов, как приблизительно дают у нас, и не потребуется дача никаких концентрированных кормов.

При этом я позволю себе смело сказать, что, сравнивая продуктивности и удойности наших коров с племенным скотом, также принимая в расчет и то, что мы тратим (наивысший 8-10 р. в год) на голову взрослого скота, — с затратою в образцовых фермах 50-60 с лишком руб. на корову в год, то наши коровы приносят не менее пользы хозяину при правильной обработке молока; причем нужно принять во внимание и то, что молоко наших коров, не получающих ни теплого помещения, ни достаточного количества сена, никакого зернового корма, летом — подножному корму — содержит в среднем жиру 4,79%, а молоко культивированного скота на виденных мною фермах при всем получаемом комфорте содержит в среднем не более 4,19%.

Г. Армфельд главную пользу в моем предприятии для моих односельчан видит в приобретении мною упомянутых племенных бычков и находит, что их недостаточно для покрытия коров последних, — я и не думал покрыть двумя бычками более 5000 голов (в одном только Тебердинском селении) скота, но только прибавлю, что на первое время мои соотечественники не станут случать своих коров с этими незнакомыми для них бычками, так как карачаевцы не выводят молочной породы коров, потому что не имеют понятия о ценности молочных продуктов и не умеют обрабатывать молоко, хотя в силу местных условий как прошедшее и будущее их благосостояние зависит исключительно от скотоводства и молочного хозяйства. Для того, чтобы приохотить карачаевцев к разведению скота молочной породы, нужно

ознакомить их, что молоко ценный продукт, что сделать я и имею в виду.

Что размер предполагаемого мною предприятия невелик, — я согласен ст. Армфельдом, а также я не задаюсь целью поставить это дело на слишком научных образцовых началах, потому, во-первых, что для этого нужно было бы делать большие затраты, чего я не в состоянии, во-вторых, — маленький опыт достаточно выяснит пользу большого предприятия, а затем слишком научное или образцовое начало легко сможет напугать малоученых карачаевцев своею недоступностью. Если мне удастся подвинуть дело к лучшему хотя на 1 шаг, — я буду доволен.

В дополнение прибавлю, что в первой моей просьбе, поданной в январе 1895 года в управление государственными имуществами в Кубанской области, я просил уступить мне большую поляну на 24 года за плату по 25 р. в год, считая с неудобными всего около десятин, в том же числе считая небольшую смежную поляну, которая прежде входила в состав Большой поляны, а ныне отдающейся особо с торгов, под названием Горелая поляна, но, по заключению местного лесничего, было мне предложено, не пожелаю ли я взять поляну на 12 лет без торгов по существующей цене; по 79 р. 50 коп. в год, на что я заявил свое согласие, хотя условия для меня были затруднительными, в надежде после умиловить управление государственными имуществами, когда я поставлю дело в надлежащем виде, на что надеюсь и теперь.

Крайне неудобным для меня условием является то, что, по мнению г.Армфельда, от меня отбирается поляна, если мое предприятие на деле окажется мало приносящим пользы для местного населения, другими словами — я и мое предприятие будет в зависимости от каприза какой-либо личности, и я вынужден буду лохмать постройки и убираться. Этот пункт тем больше условен, что трудно устроить мерило, посредством которого можно было бы определить, приносит ли мое дело столько пользы, чтобы я имел право пользоваться поляною на дальнейшее время.

Также я позволю с своей стороны заметить, что отношение г.Армфельда ко всему, что я заявляю, слишком строгое и недоверчивое; жертва, которую я прошу со стороны управления госу-

дарственных имуществ, настолько ничтожна, что едва ли мыслимо подозревать здесь какую-либо аферу с моей стороны в ущерб казне; это тем более неуместно, что не даром получу поляну, а за ^существующую цену (79 р. 50 к.); за эту цену я непосредственно беру с торгов два года — 1896 и 1897 г., к тому же поляна отбирается, если я не выполню требуемых условий, кои будут поставлены со стороны казны, после всего, что я высказал, и на какие я согласен заранее.

Относительно знаний моих отрасли молочного хозяйства и скотоводства — могу только сказать, что никаких специальных образований по этому предмету я не получал, но я сам скотовод, как и все мои соотечественники, с практическими приемами производства молочных продуктов я ознакомился, посетив разные фермы. Варю два года, хотя в небольшом размере, бакштайн, и расходится нарасхват; умею готовить разных сортов масло, имею сепаратор Альфа-беби большого калибра: один год держал сыровара из школы Н. Верещагина — С. Морозова. Имею сочинения по отрасли молочного хозяйства и скотоводства Д-р Фон-Кранца, Бусса, Заттегаста и Флейшмана Крайорицки.

И. Крымшамхалов.

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. 1790-1917. Сб. документов. Сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. — Ростов-на-Дону, 1985. — С. 183-186 (ссылка: ГАКК, ф. 454, он. 1, д. 946, л. 7-12)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МУСУЛЬМАНИН» (1910)

Многоуважаемый Магомет-Бек!

Приехав в Владикавказ, я остановился у своего родственника, ротного командира при кадетском корпусе, и нашел случайно на его столе декабрьскую книжку «Мусульманский отдел», что было для меня приятнейшей находкой. Я прочел ее с лихорадочной радостью.

Читая эту книжку, я испытывал то чувство, которое должен испытывать человек, заброшенный судьбою на долгие годы в

чуждый для него край, при неожиданной встрече с своими близкими.

Не могу, однако, не высказать своего суждения по поводу двух писем, помещенных в вашей статье и характеризующих современное положение мусульманских народностей, главным образом, Северного Кавказа, по отношению их к культуре и цивилизации. Здесь затрагивается насущный вопрос наших дней, то есть просвещение горцев вообще.

Прежде всего, я далек от мысли критиковать современное направление или искать во всем дурное, наоборот, в этих письмах я слышу вопль страданий из-за любимых; и трудно сказать, кто из авторов этих писем меньше или больше любит свой народ. Несомненно, они оба жаждут правды и хотят доставить вернейший диагноз дорогому, близкому пациенту: да простится им их ошибка.

Соглашаюсь вполне с тем, что мы, кавказские горцы (мусульмане в особенности), отстали в отношении цивилизации, как принято это понимать, но, в то же время, скажу с уверенностью, мы еще легко можем наверстать упущенное при наличии тех особенных элементов, коими обуславливается древо горцев. Я хочу сказать несколько слов, главным образом, о причинах медленного привития образования у нас, думая, что именно с этой стороны надо подходить к важному для нас вопросу о просвещении наших отставших единоверцев. Конечно, исчерпать все причины, служащие тормозом в этом деле, я не берусь, но укажу из них, по моему мнению, на главные.

Прежде всего, не следует горцев Северного Кавказа ставить на один уровень с некультурными классами других народностей. Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа. Все несчастье заключается в том, что нас не понимают представители современной цивилизации (наоборот); и в том еще, что нас не удовлетворяет та культура, которую они преподносят нам в виде собственных особ. Одна лишь внешняя, так сказать, материальная сторона подобной культуры могла бы заманить к ней, но это не есть главное для горца, и ему нужно еще многое.

И в самом деле, что из себя представляет значительная часть, именуемая цивилизованным обществом, в смысле светлого, хорошего или полезного? К сожалению, нам, горцам, приходится сталкиваться постоянно с этой частью общества, и она окружает нас бронью, через которую и проникают к нам лучи просвещения. И что может горец, с его характерным мирозерцанием, найти для себя привлекательного в этой среде, которая старается предложить ему ее культуру, иными словами — уподобиться ей.

Может ли воспринять такую гнилую культуру горец, ставящий высоко доверие, душевную теплоту; горец, воспитанный в принципах скромности, воздержания и почитания возраста, положения и т. д. и т. п.

Не подумайте, однако, что я хочу идеализировать горца, сказать, что все только хорошее присуще одному ему, или что все горцы одинаково обладают хорошими качествами души и натуры; нет, да они и не нуждаются в этом: люди — везде люди. Но скажу с твердой убежденностью, что в душе горца сидит основательно и верно очерченный облик хорошего человека, — которому он поклоняется. И является ли это плодом его сознания или навязано ему заветами его предков, — несомненно одно: облик этот вошел в его натуру, или вернее, запечатлелся в нем, сделался его богом. И вот лишь из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения. Если бы каким-либо способом было бы возможно показать горцу на экране внутренний и внешний облик людей — истинного, интеллигентного, добавлю, культурного класса Европы, то горец заключил бы их в свои объятия и сказал бы громко: «Я поклоняюсь тому, чему поклоняетесь вы, я буду верен вам, как вы верны свету и правде...»

Не могу умолчать и о том, что во многом виновны наши братья, получившие европейское образование, в деле отталкивания от последнего, но сохрани меня Аллах от упреков и раздражения.

Кто знаком с условиями, среди которых протекает современная жизнь горцев, тот простит им все, что есть нехорошего в их настоящем прозябании. Удивляюсь, как при таких обстоятельствах каким-то чудом еще уцелело много былого, хорошего у нас, а потому высшее признание наших образованных

собратьев должно заключаться прежде всего в понимании *былого хорошего у нас*, в оценке и любви их к нему. Нужно сделаться научным просвещенным человеком, но безусловно и обязательно оставаться горцем и по воспитанию, и по духовному складу; стать естественным продолжателем древа горцев, не отрываясь от него и не чуждаясь благодарных, хотя и наивных, быть может, сородичей.

Поверьте, что лишь при таких условиях мы, образованные горцы, станем действительно соединительным звеном современной культурной жизни с жизнью наших, пока темных братьев. И это — самое главное и трудноустранимое препятствие из всех, лежащих на пути просвещения горцев-мусульман.

Чтобы не быть ложно понятым, поясню точнее. Я вовсе не хочу именем древа выращивать особое растение, я хочу лишь сказать, что не все хорошо, что носит европейскую пломбу, и что много хорошего в былой жизни горцев, могущих быть истинным украшением короны европейской цивилизации. В этом мое глубокое убеждение.

Простите, дорогой Магомет-Бек, что я, быть может, не совсем ясно выразил свою мысль, но думаю, что вы меня поймете, и что я хотел сказать, для вас совершенно понятно.

**Ислам-Бий Крым-Шамхал,
Жур. «Мусульманин». — Париж, 1910. — №2, С.55-56**

Приложение 3

НЕКРОЛОГ И.Х. КРЫМШАМХАЛОВА

«Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крымшамхалова.

Покойному Ислам-бию Крымшамхалову от роду было 46 лет. Происходил из карачаевских «биев», родился в ауле Карт-Джурт Баталпашинского отдела Кубанской области. Как мусульманин, он читал Коран и прекрасно знал по-арабски, хотя специального образования не получил и нигде не учился. В возрасте 16—17 лет был взят на службу в Конвой Его Величества в Петербург и, служа там в течение 3 лет, самоучкой выучил русский язык и грамоту, и, кроме того, в нем обнаружился художественный Талант. Рисовать он начал также без руководителя. Окончив срок службы и произведенный в офицеры, он возвратился домой, где продолжал самообразование путем усиленного и постоянного чтения и писал картины с натуры. Любил больше философские произведения и был поклонником Л.Н.Толстого. Чуткий по природе человек, он не мог остаться чуждым к общественной жизни, тем более в темной своей среде, и в последние 15 лет почти всецело был поглощен общественными делами своего карачаевского народа, стремясь, главным образом, к распространению познаний среди народа. Старался об улучшении материального положения населения, ни одно хорошее дело не проходило без его участия. Между прочим, заметив, что страшный бич народа — туберкулез, распространяется и на Кавказе, он наметил чудный уголок с сосновым лесом и минеральными источниками в верховьях р.Теберды (приток Кубани) выстроил там дом, переселился туда, перенося всякое лишение, ввиду отсутствия населения и т.п. неудобств, и путем рекламирования и пропаганды, обратил всеобщее внимание, благодаря чему начали возникать дачи, и теперь официально решено там создать курорт. Специалисты это место уже называли «Кавказский Давос». Но бедняга сам погиб от туберкулеза. Дело в том, что, к несчастью, некоторые известные художники, посещавшие Кавказ, обратили внимание на его художественный талант и лет 14 тому назад уговорили его поехать в Москву и заняться теорией художества. Он отправился и поступил в художественную школу, но в 1-й же год схватил чахотку в Москве и возвратился больным домой и, хотя под влиянием климата и других условий Теберды

поражение легкого зарубцевалось, но организм был ослаблен, а натура не давала ему возможность вести спокойную и правильную жизнь, и он преждевременно погиб. Последние два-три года он, между прочим, работал над изобретением азбуки для карачаевского языка, применением латинского алфавита, т. е. арабский алфавит трудный и тормозит дело распространения грамотности, но умер, не успев издать своей азбуки.

У покойного детей нет, остались жена и братья. Они, оба офицеры, на службе, но один из них приехал с тем, чтобы больше не возвращаться в полк и остаться дома.

Мир праху дорогого земляка и единове́рца. Да будет твоя жизнь примером для нас, жаждущих принести посильную помощь своему народу. Пожелаем, чтобы мечты дорогого покойника осуществились в полном объеме. Пусть могила твоя вечно зеленеет и служит местом вдохновения для слабых духом и волею.

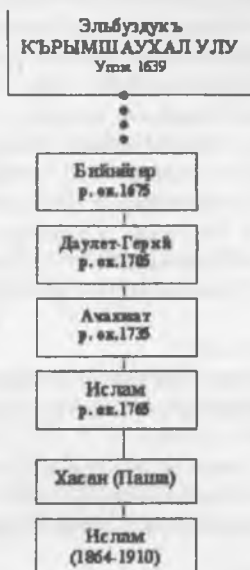
Биографические сведения о покойном Ислам-бие сообщены нам его лучшим другом Мисостом Абаевым, за что редакция приносит ему сердечную благодарность.

Редакция».

Жур. «Мусульманин». – Париж, 1910. – №6-7

Приложение 4

**Предки просветителя
(генеалогическая схема)**

Примечания

¹ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.126, 129 прим.8; 247

² - ГАКЧ, ф.364, оп.1, д.178, л.338; газ. «Терек». – Пятигорск, 1922. - №230, 28 октября

³ - ГАКЧ, ф.364, оп.1, д.178, л. 323

⁴ - Хатуулары Р.Т., Шаманлары И.М. Гюрджюлары Къурман //Газ. «Джамгъат». – Черкесск, 2002. – 12 ноября, №22

⁵ - Орусланы Аминат. Халкъны сыйлы уланы //Газ. «Ленинни байрагы». – Черкесск, 1990. – 25 июля, №84(8154)

⁶ - Жур. «Революция и горец», 1932. - №2-3, С.117

⁷ - Къарачай поэзияны антологиясы. Сост. М.О.Акбаев, Х.Б.Байрамукова, Н.М.Кагиева. – Ставрополь, 1965. – С.99-102

⁸ - Газ. «МК-Кавказ». – Ставрополь, 2004. – 14-21 апреля, С.17

⁹ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7

- ¹⁰ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.121
- ¹¹ - Ньюмагометланы Къазий-Магмет. Бухарачы Абдуллах шыйых //Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1990. – 11 августа
- ¹² - Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. - №4
- ¹³ - там же; Карачаево-балкарские деятели., С.121
- ¹⁴ - Ньюмагометланы Къазий-Магмет. Бухарачы Абдуллах шыйых //Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1990. – 11 августа
- ¹⁵ - Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. //Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.253
- ¹⁶ - Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова, С.81, 84, 85 прим.14
- ¹⁷ - ГАСО, ф.272, оп.23, л.50
- ¹⁸ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.121
- ¹⁹ - Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова, С.81(ссылка: личный архив Х.Б.Крымшамхалова)
- ²⁰ - Подробнее см.: Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе. – Ставрополь, 2000. – С.24 и далее
- ²¹ - Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М.:Наука, 1974. – С.101
- ²² - Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова, С.81, 83 (ссылка: личный архив Х.Б.Крымшамхалова)
- ²³ - Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова, С.81 (ссылка: личный архив Х.Б.Крымшамхалова)
- ²⁴ - ГАСО, ф.272, оп.23, л.50
- ²⁵ - Газ. «Карачаево-балкарский мир». – Черкесск, 1997. - №1(23)
- ²⁶ - Батчаев Ш.М. Участие карачаевцев в войнах Российской империи второй половины XIX-начала XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пятигорск, 2003. (Рукопись)
- ²⁷ - Карачаево-балкарские деятели., С.121
- ²⁸ - Хабичева-Боташева З.Б. Озарение души. *Художественно-документальный роман*. – Черкесск, 1985. – С.16, 17
- ²⁹ - Цит. по: Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе, С.123
- ³⁰ - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря
- ³¹ - Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе, С.123
- ³² - Петренко А. Первый живописец Карачая //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968

³³ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963 . – С.100 (приводится сообщение Ляли Мисостовны Абасовой-Крымшамхаловой)

³⁴ - там же, С.122 и далее; Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.26-31, 124; Малкондуев Х.Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: «Эльбрус», 2001. – С.134-135 и др.

³⁵ - Грове. Холодный Кавказ. – СПб, 1879. - С.130

³⁶ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.122

³⁷ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7

³⁸ - там же, С.38, 39

³⁹ - там же, С.79

⁴⁰ - Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе, С.112-127 и др.

⁴¹ - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря; Карачаево-балкарские деятели культуры..., С.122

⁴² - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.122

⁴³ - Дата «1879» помещена на надмогильном камне Басханука (Тебердинское кладбище)

⁴⁴ - СЭПКРНКЧ, С.153-154, 257 прим.66

⁴⁵ - Карачаево-балкарские деятели..., С.233.

⁴⁶ - Лайпанова З.К. Общественно-политическая мысль Карачая и Черкесии второй половины XIX – начала XX веков. Диссертация... кандидат исторических наук. Науч. рук. д.и.н. М.З.Саблиров. *Рукопись* – Черкесск, 2004. – С.49-59

⁴⁷ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7

⁴⁸ - Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 8 апреля, №15(415)

⁴⁹ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7

⁵⁰ - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря

⁵¹ - Карачаево-балкарские деятели..., С.122

⁵² - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря

⁵³ - Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Сост. Р.К.Кармов, М.И.Айдаболова. – Нальчик, 2002. – С.2

⁵⁴ - там же, С.33

⁵⁵ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Му-сульманин». – Париж, 1911. - №6-7

⁵⁶ - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967. – С.572; Хабишев М.А. Певец родных гор //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1989. – 20 декабря, №244; Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 8 апреля, №15(415)

⁵⁷ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.122; Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. - №4. – С.82

⁵⁸ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Му-сульманин». – Париж, 1911. - №6-7

⁵⁹ Карачаево-балкарские деятели культуры., т.1, С.126

⁶⁰ - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967. – С.572

⁶¹ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.122; Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. - №4, С.82

⁶² - Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 8 апреля, №15(415)

⁶³ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963. – С.102

⁶⁴ - Батчаев Ш.М. Участие карачаевцев в войнах Российской империи второй половины XIX-начала XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пятигорск, 2003. (Рукопись). – С.46

⁶⁵ - РГВИА, ф.330, к.175, л.19 (из материалов И.М.Шаманова)

⁶⁶ - Подробнее см.: Батчаев Ш.М. Участие карачаевцев в войнах Российской империи второй половины XIX-начала XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пятигорск, 2003. (Рукопись)

⁶⁷ - Батчаев М.Ш. Князя Крымшамхаловы (клан Бийнёгерлери) в русской армии //Вестник КЧМЗ. – Черкесск, 2004. – Вып.1, С.9-10

⁶⁸ - там же, С.13, 15, 16, 18, 24, 26, 32, 70, 72

⁶⁹ - там же, С.70

⁷⁰ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.22

⁷¹ - Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон..., С.72

⁷² - Карачаево-балкарские деятели культуры..., С.24

⁷³ - там же, С.22

⁷⁴ - Польская Е. Они были друзьями. К 120-летию со дня рождения Косты Хетагурова //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1979. – 9 октября

⁷⁵ - Карачаево-балкарские деятели культуры..., С.22

⁷⁶ - РГВИА. Ф. 409. П/с 317—943. 1911 г. (материал предоставлен доктором исторических наук М.Д.Каракетовым, которому выражаю искреннюю признательность)

⁷⁷ - Архив КНИИ, ф.11, д.22, ед.хр.1

⁷⁸ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.123

⁷⁹ - там же, С.126; Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. - №4. – С.83

⁸⁰ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности..., С.67, 68

⁸¹ - Польская Е. Они были друзьями. К 120-летию со дня рождения Косты Хетагурова //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1979. – 9 октября

⁸² - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. – 1917 г.). – Черкесск, 1975. – С.100, 101

⁸³ - там же, С.67

⁸⁴ - там же, С.69, 79

⁸⁵ - Польская Е. Мушкетеры в Карачаево-Черкесии //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1966. – 7 октября

⁸⁶ - Антология карачаевской поэзии. – Ставрополь, 1965

⁸⁷ - Карачаево-балкарские деятели..., С.233-237

⁸⁸ - Невская В. П., Байрамуков И. Х., Шаманов И. М. Первый учитель Карачая //Газ. Ленинское знамя». – Черкесск, 1979. – 28.08.

⁸⁹ - Байрамуқтланы Ахмат (авторы – Р.Хатуев, И.Шаманов) //Газ. «Джамгъат». – Черкесск, 2002. - №10(15)

⁹⁰ - материалы об этом периоде жизни А.М.Байрамукова любезно предоставлены И.М.Шамановым

⁹¹ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности..., С.59

⁹² - там же, С.61

⁹³ - СЭПКРНКЧ, С.34, док.№6

⁹⁴ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности..., С.51

⁹⁵ - там же, С.49-50 (ссылка: Барбот-де-Марни Н. Карачаевские серебряно-свинцовые месторождения в Кубанской области //Материалы для геологии Кавказа. – Тифлис, 1895. – Сер.2, кн.IX, С.177-178)

⁹⁶ - там же, С.50 (ссылка: Карапетян О. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе //«Кавказский вестник», 1901, С.100)

⁹⁷ - Тебуев Р.С. Зарождение промышленности., С.61-62, 65

⁹⁸ - там же, С.65

⁹⁹ - там же

¹⁰⁰ - Польская Е. Они были друзьями. К 120-летию со дня рождения Косты Хетагурова //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1979. – 9 октября

¹⁰¹ - там же; в более полном варианте стихи помещены в художественно-документальном романе З.Б.Хабичевой-Боташевой «Озарение души» (С.112-113)

¹⁰² - Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. В 5-ти томах. – М., 1960. – т.2, С.59-60

¹⁰³ - там же

¹⁰⁴ - Тебуев Р.С. Зарождение промышленности., С.31, 32

¹⁰⁵ - Польская Е. Теберде – 95 лет //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968. – 9 августа

¹⁰⁶ - ГАСО, ф.262, оп.1, д.71, лл.102-121

¹⁰⁷ - ГАСО, ф.262, оп.

¹⁰⁸ Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. – Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 2003. – т. II. - С.300

¹⁰⁹ - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967. – С.573

¹¹⁰ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.126; Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. - №4, С.82

¹¹¹ - Польская Е. Теберда 95 лет //Газ. «Ленинское знамя». - Черкесск, 1968. – 9 августа

¹¹² - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.127; Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. - №4. – С.82; Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 8 апреля, №№15, 17.. и др.

¹¹³ - Хабичева-Боташева З.Б. Озарение души. Художественно-документальный роман. – Черкесск, 1985.

¹¹⁴ - Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. – Черкесск, 1957. – С.С.29

¹¹⁵ - Шаманов И.М., Мусукаев А.И. К этнической истории карачаевского селения Джамагат //История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. (проблемы социально-экономического развития). Ответ. ред. В.П.Невская. – Ставрополь, 1980. – С.112

¹¹⁶ - там же, С.104

¹¹⁷ - Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая //СМОМПК. – Тифлис, 1900. – вып.28, С.66, 67, 68 (по итогам поездки 1898 г.)

¹¹⁸ - Цит.по: Шаманов И.М., Мусукаев А.И. К этнической истории..., С.105 (ссылка: Азм С. Под травой забвения //Газ. «Кубанский край». – Екатеринодар, 1913. - №157)

¹¹⁹ - Шаманов И.М., Мусукаев А.И. К этнической истории..., С.107 (ссылка: Лавров Л.И. Из поездки в Балкарию //Жур. «Советская этнография». – М., 1939. - №2, С.176)

¹²⁰ - Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев, С.65; Шаманов И.М., Мусукаев А.И. К этнической истории..., С.109-110

¹²¹ - Польская Е. Книга об исторических памятниках Ставрополя //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1960. – 16 ноября

¹²² - Гречишкин Г.М. Теберда, как горноклиматическая лечебная станция. 1912. С. 112

¹²³ - Климатическая станция в ущелье Теберды// «Казбек», 1896, №52

¹²⁴ - СЭПКРНКЧ, с.244 прим.18

¹²⁵ - Польская Е. Мушкетов в Карачаево-Черкесии //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1966. – 7 октября

¹²⁶ - Польская Е. Они были друзьями. К 120-летию со дня рождения Косты Хетагурова //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1979. – 9 октября.

¹²⁷ - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль..., С.574

¹²⁸ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.125 (ссылка: Мушкетов И.В. Геологический очерк ледниковой области Теберды и Чхалты. – СПб, 1896. – С.3)

¹²⁹ - Кубанский сборник, т.15, С.314

¹³⁰ - Доюнланы А.М. Хачирланы Джагъафар афенди – Къарачайны къадысыл. – Черкесск, 2004. – С.249 (приложения)

¹³¹ - РГВИА, ф.330, к.5417, д.92-93

¹³² - СЭПКРНКЧ, док.№23, С.77-78

¹³³ - Жур. «Кавказские курорты», 1915. - №2, С.23-27

¹³⁴ - Жур. «Кавказские курорты», 1915. - №4, С.50

¹³⁵ - Иваненков Н. Карачаевцы //Известия ОЛИКО. – Екатеринодар, 1912. – Вып.5

¹³⁶ - там же

¹³⁷ - Польская Е. Поэт, художник, просветитель //Газ. «Молодой ленинец». – Ставрополь, 1964. - №14

¹³⁸ - Иваненков Н. Карачаевцы //Известия ОЛИКО. – Екатеринодар, 1912. – Вып.5

¹³⁹ - Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1910. – т.15, С.313

¹⁴⁰ - Тебуев Р.С. Зарождение промышленности..., С.147-148

- ¹⁴¹ - Польская Е. Они были друзьями...
- ¹⁴² - Тебуев Р.С. Зарождение промышленности., С.147
- ¹⁴³ - там же
- ¹⁴⁴ - Орусланы Аминат. Халкъны сыйлы уланы //Газ. «Ленинни байрагы». – Черкесск, 1990. – 25 июля, №84(8154)
- ¹⁴⁵ - там же
- ¹⁴⁶ - там же
- ¹⁴⁷ - СЭПКРНКЧ, С.262-263 прим.97
- ¹⁴⁸ - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль., С.574
- ¹⁴⁹ - Тебуев Р.С. Первые сыроваренные заводы Карачаево-Черкесии //Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1971. – С.104; Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.128
- ¹⁵⁰ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7
- ¹⁵¹ - Исмаил-Заде Д.И. *Воронцов-Дашков Иван Илларионович* //Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. – М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1994. – Том 1, С.460
- ¹⁵² - СЭПКРНКЧ, С.188-191 (док.№63)
- ¹⁵³ - ГАКК, ф.454, оп.1, д.1590, л.2 (из материалов И.М.Шаманова)
- ¹⁵⁴ - там же
- ¹⁵⁵ - СЭПКРНКЧ, С.264 прим.104
- ¹⁵⁶ - СЭПКРНКЧ, С.265 прим.107; С.266 прим.111
- ¹⁵⁷ - СЭПКРНКЧ, С.265-266 прим.108
- ¹⁵⁸ - там же, С.222 док.№82
- ¹⁵⁹ - Анисимов С. Картины Кавказа. – М., 1915. – С.105
- ¹⁶⁰ - Борчевский С.И. Описание минералогической коллекции, собранной в верховьях Кубани в 1898 году// ИОЛИКО, 1900. вып.2. С.254
- ¹⁶¹ - РГВИА, ф.330, к.5417, д.115 (из материалов И.М.Шаманова)
- ¹⁶² - Белокопский И.П. Будущий курорт на Северном Кавказе //Русские ведомости. 1910. №41
- ¹⁶³ - Григорьев А. Х. и Штакман А. А.. Минеральные источники верховьев реки Кубани. //Военно-медицинский журнал. 1901. № 7. С. 2142-2150
- ¹⁶⁴ - Некролог «Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крымшамхалова» //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7
- ¹⁶⁵ - Карачаево-балкарские деятели культуры., С.126, 127
- ¹⁶⁶ - Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова., С.82
- ¹⁶⁷ - Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 8 апреля, №15(415)
- ¹⁶⁸ - М-в С. Теберда //Газ. «Кубанские областные ведомости». – Екатеринбург, 1908. - №156

- ¹⁶⁹ - Бурксер В. В стране карачаевцев // Записки Кавказского горного клуба. 1915. вып.3-4
- ¹⁷⁰ - Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай // Известия КОИРГО. – Тифлис, 1915. – Т. XXIII, №3, С.247
- ¹⁷¹ - Курорты Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 1911. с. 6
- ¹⁷² - Микулевский И.К. О путях сообщения к лечебным местам Баталпашинского отдела Кубанской области. Доклад 15 ноября 1915 г. // Бюллетень ОЛИКО. – Екатеринодар, 1916. - №3, С.4-5
- ¹⁷³ - Архив КНИИ, ф.11, д.22, ед.хр.1
- ¹⁷⁴ - Архив КНИИ, ф.11, д.22, ед.хр.1
- ¹⁷⁵ - Польская Е. Теберде – 95 лет // Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968. – 9 августа. В статье ошибочно указывается на 250 десятин казенной земли, ибо в обращении к наместнику речь шла о землях карачаевского общества, которые намеревались передать до завершения работ землеустроительной комиссии.
- ¹⁷⁶ - Бурксер В. В стране карачаевцев // Записки Кавказского горного клуба. 1915. вып.3-4. О заработках карачаевцев в районе курорта в то время можно судить по таким данным: 1915 г. за сутки пребывания в карачаевской «даче»-хибарке уплачивался 1 р.50 коп. (Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай // Известия КОИРГО. – Тифлис, 1915. – Т. XXIII, №3, С.246), за кровать – 1 руб. 50 коп.; стакан молока стоил 3 коп., десяток яиц – 15-20 коп., курица – 30-40 коп., фунт мяса – 10-15 коп. (М-в С. Теберда // Газ. «Кубанские областные ведомости». – Екатеринодар, 1908. - №156).
- ¹⁷⁷ - Анисимов С. Картины Кавказа. – М., 1915. – С.121
- ¹⁷⁸ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1975. – С.147
- ¹⁷⁹ - СЭПКРНКЧ, С.185
- ¹⁸⁰ - Тебугев Р.С. Первые сыроваренные заводы Карачаево-Черкесии // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1971. - С.103
- ¹⁸¹ - СЭПКРНКЧ, С.183-184
- ¹⁸² - Тебугев Р.С. Первые сыроваренные заводы..., С.102, 103
- ¹⁸³ - СЭПКРНКЧ, С.184-185, 259 прим.80
- ¹⁸⁴ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности..., С.142
- ¹⁸⁵ - СЭПКРНКЧ, С.259 прим.80
- ¹⁸⁶ - там же, С.183-184
- ¹⁸⁷ - там же, С.185
- ¹⁸⁸ - там же, С.183
- ¹⁸⁹ - там же, С.185
- ¹⁹⁰ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – т.1, С.23-24, 29
- ¹⁹¹ - Тебугев Р.С. Первые сыроваренные заводы..., С.103- 104

- ¹⁹² - Карачаево-балкарские деятели., С.23-24
- ¹⁹³ - Тебугев Р.С. Первые сыроваренные заводы., С.97; его же: Зарождение промышленности., С.135
- ¹⁹⁴ - там же
- ¹⁹⁵ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности., С.135, 136, 137-138 (здесь ссылка: Кириш А.А. Сыроварение на Кавказе //Труды Вольного экономического общества. – 1883, Вып.3, т.3)
- ¹⁹⁶ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности., С.139-140, 141
- ¹⁹⁷ - СЭПРНКЧ, С.185
- ¹⁹⁸ - Невская В.П. Карачай в XIX веке., С.433
- ¹⁹⁹ - Тебугев Р.С. Первые сыроваренные заводы., С.103 прим.4
- ²⁰⁰ - СЭПРНКЧ, С.186
- ²⁰¹ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности., С.147
- ²⁰² - Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая //СМОМПК. – Тифлис, 1900. – вып.28, С.72-73
- ²⁰³ - Невская В.П. Карачай в XIX веке. Под общей ред. И.М.Шаманова //Жур. «Ас-Алан». – М., 2002. - №1(6). – С.434
- ²⁰⁴ - Польская Е. Теберде – 95 лет //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968. – 9 августа
- ²⁰⁵ - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Кисловодске //Газ. «Ставропольская правда», 1962. - №8
- ²⁰⁶ - Петренко А. Первый живописец Карачая //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968
- ²⁰⁷ - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае...
- ²⁰⁸ - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря
- ²⁰⁹ - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае...
- ²¹⁰ - там же
- ²¹¹ - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко...
- ²¹² - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963. – С.100 (приводится сообщение Фатимы Аскербиевны Крымшамхаловой)
- ²¹³ - там же, С.10
- ²¹⁴ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко, С.10
- ²¹⁵ - Карачаево-балкарские деятели., С.123
- ²¹⁶ - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае...
- ²¹⁷ - там же
- ²¹⁸ - там же
- ²¹⁹ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко , С.57
- ²²⁰ - там же, С.102 (приводится сообщение К.Т.Лайпанова)
- ²²¹ - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае...

- 222 - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко, С.101(приводится сообщение К.Т.Лайпанова)
- 223 - там же
- 224 - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае...
- 225 - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко, С.102 (приводится сообщение К.Т.Лайпанова)
- 226 - Тебердинское ущелье // Газ. Кавказ». – Тифлис, 1859. - №18
- 227 - Щукин И. Материалы для изучения карачаевцев...
- 228 - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко, С.102 (приводится сообщение К.Т.Лайпанова)
- 229 - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае...
- 230 - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко, С.101 (приводится сообщение К.Т.Лайпанова)
- 231 - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае...
- 232 - там же
- 233 - Польская Е. Они были друзьями. К 120-летию со дня рождения Косты Хетагурова //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1979. – 9 октября
- 234 - там же
- 235 - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963. – С.100
- 236 - Петренко А. Первый живописец Карачая...
- 237 - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7
- 238 - Польская Е., Розенфельд Б. //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря; Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 15 апреля, №16(416) и др.
- 239 - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.125; Барзbieв М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова //Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2002. - №4. – С.82
- 240 - Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения».., 15 апреля, №16(416)
- 241 - Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая, С.71, 73,
- 91
- 242 - там же, С.103
- 243 - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967. – С.573
- 244 - Польская Е. Мушкетер в Карачаево-Черкесии //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1966. – 7 октября; Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря

- ²⁴⁵ - Петренко А. Первый живописец Карачая...
- ²⁴⁶ - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко; Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967. – С.576; Хабишева-Боташева З.Б. Озарение души. *Художественно-документальный роман*. – Черкесск, 1985. – Иллюстрации вклейки; Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.124.
- ²⁴⁷ - Цит.по: Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии..., С.576
- ²⁴⁸ - там же
- ²⁴⁹ - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко...
- ²⁵⁰ - Карачаево-балкарские деятели культуры., С.125
- ²⁵¹ - Къарачай поэзияны антологиясы. Сост. М.О.Акбаев, Х.Б.Байрамукова, Н.М.Кагиева. – Ставрополь, 1965. – С.99
- ²⁵² - Польская Е., Розенфельд Б. Кавказские друзья Ярошенко //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1971. – 14 декабря
- ²⁵³ - Полевой материал 18.01.1994, с.Каменноостский, Кииков Алий Канаматович, 1917 г.р.; полевой материал 22.01.1994, с.Кумыш, Кииков Сюлемен Локманович, 1930 г.р.
- ²⁵⁴ - ГАСО, ф.272, оп.23, лл.50-86
- ²⁵⁵ - Къарачай поэзияны антологиясы, С.102
- ²⁵⁶ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993.. – С.251-252
- ²⁵⁷ - Антология литературы народов Северного Кавказа. Гл. ред. и сост. А.М.Казиева, отв.ред. Л.В.Витковская. – Пятигорск, 2003. – С.695-696
- ²⁵⁸ - Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 22 апреля, №17(417)
- ²⁵⁹ - Ислам-Бий Крым-Шамхал. Карачаевское горе //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1910. - №11-12, С.253-254
- ²⁶⁰ - Карачаево-балкарские деятели культуры..., С.247
- ²⁶¹ - там же, С.136
- ²⁶² - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.123
- ²⁶³ - Польская Е. Они были друзьями...
- ²⁶⁴ - Тебугев Р.С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. – 1917 г.). – Черкесск, 1975. – С.101
- ²⁶⁵ - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967. – С.575

- ²⁶⁶ - Крымшамхалов И. Из Карачая //Газ. «Кубанские областные ведомости». – Екатеринодар, 1903. – 8 мая, №100
- ²⁶⁷ - Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев. – Нальчик: «Эльбрус», 1980. – С.24 прим.
- ²⁶⁸ - Карачаевец. Положение женщин в Карачае //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №24
- ²⁶⁹ - Кочкаров М. Проповедь в мечети о холере //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1910. - №24
- ²⁷⁰ - Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев, С.19
- ²⁷¹ - там же, С.17
- ²⁷² - Жур. «Мусульманин». – Париж, 1910. - №2, С.55-56
- ²⁷³ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963. – С.100
- ²⁷⁴ - Къарачай поэзияны антологиясы, С.99
- ²⁷⁵ - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967. – С. 575
- ²⁷⁶ - Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 15 апреля, №16(416); 22 апреля, №17 (417)
- ²⁷⁷ - Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе, С.122
- ²⁷⁸ - Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.79 (ссылка: Памяти С.И.Танеева. – М.-Л., 1947)
- ²⁷⁹ - Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев. – Нальчик: «Эльбрус», 1980. – С.6, 9; Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш.Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – С.142
- ²⁸⁰ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963. – С.54, 77, 98
- ²⁸¹ - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае...
- ²⁸² - Польская Е. Н.А.Ярошенко в Карачае //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1967. – 7 февраля, №27; Петренко А. Первый живописец Карачая...
- ²⁸³ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963. – С.101
- ²⁸⁴ - Жур. «Мусульманин». – Париж, 1910. - №2, С.55-56
- ²⁸⁵ - Трубецкой Н.С. О русском самопознании //Жур. «Декоративное искусство». – М., 1990. - №2, С.29-31
- ²⁸⁶ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963. - С.100-101

- ²⁸⁷ - Хабичева-Боташева З.Б. Озарение души. *Художественно-документальный роман*. – Черкесск, 1985. – С.232-233
- ²⁸⁸ - Петренко А. Первый живописец Карачая //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968
- ²⁸⁹ - Хабичева-Боташева З.Б. Озарение души. *Художественно-документальный роман*. – Черкесск, 1985. – С.232-233
- ²⁹⁰ - Польская Е. Поэт, художник, просветитель //Газ. «Молодой ленинец». – Ставрополь, 1964. - №11
- ²⁹¹ - СЭПКРНКЧ, С.262 прим.95
- ²⁹² - Тогдашний второй секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС Сеит-Умар Токаев на просьбу Хамзата Басхануковича, талантливого художника и участника Великой Отечественной войны, ответил: «Вы нам не нужны!» (сообщение от 13.01.2002 г. Аубекира Джумуковича Баучиева, работавшего в то время заместителем председателя облисполкома КЧАО).
- ²⁹³ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7
- ²⁹⁴ - Секлюцкий В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963. – С.38
- ²⁹⁵ - там же, С.84
- ²⁹⁶ - там же, С.49
- ²⁹⁷ - Виноградов Б. Здесь в горах Кавказа (к 150-летию Л.Н.Толстого) //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1978. – 6 сентября
- ²⁹⁸ - Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1978. - с.22
- ²⁹⁹ - РГВИА, ф.38, оп.7, л.1-5об., 9-15; Малкондуев Х.Х. К вопросу о самоназвании карачаевцев и балкарцев// Карачаевцы и балкарцы. Язык, этнография, археология, фольклор. –М., 2001. – С.129 (прим. ред.)
- ³⁰⁰ - Польская Е. Мушкетер в Карачаево-Черкесии //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1966. – 7 октября
- ³⁰¹ - Тебуев Р.С. Зарождение промышленности..., С.65
- ³⁰² - Лайпанов К.Т., Тугов В.Б. Общественная мысль в Карачае и Черкесии (Раздел XV-й главы) //Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ответ. ред. В.П.Невская и В.А.Романовский. – Ставрополь, 1967
- ³⁰³ - Польская Е. Мушкетер в Карачаево-Черкесии...
- ³⁰⁴ - там же
- ³⁰⁵ - Буш Н.Н. Ледники Западного Кавказа //Записки Императорского Русского Географического общества. – СПб, 1905. – т.XXXII, №4, С.14, 15, 21, 23 (о С.Байчорове), 45, 50 (об А.Семенове)
- ³⁰⁶ - Польская Е. Мушкетер в Карачаево-Черкесии...
- ³⁰⁷ - Тебуев Р.С. Зарождение промышленности..., С.74
- ³⁰⁸ - Польская Е. Мушкетер в Карачаево-Черкесии...
- ³⁰⁹ - там же
- ³¹⁰ - там же
- ³¹¹ - там же

- ³¹² - Польская Е. Уллу алим Къарачайда (И.В.Мушкетов туугъанлы джыл) //Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1965. – 22 января
- ³¹³ - Тебуев Р.С. Зарождение промышленности., С.101
- ³¹⁴ - Польская Е. Мушкетов в Карачаево-Черкесии...
- ³¹⁵ - Польская Е. Теберде – 95 лет //Газ. «Ленинское знамя». – Черкесск, 1968. – 9 августа
- ³¹⁶ - фон Мекк А. Верховья р.Теберды //Записки Крымского горного клуба. – Одесса, 1904. - №10-12, С.13-15
- ³¹⁷ - Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова //Жур. «Мусульманин». – Париж, 1911. - №6-7
- ³¹⁸ - там же
- ³¹⁹ - там же
- ³²⁰ - Къойчуланы Аскербий. Биринчилени биринчиси //Газ. «Къарачай». – Черкесск, 2002. – 25 ноября, №91(9535)
- ³²¹ - Карачаево-балкарские деятели., С.222
- ³²² - Памяти умершего в Ялте...
- ³²³ - СЭПКРНКЧ, С.184
- ³²⁴ - Тебуев Р.С. Первые сыроваренные заводы., 103; *его же*: Зарождение промышленности., С.142
- ³²⁵ - Тебуев Р.С. Первые сыроваренные заводы., С.103
- ³²⁶ - Шаманов И.М. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев //Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1971. - С.92, 93 (о саде Таусолтан-хаджи Крымшамхалова в 1870-х гг. в Карт-Джурте см. также: Миллер Б.Вс. Из обычного права карачаевцев //Этнографическое обозрение. – М., 1902. - №1, С.40)
- ³²⁷ - Шаманов И.М. Земледелие и земледельческий быт., С.92
- ³²⁸ - там же
- ³²⁹ - там же, С.93
- ³³⁰ - Лайпанланы К., Лайпанланы С. Ислам Тебердичи // Газ. «Ленинни байрагъы». – Черкесск, 1964. – 19 января. Некоторые авторы ошибочно называют число – 31 декабря (Суюнчев А. «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» //Газ. «Экспресс-Почта». – Черкесск, 2004. – 22 апреля, №17(417)
- ³³¹ - Лайпанланы К., Лайпанланы С. Ислам Тебердичи...
- ³³² - Хабишева-Боташева З.Б. Озарение души. *Художественно-документальный роман*. – Черкесск, 1985. – С.286-287
- ³³³ - Архив КНИИ, ф.11, д.22, ед.хр.2
- ³³⁴ - Карачаево-балкарские деятели., т.2, С.231

Технический редактор Бостанова З.А.

Корректор Кахунова Т.А.

Подписано к печати 15.10.2009. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ.л. 6,5. Заказ 0453. Тираж 300 экз.

Издательство ИКО «Аланский Эрмитаж», 369000, г.Черкесск, ул.Чкалова, 17А

Правки:

стр.	напечатано	следует
4	Некролог И.Х.Крымишамхалова	Некролог И.Х.Крымшамхалова
13 (3-й абзац)	строго траура	строгого траура
14 (2-я строка снизу)	иностранный гость	иностранный гостя
16 (послед. строка)	не языковом барьере	не в языковом барьере
17 (4-й абзац)	Но могли	Но мог ли
19 (послед. строка)	«... в венок» (<u>дис.</u>).	«... в венок».
30 (1-й абзац)	записку (<u>фотокопия</u>), в кото- рой	записку, в которой
(3-й абзац)	посчитали перевезти	посчитали нужным перевезти
(4-й абзац)	последовал весьма г-н Утяков	последовал г-н Утяков
(4-й абзац)	повысил спрос	повысила спрос
(4-й абзац)	этот топливо	это топливо
37 (2-й абзац)	представить в то	представить то
40 (2-й абзац)	Административные имели	Административные меры имели
46 (2-й абзац)	на этом поприще. не ограничи- вавшиеся	на этом поприще не ограничивались
48 (2-й абзац)	читаем: «изучение...	читаем: «изучение...
50 (2-й абзац)	– 40 лет (см. <u>фотокопию нек- ролога на стр./</u> ; Ислам...	– 40 лет; Ислам...
54 (2-й абзац)	понятен сочинителей обраще- ния	сочинителей обращения понятен
67 (5-й абзац)	в Москве (см. главу).	в Москве.
71 (3-й абзац)	Абаевой (<u>фото</u>) – третьей...	Абаевой – третьей...
84 (3-й абзац)	сообщени Ляли	сообщение Ляли
85 (5-й абзац)	поглядео на валенки.	поглядел на валенки.

**МЕСТО УПОКОЕНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЯ И
МЕДАЛЬ ЕГО ИМЕНИ**